

ГУБЕРНСКИЙ

ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1/94

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ 1/94

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

Время Общество Знание

- Всеволод Аносов. Все это было на моих глазах. 3
Город Мастеров. 6
Елена Мячина. Книжник из Соцевина. 10
Шестидесятники. Ренессанс в костромской культуре. 12
Собиратель имен и судеб. 17

Свидетельства Архива Документы

- Лариса Ковалева. От удела до губернии. 19
Лариса Сизинцева. Из истории костромского земства. 24
✓ Юрий Смирнов. Торговое дело купцов Третьяковых. 28
Александр Григоров. Павел Петрович Свиньин. 32
Андрей Анохин. Светописец Ефим Честняков. 35
Гербы исторических городов. 40
Владимир Сморчков. С автографом Гумилева. 42

Литература Искусство Культура

- Елена Сапрыгина. Павел Корнилов. Статистик и поэт. 47
Ольга Куколевская. "Свет от света". 53
Лариса Вавилова. Кострома в русской живописи. 57
Поэтический вектор. Стихи Татьяны Иноземцевой,
Виктора Лапшина, Евгения Разумова. 60
Александра Кобякова. Последняя казнь. Глава из романа. 66
Народное краснословие: загадки костромской земли. 78

Учредитель: администрация Костромской области.
Попечители: областное отделение Российского фонда культуры,
областной государственный архив,
Костромское епархиальное управление,
дирекция фестиваля «Вехи»,
областная писательская организация,
совет ректоров костромских вузов, объединение «Костромакурорт»,
областная научная библиотека.

ЛЮБЕЗНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вот и канул в лету еще один год - 1993 от Рождества Христова и первый от рождения журнала "Губернский дом". Ушедший год будет памятен для него: внимание прессы - и местных, и центральных изданий ("Литературная Россия", "Книжное обозрение", "Литературная учеба", "Культура"); интерес наших соседей - краеведов ивановских, ярославских, вятских; доброе отношение читателей не только в Костроме, но и в обеих столицах. Вот, например, письмо из Москвы, от писателя Виктора Хохлова: "Отличное, благородное дело затеяли и начали его хорошо..." А вот из Петербурга, от поэта Михаила Дудина: "Если в Костроме в это время стал выходить такой журнал, то культура в России не погибнет..." Выход журнала как доброе и полезное дело благословил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II...

Перед вами - новый журнал, пятый по общему счету и первый в 1994 году. Несмотря на сложное время, он "потолстел" и обещает выходить регулярно, становясь постепенно журналом для семейного чтения. "Губернский дом" имеет теперь постоянный адрес, увеличился состав его попечителей, расширился круг авторов, прошедший в день рождения вечер показал, что у журнала много настоящих друзей. Все это позволяет с надеждой смотреть вперед и видеть Кострому центром собирания духовных ценностей и продолжения великих традиций русской провинциальной культуры.

Начиная новый, юбилейный для области, будем верить, хороший год, повторим слова, которыми открывался самый первый номер журнала.

Милости просим
в «Губернский дом».

*Хороша наша губерния,
Славен город Кострома.*

Н.А.Некрасов "Коробейники"

ЖИЛИ-БЫЛИ ЗЕМЛЯКИ

Костромской области - 50 лет. В масштабе истории - срок невелик, для человеческой жизни - значителен. Несколько поколений наших земляков жили-были в это время: работали и учились, растили детей и заботились о стариках. И продолжали традиции предков своих - сеяли лен, ткали полотно, вели лесное хозяйство, знали ювелирный промысел... История земли костромской есть история ее людей да их дел. Святых праведников и культурных подвижников, губернаторов и купцов, ученых и мастеров-умельцев, художников и поэтов - от давнего времени до сегодняшнего. И встреча их на страницах журнала совсем не случайна, в этом - и осмысление сделанного, и продолжение начатого. Ибо все на земле взаимосвязано, все должно сохраняться и помниться. И не может быть по-иному в хорошей губернии.

...А дорога идет. Через лес и поле, к избам и церквям. К нашему прошлому, настоящему и будущему.

Валерий АРБУЗОВ:

НУЖНО СОГЛАСИЕ – И ДЕЛО ПОЙДЕТ

В отличие от других костромских губернаторов, о которых в журнале речь впереди, Валерий Петрович Арбузов - человек не приезжий. А это имеет свое значение: землю и живущих на ней людей лучше понимает тот, кто рядом с ними родился, а не заехал издалека. Родился же Валерий Петрович в Шарьинском районе, там и "университеты" свои проходил, после которых работал на руководящих должностях в Шарье, затем в Сусанине и снова в Шарье, а с 1987 года - в областном центре. В декабре 1991 года Указом Президента России был назначен главой администрации Костромской области, а через два года, в декабре 1993-го, избран депутатом Федерального собрания Российской Федерации. 50 лет Костромской области - это и его, В.П.Арбузова, время. Детство, молодость и вот теперь уже - зрелые годы, полные забот о жизни родного края.

Образование Костромской области было для нас важным событием всегда, а сейчас особенно, потому что в основу хозяйственной деятельности положен территориальный принцип, и решение многих важных вопросов передано на места. Область теперь является субъектом федерации, с которым центр обязан считаться, и дальнейшее наше жизнеустройство мы во многом будем определять сами. А для этого есть все возможности: за 50 лет трудом многих костромичей в области создан мощный экономический потенциал. Построена Костромская ГРЭС, электрифицированы железные дороги, проложены автодороги до всех районных центров и заканчивается их прокладка до каждой центральной усадьбы, имеется база для того, чтобы область могла сама обеспечивать себя продуктами питания... Следует при этом учесть, что создание всей инфраструктуры было делом сложным, ведь Костромская область по своему положению отличается от соседних областей огромной площадью и большой удаленностью от областного центра на северо-восток.

Сейчас нам нужно самое главное - согласие. Так хочется, чтобы 1994 год, юбилейный для области и совпадающий с началом работы Федерального собрания и новых органов власти на местах, дал нам возможность не разъединяться дальше, а объединяться вокруг решения многих важных проблем, прежде всего экономических. А когда нормально заработает экономический механизм, тогда начнут решаться и другие вопросы, которые помогут создать условия для того, чтобы каждый российский гражданин мог жить хорошо.

Социальная политика остается у нас на первом плане. Несмотря на трудности, мы должны находить возможности для помощи малоимущим, мы должны строить в первую очередь больницы, школы, детские учреждения. И надо заметить, построили в прошедшем году этих объектов больше, чем в 1992-м. В области культурной политики нужно не ограничиваться областными и районными центрами, а больше внимания уделять культуре глубинки, с ее народными обычаями и традициями, нужно вести просветительскую и собирательскую работу, чтобы

сохранить все это богатство для будущего России. А будущее ее в тех людях, которые сегодня появляются на свет. Поэтому государство, местные органы власти должны создавать все условия для нормального рождения ребенка, заботы о нем, его культурного воспитания. Вместе с семьей в этом смысле большую роль должна играть школа, особенно в сельской глубинке, быть связующим звеном, центром, где дети могут видеть и чувствовать доброту, уважение к старшим, любовь к родному краю, к нашим культурным традициям. В этом деле важно не разрывать историческую нить времен и событий, объективно представить ход нашей жизни за последние 50 лет.

В юбилейном для области году хочу пожелать костромичам здоровья и благополучия, хочу, чтобы они были мудрыми в принятии решений и терпимыми по отношению друг к другу. От этого будет зависеть и общее спокойствие, и общий достаток. Только так, при понимании и согласии, все вместе мы сможем помочь России сохранить государственность и порядок, а себе наладить лучшую жизнь.

ВСЕ ЭТО БЫЛО НА МОИХ ГЛАЗАХ

Беседа со старейшим ученым-интеллектуалом, профессором
Костромского технологического института Всеволодом Аносовым

- Всеволод Николаевич, еще Пушкин говорил, что следовать за жизнью людей есть наука самая занимательная. Давайте начнем разговор с этой науки в отношении Вас. Вы костромич?

- Родился я в Москве в 1905 году. Дом наш находился на территории детской больницы, где отец служил врачом. Это на месте теперешних планетария и зоопарка. Когда в декабре семенины наступали на Красную Пресню, мама прятала меня, пятимесячного, за подоконник, потому что вокруг свистели пули. Так что я во время первой русской революции, можно сказать, был под обстрелом.

- А во время второй где Вы были?

- В 1912 году мы из Москвы уехали. Родители считали, что худшего места для воспитания молодежи, чем Москва, не найти, поэтому многие тогда стремились жить в провинции. С 1912 по 1917 мы жили в Романове-Борисоглебске Ярославской губернии, ныне в Тутаеве. События февральской революции я помню хорошо, у меня тогда уже был фотоаппарат "Кодак", сохранилось даже несколько снимков с демонстраций. А вот в октябре никаких демонстраций не было, власть в провинции переменялась сравнительно спокойно.

- А Ярославский мятеж?

- Тоже хорошо помню. Останавливали все суда, идущие по Волге. На колокольнях были установлены пулеметы. Отряд красногвардейцев затеял перестрелку с местной молодежью и красногвардеец Тутаев погиб. Потом отряд ушел, увидев большую пыль на дороге, но оказалось, что это было стадо. А именем погибшего по-глупому Тутаева, который стал героем, назвали город. Сначала хотели назвать Тутаев - Луначарск, но потом оставили просто Тутаев. А в Кострому мы приехали в 1919 году, потом в 20-е годы я уезжал на учебу, а с 1933 года живу здесь постоянно, вот уже 60 лет.

- Вы, наверное, хорошо помните время, когда была образована Костромская область. Чем это было вызвано, как происходило, какие настроения тогда были среди научной интеллигенции?

- Кострома была обделена и обижена, когда были ликвидированы губернии и образована огромная Ивановская промышленная область, куда вошли бывшие губернские города Кострома, Ярославль и Владимир, а центром ее стал город Иваново, бывший до этого заштатным. В 1944 году справедливость, конечно, восстановили, и нам, костромичам, было приятно. Но при этом Кострому опять

обидели - такие хорошие уезды как Ветлужский, Варнавинский, Кинешемский, Юрьевоцкий отдали другим, а нам дали какие-то болота на границе с Вологодской областью. Но все равно решение было правильное, условий для развития народного хозяйства и культуры стало больше, наш институт наконец-то собрался в одном месте и после войны стал активно развиваться.

- Какое время из прошедших 50 лет было самым благоприятным для развития науки?

- При Хрущеве, когда были созданы совнархозы. Вот мы говорим сейчас о повышении роли местного самоуправления, а тогда к этому был сделан первый шаг. Костромской совнархоз во главе с товарищем Тимофеевым был, безусловно, прогрессивным началом и для науки, и для промышленности области. Хотя работники министерств организацию совнархозов считали страшной ошибкой. Они говорили: мы здесь боремся за каждую десятую долю процента роста производительности труда, а у вас там, на местах, счет пошел на целые единицы. Потому это дело и прикрыли. Но инициатива уже была пробуждена. С 1956 года, когда я стал заместителем директора института по учебно-научной работе, мы начали

расширять специальности, увеличивать прием, через несколько лет институт из текстильного был преобразован в технологический. На кафедре машин и механизмов я организовал научный семинар, который затем был преобразован в филиал семинара при Академии наук, он и сейчас работает, как часики. За время существования совнархоза мне удалось организовать при институте три отраслевых лаборатории, работало два ученых совета по присуждению ученых степеней - не в каждом вузе такое бывало. После ликвидации совнархозов нам стало гораздо труднее. Время инициативных людей проходило. Во времена Брежнева в науке, безусловно, был застой, доходило до нелепого - хорошие научные работы, которые могли дать большой экономический эффект, годами лежали на полках. Бюрократия крепко стояла на пути свободной научной мысли. Это тоже вело нас к тупику, в котором мы оказались. А ведь в это время председателем Совета Министров был Косыгин, умнейший человек, но брежневское окружение не давало ему работать.

- Косыгин, говорят, бывал у вас в институте?

- Бывал, первый раз еще наркомом текстильной промышленности, в довоенные годы. У меня в лаборатории сидел, мы с ним разговаривали. Был и после войны. А когда приезжал в Кострому в качестве кандидата в депутаты, то не зашел, мы встречались тогда в Доме политпроса. Там для него давался концерт, где был и такой номер - поет баритоном завкафедрой технологического института Парфенов, аккомпанирует ему профессор Аносов. Мы исполнили для высокого гостя три романа. Косыгина обычно называли Алеша-неулыба, хмурый и строгий был всегда. А тут сидит в первом ряду - и улыбка до ушей. Мне потом в горьком за это благодарность

В.Н. Аносов.

объявили, мол, развеселили самого Косыгина.

- Профессор-музыкант, профессор-театрал - так многие костромичи о Вас отзываются. Наука и культура - в жизни одного человека или целого поколения всегда ли они удачно совмещаются?

- Все развитие костромской культуры в советское время прошло практически на моих глазах. Я приехал в Кострому в 1919 году. В 20-е годы здесь был всплеск культурной жизни: создавались студийные театры, издавалось очень много научной и художественной литературы, была хорошо поставлена гастрольная работа, к нам приезжали лучшие артисты страны, в доме бывшего Дворянского собрания работал университет, где преподавало много блестящих профессоров. Я посещал в университете интереснейшие лекции по истории искусств, ходил в театры и в концертные залы, которые всегда бывали переполненными. Мы всем интересовались и везде успевали. Я занимался даже переводами. Будучи студентом, заключил с издательством договор и перевел с английского книжку по вентиляции и увлажнению текстильных фабрик, которая вышла в 1926 году. Денег в издательстве не хватало и

часть гонорара мне предложили взять литературой, с того времени и началась моя научно-техническая библиотека. Тогда не было такого разделения интеллигенции на творческую и научную. Все сочеталось: ученые ходили в театры, писатели посещали научные диспуты, врачи в городе создали свою оперетту, а при доме инженеров и техников была организована музыкальная студия. Я тоже, но уже в 50-е годы, по собственной инициативе организовал в институте цикл лекций о том, как научиться понимать музыку. На первую лекцию-концерт пришло человек 25, на следующую - 150, а уж потом зал был переполнен. Я стал привлекать к этому делу других людей, мы пели песни, романсы, даже ставили кушочки из оперы. Этим мы как бы продолжали те культурные традиции, которые были в Костроме в 20-е годы.

- Тогда научно-техническая интеллигенция входила, скажем так, в состав культурного слоя. А сейчас? Можно ли, к примеру, сравнить общекультурный уровень старой и сегодняшней профессуры?

- Знаете, совершенно неожиданно открываю для себя в нашем коллективе людей, который много читают, размышляют. Но это происходит в каком-то узком, семейном кругу. Какого-то общественного выхода эти размышления не имеют. Коллективности стало меньше, преподаватели игнорируют сейчас общественную самостоятельность. Я вот до недавнего времени посещал концерты и спектакли, но видел там мало своих товарищей. Сегодняшний профессор редко пойдет на поэтический вечер или концерт классической музыки, а раньше это было в порядке вещей. Не знаю, чем это объяснить. Может, влиянием радио и телевидения, может тем, что изменилось время. Собственно и в самой науке произошли огромные изменения, что тоже повлияло на

уровень сегодняшнего ученого - и научный, и культурный.

- *Студенчество, конечно, тоже изменилось. Какое поколение Вам более всего симпатично?*

- В студентах я ценил прежде всего желание учиться. Уважал тех, кто приходил к нам через рабфак. Это были люди малообразованные, но желали знаний, старались, хотели стать инженерами, и со временем становились настоящими интеллигентами, потому что были ими по природе своей. Затем была хорошая волна в послевоенные годы. Пришли люди, прошедшие суровую школу, желающие учиться и быть полезными своей стране. Потом стало больше конъюнктуры, сейчас многие поступают лишь для того, чтобы получить диплом. Конечно, здесь может быть момент субъективности, ведь сам я поступал в институт еще в 1923 году и получил уроки профессоров старой, дореволюционной закваски.

- *Вы говорили о том, что в студенческие годы самостоятельно изучали языки, переводили технические книги. А теперешние студенты, ваши аспиранты имеют к этому интерес?*

- У меня на этот счет своя теория. Языку надо учить с начальных групп детского сада. Тогда человек осваивает другой язык так же легко, как и

свой родной. Не зря же раньше языки начинали изучать в семье, а затем продолжали с первого класса гимназии. А если начинать со школы, да еще не с первого класса, да еще с обязательной, то толку не будет - только трата времени и средств. У меня был такой случай. Однажды я 1,5 месяца замещал ректора и своей волей в нарушение всех инструкций ввел в нашем ведомственном садике должность преподавателя иностранного языка. Через 1,5 месяца детишки, сидя на горшках, уже стали болтать по-английски. А потом сказали, что все незаконно, и это дело прикрыли. А законно, получается, так: сдает человек по иностранному языку кандидатский минимум, но языка не знает.

- *Судьба, наверное, сводила Вас со многими интересными людьми. Кого бы Вы сейчас хотели вспомнить добрым словом?*

- Много добрых слов могу сказать о тех, с кем пришлось работать в институте - и о своих сверстниках, пришедших в науку в 20-30 годы, и о своих учениках, ставших теперь руководителями института. В нашем коллективе всегда была хорошая творческая атмосфера. Так было с самого начала: разные люди, пришедшие в институт из разных мест, принесли различную культуру. Например, профес-

сор Николай Иванович Иванов из Баумановского училища, ученик Жуковского, или заведующий кафедрой Юрий Сергеевич Виноградов, математик из Московского университета, старые текстильщики-профессора Чиликин, Вершинин и другие. Вспоминаю своих учеников, большинство из них стало хорошими специалистами и хорошими людьми. Особенно памятен первый выпуск - 1937 года. Сейчас общаюсь с бывшими моими аспирантами, многие из них уже на пенсии.

- *Всеволод Николаевич, как Вы оцениваете эти 50 лет, прошедшие со дня образования области? Какие воспоминания, впечатления, размышления оставляет после себя это время?*

- Это время, как и весь советский период, нам еще предстоит осмыслить. Нельзя о нем судить поспешно и однозначно. Как и в любом другом времени в нем было и плохое, и хорошее. Многие люди честно жили, добросовестно работали, хотели принести пользу своей Родине.

Ведь несмотря на все сложности прошедшего, да и сегодняшнего времени, престиж российской науки во всем мире очень высок.

Беседовал
Николай Муренин.

ИМЕЕМ СООБЩИТЬ

С первых дней новой власти Советов в Костромской губернии начинается организация отличной от прежней системы административно-территориального устройства. С 21 апреля 1921 г. при губисполкоме начинает работать губернская административная комиссия. Она собирает совещания и съезды по междуволостному размежеванию, изучает материалы. В сентябре 1923 года ее

функции наследует секция районирования губплана и к 1928 году сложился окончательный проект нового деления Костромской губернии. 8 октября 1928 г. ВЦИК утвердил этот проект, упразднив существовавшее деление Костромской губернии на уезды и волости и утвердив новое деление ее на 19 районов.

Следующим этапом нового административно-

территориального деления была ликвидация Костромской губернии и организация Костромского округа, вошедшего (за исключением восточной части б. Кологривского уезда) в состав Иваново-Вознесенской промышленной области.

После ликвидации округа в 1930 г. территория его не была организована в самостоятельную административную единицу. Районы бывшей Костромской губернии с этого времени и до 1944 г. входили в состав Ивановской, Горьковской и Ярославской областей.

НАВОЕВ - ВАШ БАТЮШКА

Гуляя по бульвару мимо художественного музея, вспоминаете ли вы, что музей этот назывался когда-то "Романовским". Не приезд бы царя-батюшки в Кострому, то и не видать бы, может, ей такого великолепного особняка как своих собственных ушей.

К 300-летию дома Романовых каждый костромской мастер считал своим долгом как-то поинтереснее украсить свой город. Тогда в начале века жил и работал в Костроме удивительный мастер кузнечных дел Михаил Парфеньевич Навоев. Имел свое частное дело и мастерскую в бывшей Никольской слободе (сейчас Димитровский район). И чем он прославился? Великолепным кружевом "подковал" мастер этот Романовский музей. Не решетка-ограда, а и впрямь - подкова. Над заказом работал целый год: месяц за месяцем выплетались металлические нити, и ожили в них морозные узоры костромской зимушки-зимы. А лето пришло с царевым визитом: посмотрели... Литые цветочные розетки к солнцу тянутся, травы и листья вроде и не из железа, синим пряным воздухом земли напоены. И волшебная вязь железных кружев кажется уже не решеткой, а узорной нарядкой на порог музея...

Умер давно мастер, выполнивший это чудо. И бронзовый автограф его с клеймом и надписью "Мастер Навоев, у вокзала свой дом" какие-то глупые прохожие сорвали и даже выломали целые куски железных букетов. Но к счастью, в Костроме еще один Навоев оказался, правнук того, и тоже по кузнечному делу мастер - Константин Алексеевич Навоев. Он то с любовью к своему предку и с уважением к нашему прекрасному городу и восстановил парадное литье и ковку решетки в первоизданном виде, вновь выковал автограф с вензелем. Но опять нечистый кого-то попутал, опять крадено имя Навоева с его кружевного чуда. И что за люди! И как с этим бороться? - сердятся все.

А мы вот что. В общество охраны памятников звонить не будем, там уже старались "залечить" решетку. Но ведь не все прохожие вступают в какие-нибудь общества. Давайте без взносов, просто культурное человеческое общество прохожих возродим. И, проходя по бульвару у художественного музея, вспомним - это Навоев, Михаил Парфеньевич, мастер. И ломать ничего не будем. А чтобы литые цветы, травы тоже не забыли имя своего

батюшки, - подучите вашего малыша: надо варежкой снежок с бутона стряхнуть, да шепнуть ему на ушко три раза: "Навоев - ваш батюшка". И детям игра, и мастер-то снова жив!

ВОЛШЕБНЫЙ ЛАПОТЬ МАНЕФЫ САРАЕВОЙ

Сказка о том, как из обычного рождественского полена получился у старика Карло живой мальчик с длинным любопытным носом, знаете, чем похожа на быль? Она об умении некоторых людей одухотворять предметы и вещи без всякого колдовства. Попробуйте в доме вашем хоть что-то смастерить своими руками, и если делать это можете с любовью, обязательно произойдет чудо одушевления. И новый год станет для вас годом новых говорящих вещей. Как Манефин липовый лапоть, который она сплела на рождество. Послушаем его историю...

* * *

Жила-была на свете девочка, и звали ее по-старинному Манефа. Когда ей исполнилось шесть лет, отец научил ее плести рыбацкие сети. Мало кто в деревне умел так быстро управляться с маленькими узелками как маленькая Манефа. Рыба тогда в Костромке плескалась благородная: и стерлядка была, и судак. Манефины сети счастливыми слыли и помогали их большой семье прокормиться.

В девять лет новому ремеслу Манефу выучила бабушка. В селе Кунниково (сейчас оно затоплено водохранилищем) тогда все наловчились лапти плести. И Манефа этим тоже стала зарабатывать свой хлеб. Сплетешь пару лаптей, унесешь в селпо, там сразу выдадут 1 руб. 16 коп., а на них в магазине можно было купить две буханки свежего хлеба и кило сахара. Манефин лапоть опять кормил семью. Так наловчилась, что в час по лаптю у нее рождалось. И все были волшебными - людям от них только удобство и добро шло. Весь уезд еще и после войны в лаптях ходил. На покосе без добротных лаптей было не обойтись. Утренней росой онучи омочутся, ногам силу роса отдаст, скоро от рабочего жара обсохнет и уж не жарко в лапотках. А по ягоды как весь народ повалит: кто из болотины легонько выпрыгнет? Тот, кто в лапотки обут.

Много разного было в жизни Манефы Степановны Сараевой, и несчастья, и болезни, но все ее золотой, душистой липкой пахнувший, лапоть выручал. Давно из маленькой девочки превратилась Манефа в 72-летнюю бабушку, и ремесло свое знает как никто в Костроме. Она до сих пор участница всех городских праздников народных ремесел, в российских и даже международных ярмарках участвовала. Манефины лапти к ноге будто ластятся, потому

идут нарасхват. Вспомнить старые добрые традиции просят, да вот, хоть по дачным лугам да лесам побегать.

Но только учеников у Манефы Степановны, увы, нет. Трудное это, оказывается, дело, тер-

пения не хватает, начинают и бросают. А заказчики разные перебивали, для фольклорных коллективов области много плела. Или вот, например, клоуны из цирка принесли однажды хромовое лыко - сплети и нам, Манефа, волшебные лапти, чтобы номер русским духом заиграл. Говорят, после ее подарка клоуны эти стали знаменитыми во всей стране.

Наши костромские скромные старушки-лапотницы Манефа да ее закадычная подружка Евгения Большакова, уж последние поди такие мастерицы. Сидят за работой, да плетень за плетением лыко выплетают. Память об их волшебных лапотках пусть не затопит ничто, как случилось с их малой родиной, селом, которого уже больше нет. Но кунниковские лапотки еще побегают, дай Бог, по земле.

ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ГНЕЗДА

Художники, как и птицы, гнездятся высоко. Мастерская - дом художников Юрия Комарова и Елены Пименовой, в мансарде под самой крышей, еще напоминает семейный музей. Здесь фотографии предков и просто людей из

эпох давно прошумевших любовно собраны в альбомные гнезда. Здесь старинная бабушкина чашка играет для гостя зеленым перламутровым боком, из нее даже можно попить чайку. Подсветники, затейливые вазочки и самых причудливых форм лампы, которые когда-то светили их родственникам, - все эти милые мелочи напомнят картины самой хозяйки дома, оживляющей интерьеры старых костромских домов, их атмосферу не только бытового, но и духовного тепла. ...А за занавесью из серого холста крошечная Оленька заявляет свои права на наследство этого мира.

Картины Юрия Комарова еще ни разу не выставлялись в нашем городе, человек он приезжий. Предки его по материнской линии были известные на Балтике шкипера, прадед водил парусные суда, о чем сохранились семейные предания. Очевидно, поэтому морская тема так зачаровала его. Расставим полотна - и поплывут, задрожат на стальной волне старинные парусники. Художник их писал с натуры, оканчивается, где-то под Питером они еще сохранились. А вот новая работа из недавнего путешествия вместе с женой по Онеге, здесь когда-то жили его предки - выходцы из древнего Новгорода. - Натюрморт с расписным сундуком.

Но больше известен Юрий Владимирович Комаров в Костроме как реставратор церков-

ных древностей, иконописец. Когда-то двадцать лет назад его мастерская в Новгороде размещалась в монастыре - с этого и началось увлечение новгородской иконой. Технику, которой пользовались новгородские монахи, Комаров, можно сказать, освоил в совершенстве. У нас он реставрировал иконы для старообрядческой и Ильинской церквей, несколько написанных им икон приобрела Костромская епархия.

Пользуется художник только природными, естественными красителями: глинами, разноцветной каменной "пыльцой", натолченной в обыкновенной ступе. А еще: яичный желток. Да мало ли секретов хранится в этих разноцветных баночках на иконописном столе Комарова.

Доску из сосны, ели или липы обклеит художник холстом, нанесет до двадцати слоев покрытия, приготовленного по специальному рецепту. Чтобы заблестел холст как слоновая кость - шлифует речным песком и пучком травы полевого хвоща. И тогда методом заливки приступит к творению лика.

Но и этого мало, чтобы из доски получилась икона.

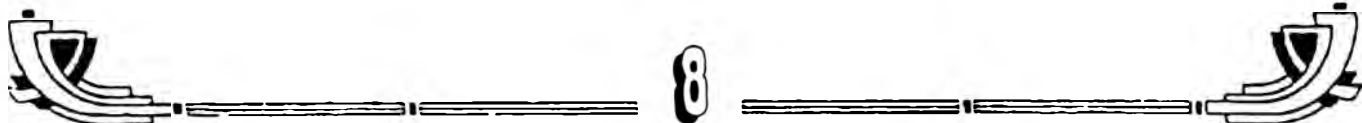
- Современным иконописцам, - говорит Юрий Владимирович, - при всем овладении техникой никогда, наверное, не приблизиться к образцам монашеского письма. Очень многое значит вера, энергетическое облако, как сказали бы теперь, творца иконы. Беда в том, что многие из современных людей, по-настоящему и не атеисты, и не верующие люди. Поэтому и возникают духовные границы, которые современным иконописцам не удается преодолеть...

Под строгим взглядом Спасителя с иконы письма Юрия Комарова плывут его живописные парусники из прошлого в настоящее и назад, чтобы что-то поведать миру здесь и миру там...

ДАРНЫЕ СТЕЖКИ

У Тани новое платье из настоящего льна с широкими свободными рукавами. С вышивкой и кружевом - сама шила и рукодельничала вечерами.

В один из таких вечеров мы и загостились в ее доме. Уже выспали звезды с картофелину на польхающем морозной зарей небе, а гости, как заколдованные, все сидят у плетеного сундучка с Таниными богатствами. Здесь забытые русские старинные ткани - кусочки пестряди, льна, похожего на шелк, выбеленной домот-

канины, причудливые кружева, вышивки и узоры, снятые со старинных народных белых одежд...

Все это собиралось годами, а вообще-то Татьяна Туловская в каком-то смысле профессионал не только в рукоделье, но и как исследователь старинного русского костюма. Работая в студии областного Дома народного творчества, она подготовила к печати издание великолепных узоров костромского шитья.

Новое ее платье - хорошо забытое старое. Это одежда, в какой наши прабабушки как на праздник шли на покос или жатву, или на первый выгон скота. У Тани нет ни покоса, ни жатвы, ни скота. Только игольное ушко в руках да шелковая нитка с узелком. Но, оказывается, и такая малость может стать огромным наследством. Живопись иглою и крючком - дар, доставшийся ей от бабушки и мамы. Много красивых вещей ее работы мы увидели: старинный сарафан и рубаха, стеганое одеяло, что ситцевый ковер, вязаные изо льна платья, вышивки... А многое раздарено, увы, продано в коллекции и так, костромским барышням.

Нарядно одеваться в национальное платье у нас, правда, еще не очень принято. А вот раньше это было нормой, особенно при проводах Масленицы, на Купалу, когда жгли молодые костры на реках и плели венки из полевых цветов, когда шли на посиделки Васильевских новогодних вечеров, в святки. А уж про семейные торжества - именины, крестины, венчания да свадьбы - и говорить нечего.

- Тань, а ты куда в этом новом платье?

- С собой побыть: такой покой, ясность, защищенность в нем чувствую и всегда вдохновение...

Вот оно что! Есть, оказывается, секрет у этих старых одежд, даже если они чуть по-новому делаются. Пока Таня по слиняному от старости узору повторяет вышивку на

праздничном дарном полотенце, последим-ка немного за ее приданным игольным ушком.

Бежит игольное ушко по белому полотну, оставляя красные кресты и стежки, и смотришь: красный куст расцветает, и травинка к солнцу тянется, и еще какие-то знаки вроде птичек-невеличек по полю гуляют... Таня пояснит, что раньше изображения древа жизни (куста, растения), соляные знаки Солнца и произрастания считались оберегами души человека, они призваны были защитить его от враждебных сил

мира. Дарные полотенца раньше невеста преподносила родне жениха. Девушка заготавливала к свадьбе не менее 12 полотенец, в состоятельных семьях их число доходило до сотни.

Дарились рубахи, пояски, кисеты, и все непременно украшенное вышивкой или кружевом. Чаще всего на концах полотенец и подолах рубах вышивались птицы, павы, гуси-лебеди как символы небесных сил, дающих поддержку тому, кому предназначался подарок.

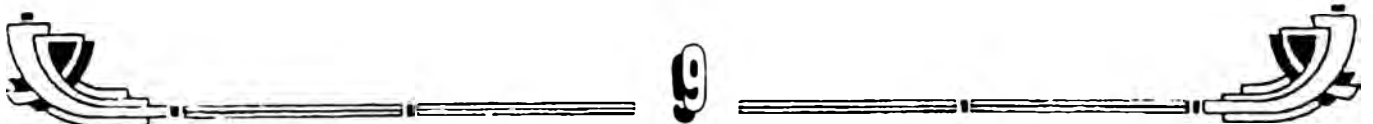
Но даже если вы не умеете читать смысл узоров, которые желаете вышить, не откладывайте затею с подарком. Главное, чтобы шитье

делалось с любовью, а любовь и есть главный оберег. Ведь, согласитесь, подарок - это не только материальный дар, он передает вашу духовную энергию тому, кому предназначен.

Рукоделье Татьяны Туловской несет в себе этот светлый дар. Попробуйте заказать у нее новое платье в русском стиле, и сами в этом убедитесь.

По городу мастеров гуляли
Татьяна Гончарова и Георгий Беляков.

Елена МЯЧИНА

КНИЖНИК ИЗ СОЦЕВИНА

“Между словесными рассуждениями и воздушными грезами располагается вся та отрасль искусства, которая зовется художественной литературой. И хотя ее костяк составляет нечто третье, литература редко обходится без рассуждений и еще реже - без грез. ”По красоте своих грез ты займешь свое место”...

Эти строки из статьи о гоголевских повестях, которые могли бы сделать честь писателю или литературоведу любого ранга, написаны Романом Андреевичем Семеновым, два года назад ушедшим на пенсию с должности лесника. И написаны они в старой, с перекошенными полами избе, стоящей в маленькой, о шести домах деревне.

Если ехать на поезде к Галичу, то километров за двадцать до него лес расступится на мгновение - линия железной дороги пересекает здесь старый булыжный тракт, и промелькнут в полукилometре за полем серые избы, а если зима и поздний вечер - то дальний огонек. Я всегда стараюсь не пропустить его, рассмотреть сквозь вагонное окно. Для меня это не только свет настольной лампы над книгой, но, если не бояться громких слов, то и свет духовности, который теплится сквозь безлюдье...

Прежде Соцевино стояло на бойком месте, и его трактир, как утверждают старожилы, славился творожными сочнями. “Наверно, с поправкой на северное ”цоканье” от них и произошло название деревни”, - объяснил мне при первой встрече Роман Андреевич. Сегодня старинный булыжный тракт зарастает ивняком, пустыми выбитыми окнами смотрят брошенные школа, клуб и божий храм.

Детские голоса в деревне звучат только летом, когда на каникулы приезжают внуки. И к Семеновым тоже. Кстати, дочь Романа Андреевича я узнала недавно, никогда прежде с ней не видевшись. Ехала из Галича в маленьком переполненном автобусе, люди в тесноте, толкучке и тряске смотрели друг на друга сердито, и только у стоявшей рядом со мной молодой женщины взгляд был тих и светел. Когда она попросила водителя остановиться у соцевинского проселка, я успела ее спросить: “Вы к Роману Андреевичу?” И не ошиблась...

Смолоду работал Р.А.Семенов в больших городах Саратове и Волгограде на инженерных должностях. Но потом немилы стали, по его собственным словам, “грохот великих строек, груды ржавого железа, ошметки мазута на волжском песке”. А тут еще начали будоражить

его воображение только что появившиеся произведения деревенской, как ее потом назовут, прозы. К тому времени закончил Роман Андреевич заочный курс филологического факультета в Саратовском университете и со всей семьей перебрался на север, в края, близкие по духу и природе, и занялся вместе с женой учительством в сельской школе. Но учитель из него вышел конфликтный. Детям-то, наверно, с Романом Андреевичем было интересно, а вот администрации - хлопотно. В те времена процветала в школе процентомания. До “Литературной газеты” доходил беспокойный сельский учитель, отстаивая свое право на собственную методику, на двойку, на

приоритет нравственнообразующих гуманитарных и эстетических программ. Но - до очередной оттепели было еще далеко, и в тогдашнюю школьную систему Роман Андреевич не вписался. Ушел в лесники. А свободное время посвящал книгам, литературоведению, печатался в газетах, имел связи с Пушкинским домом - Институтом русской литературы. Писал воспоминания о детстве. Вот такие.

"...Вечерами собирались мы, мальчишки, на резном просторном крыльце у Маруси-председательницы, и подпасок, парень уже на выросте, рассказывал нам разные истории о лесных разбойниках, о московских страшных промыслах, о том, как на той вон тропинке за Круглым Кустом, что через поле по заросшим березнякам заложкам ведет на станцию, не раз по ночам запоздалые путники слышали чей-то плач. Плачет кто неутешно, горько. Зовет и плачет, а ничего не видит, только иногда вроде как белый платочек промелькнет. "Не верите - сходите сами туда ночью, обязательно услышите!". Мы дрожим от страха и верим, только не идти бы на эту тропинку, не проверять.

Тянет, тянет мальчишку взором к кромке горизонта, где исчезают облака: а что там за чертой, какой там вид, есть ли деревеньки и колокольни?

Прошло время, распахнулся горизонт, предстали разные российские виды в ближних и дальних концах дорог. И когда поездил, посмотрел, поудивлялся всякой всячине, оказалось, что тот первый вид, то село над озером, те колокольни и деревеньки и есть самый живописный, самый удивительный, и, конечно же, самый дорогой вид на жительство..."

Прожив двенадцать лет в глухом Соцевине, в неизбежных крестьянских хлопотах об огороде, сенокосе, дровах, Роман Андреевич не ощущает себя отшельником. На его взгляд, городская жизнь искажает человеческую природу, отчуждает от пространств, данных богом, порождает снобизм по отношению к физическому труду и, соответственно, отчуждает от народа. Ведь народ, по Семенову, это "осознание общности в заботах и трудах". Хотя, вырвавшись на несколько дней в город, Роман Андреевич с наслаждением предается общению интеллектуальному - ездит на заседания философского общества, беседует со знакомыми писателями, музыкантами, священнослужителями.

Круг его собственных интересов очень широк. Он серьезно исследует творчество таких сложных, разных, но объединенных особой художнической гениальностью писателей, как Гоголь, Аксаков, Булгаков, Платонов. Из последних увлечений - Павел Флоренский, русские философы начала века.

Журналисты из галичской районной газеты сделали недавно доброе дело - нашли спонсора и напечатали в местной типографии книжку Р.А.Семенова "Грезы и рассуждения", где соб-

раны его литературоведческие и философские статьи. Это хорошая книга, потому что речь там идет и о ценностях вечных, и об умении жить достойно сегодня. Кстати сказать, литературу, обслуживающую интересы власть имущих, Роман Андреевич Семенов от души презирает. В самом большом разделе своей книги, где собраны статьи о писателях современных, в том числе и о костромичах, он с горечью пишет о том, что "иная критика все более размещается в сфере обслуживания, покидая сферу просвещения". Сарказма для таких литераторов Роман Андреевич не жалеет: "Десятки лет господствует закостенелая форма рецензии, в которой представляется рецензируемое произведение путем раздувания его значения, очень напоминающее кипячение воды в старинном самоваре с помощью валенка или собственных щек. И вот уже гудит на все лады самовар, и дребезжит от пара крышка: чай готов, к вашим услугам!". В последнюю нашу встречу Роман Андреевич возмущался тем, что ради политической конъюнктуры перечеркивается литературное значение мастеров деревенской прозы - "народных заботников", как он говорит...

"Крестьянский годовой оборот жизни", многолетнее общение с лесом неизбежно вовлекли Романа Андреевича Семенова еще в один постоянный круг размышлений - об ущербе, содеянном человеком земле: "почва изпод ног уходит, и небо над головой грозит неисчислимыми бедами". Страна наша напоминает ему "огромный океанский корабль, давший течи, а команда и пассажиры... кто борется за капитанский мостик, а кто дерется за оставшиеся на кухне продукты, и некому лезть в трюм заделывать многочисленные течи".

По поводу леса и общей сущности людей, вещей и природы у Романа Андреевича немало своих философских построений. В частности, что так называемый закон джунглей, естественного отбора, на наш русский лес распространить нельзя. Мне он говорил так:

- Посмотрите: вырубается делянка, на ней вырастает осина, ольха, береза, а под их покровом - словый ковер. Что это - закон джунглей? А опушка леса - она всегда гуще, плотней, это естественная живая изгородь, защита. Мы оцениваем лес с точки зрения пользы, реже - красоты, а я бы добавил еще и его благородство. Люди это не видят. Хотя я знаю одного священника, который с молодыми елочками разговаривает ласково и уверяет, что они в ответ на ласку благодарно протягивают ему свои ветки, надо только быть внимательным и увидеть это...

...Рано выпавший нынче снег снова мокрыми сугробами отрезал деревушку в шесть домов от людей и от мира. Но горит свет в окне соцевинского книжника Романа Андреевича Семенова. Философия и литература, Россия и Запад, политика и нравственность, экология и религия - грезы и рассуждения, рассуждения и грезы...

Виктор ИГНАТЬЕВ:

«С МОИМ ГЛУБОКИМ ПОЧТЕНИЕМ»

Шестидесятники. Ренессанс в костромской культуре

- Вам не кажется, что 60-е годы чем-то похожи на настоящее? Тем, например, что и тогда и сейчас интеллигенция от власти ожидала и ожидает нечто большее и в духовном и в политическом смысле, чем следовало бы. Роль "приводного ремня", о котором вспоминают, когда нужны очки в политической борьбе, ей явно коротка.

"Шестидесятникам" тогда был преподан жесткий урок лжи. Одно поколение стало свидетелем: реабилитации загубленных режимом людей и тут же венгерских событий; оттепели, свободы разговоров о справедливости, правде, совести и с другой стороны - травли Пастернака, "старого" "Нового мира" Твардовского, новых гонений на церковь. Они были свидетелями взлета искусства, посмеявшегося видеть мир глазами отдельного человека, а не массы и класса, а затем - последовала высылка из страны Некрасова, Солженицына, Войновича, Аксенова...

И все же "шестидесятники" сохранили надежду и веру в свою правду, упрямство духа. И в это разрушительное время они умели и хотели не только говорить, но и делать дело, делать его профессионально. И ведь получалось. Неправда ли, в этом есть какая-то загадка, может, тоже преподанный кому-то урок?

- Да, "шестидесятники" прожили жизнь с надеждой.

Мы научились отделять эти понятия - Родина и власть. Лучшие из нас, без внешних аффектов борьбы, своей работой, честной и профессиональной, оказывали духовное сопротивление лжи. На мой взгляд, никто не поднял так

громко голос против идеологически пошлого в литературе и жизни как Игорь Дедков. Он наиболее точно выразил смысл эпохи "шестидесятников" - ориентацию на вечные ценности в жизни и в искусстве, на правду, которая ежедневно добывается знаниями. И поэтому он смог выдержать в Костроме и провинциальную пошлость, и провинциальный снобизм среды, перестроить ее и в чем-то образовать. И не только Костромы, вы знаете. В это время он писал лучшие свои статьи, книги, получившие потом широкую известность. И чтобы до конца ответить на ваш вопрос, позволю себе очень важную цитату из статьи Игоря Дедкова в журнале "Искусство кино", как раз по теме:

"Но шестидесятые - это не только то, что шло из Москвы, благословлялось и порицалось Москвой. Это также то, что прорастало и поднималось во всей стране, в глубине российской провинции, вся совокупность тогдашних идейных поисков, практической повседневной работы, внутренне ориентированной против идеологических страхов и фетишей, и, конечно, знаний, самостоятельно отыскиваемых и наращиваемых знаний, освобождающих ум от железной хватки "Краткого курса".

- Так что же и как прорастало и поднималось тогда в глубине костромской провинции?

- Личности. И не только в костромской. Везде - личности, которые не дали российской культуре погибнуть. Это стало возможным только благодаря знаниям. "Шестидесятники" - дети студенческих братств.

Папы и мамы, хлебнувшие горя в военное лихолетие, пережившие голод, сталинскую мясорубку, лелеяли мечту выучить своих детей и напрягали последние силы, чтобы те ушли из дома учиться в столицы. Иди, только учись! Каждая наша двойка была для них трагедией. Ведь для того, чтобы послать нам деньги на пропитание, они работали ночные смены. Моя мама, например, 18 км пешком каждый день ходила туда и обратно на работу...

Поэтому в нашей системе ценностей знания стояли на первом месте. Было естественным самостоятельно отыскивать ответы на вопросы, которых нет в программе. Помню наш литературный кружок, где делались сообщения по старым изданиям русской поэзии. Древнюю классическую поэзию Китая мне открыл не университет, а Вася Левченко, мой сокурсник, как и многое другое - мои студенческие друзья.

И знаете, самостоятельно добытые знания кристаллизовали наши ценностные ориентиры, а потом, порой подсознательно, стимулировали нашу жизнь.

Я благодарен судьбе за встречу, здесь в Костроме, с образованнейшими людьми, во многом определившими содержание культурной жизни Костромы тех лет. С глубоким почтением отношусь к ним, не только потому, что были и остаются они моими друзьями. Нет, конечно. Например, с молодыми учеными из пединститута Михаилом Пьяных, Федором Цанном, Николаем Скатовым мы редко встречались, были едва знакомы. Не часто я бывал у Игоря

Вячеслав Сапогов, Николай Шувалов, Виктор Игнатьев, Евгений Радченко. 1976 год.

Дедкова. Но для меня было важно, что эти люди есть в Костроме, и подсознательно в том, что делал, я ориентировался на них. Их пример духовного противостояния институтской и газетной рутине был для меня очень важен.

Атмосфера 60-х в Костроме была насыщена энергией индивидуумов. Ее трудно представить без Ксении Котляревской, такой примадонны культуры, всегда независимого и наполненного содержанием человека. Без Ярослава Штыкова, всегда какого-то неприкаянного, но умеющего трансформировать удивительную поэтическую энергию, всегда со стихами, которых знал множество. Без Татьяны и Николая Шуваловых. Коля мой учитель и в искусстве и в жизни, у которого я не уставал учиться. Вот уж кто был "сопротивленцем" всякому невежеству, чванству, лжи. Со

своими картинами, которые не раз обвинялись в формализме, в проповеди буржуазной идеологии, он не запирался в гордой творческой келье. Он выставлялся, работал, не боялся схваток партийных обсуждений и сдержанным голосом доказывал свою правду, к которой нельзя было не прислушаться. Так он воспитывал "проработчиков", и некоторые уже тогда начинали понимать, что обращаться с искусством тем узурпаторским способом, который ввел Жданов, нельзя. Что идеология "краткого курса" для культуры вроде радиации для живого растения - есть та же опасность необратимой мутации.

Гонители редко бывали личностями. Поэтому страх перед индивидуальностью, самостоятельностью, скажем, Виктора Бочкова, язвительно взирающего, говорившего почти полупшепотом, но таким, что его слышно до сих пор, за-

ставлял их прибегать к недостойным методам борьбы. Но это не помешало Бочкову стать почти классиком местного краеведения, выходят его книги, а кто его гонители теперь...

Целая страница в культурной жизни Костромы тех лет - творчество художников Владимира Муравьева, исповедника интеллектуального, классического начала в искусстве, и прямой противоположности его - Алексея Козлова, захлебывающегося эмоциями, мастера живописных импровизаций. И вершина треугольника - Николай Шувалов, как бы соединяющий в своей работе то и другое.

Алик Кильдышев, Женя Кудряшов, Женя Радченко, Игорь Дедков, Виктор Бочков, Николай Шувалов, Юра Лебедев... Кого ни назови из этого круга, у всех есть нечто реализованное: написаны, выстраданы картины, статьи,

книги. Все они умели делать свое дело с профессиональной честностью, на которую были только способны, без всякой ссылки на время.

- Сейчас так модно говорить об элитарном общении, это тоже была в каком-то смысле городская элита 60-х?

- Нет, это не элита. Элита отделяет себя от общества, это обособленное духовное пространство. Мои друзья были интеллигентами, которые хотели отдать свои знания, талант, инициативу обществу, людям бескорыстно, без торговли и высокомерия к тем, кто был менее талантлив. Все они были бессеребренники. В нашем общении никогда не было кумиропочитания, как в салонах. Всегда хотелось расширить круг общения, уз-

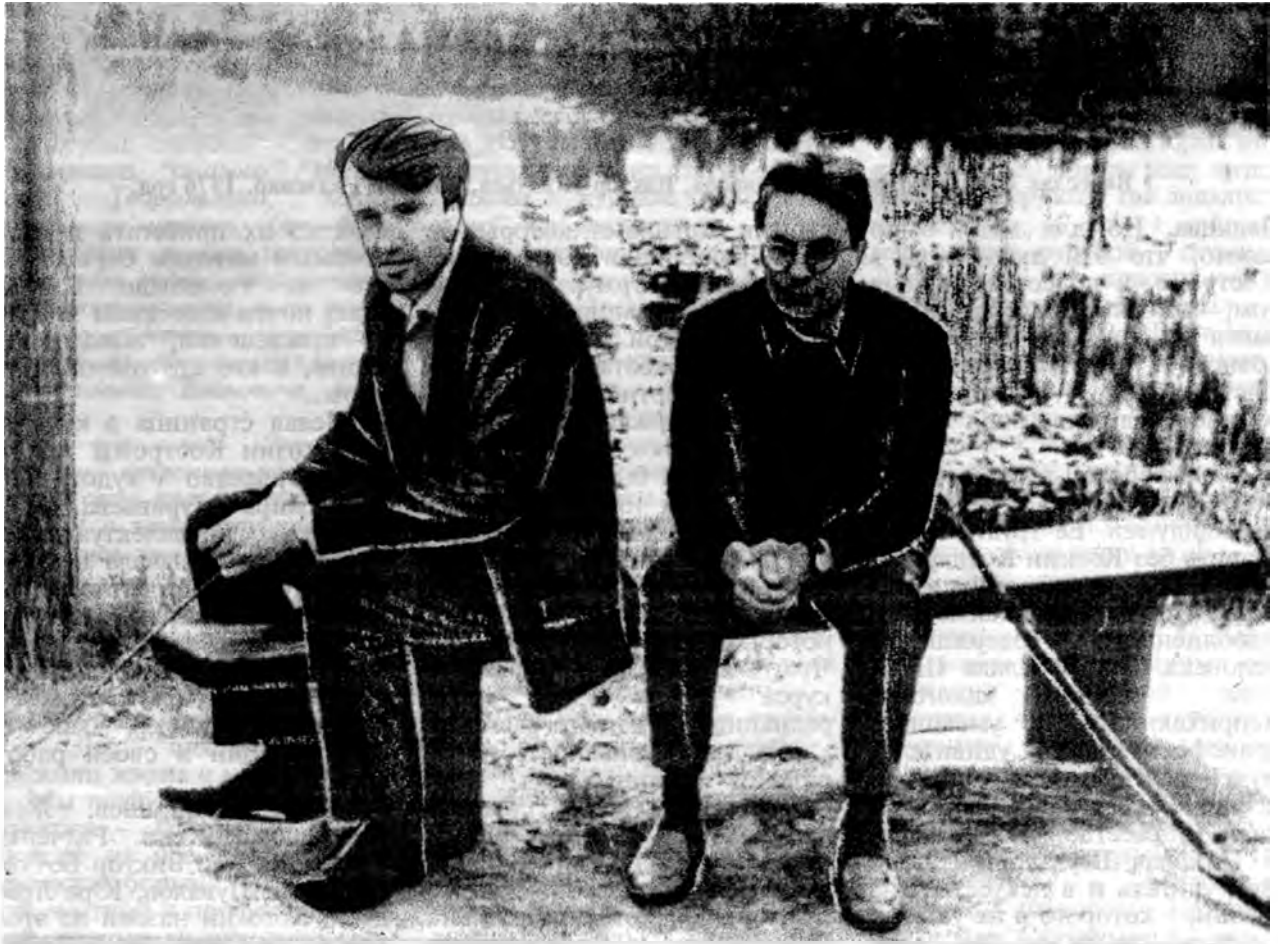
нать и принять нового человека. Идеи, мысли, чувства раздаривались, разносились, создавая неповторимую ауру радости общения.

- Что же помогло переживать вам политические разочарования, крах хрущевской "оттепели"?

- Это очень непростая тема, где я могу говорить только о своем ощущении времени. Слова "демократия", "свобода" мы понимали иначе, чем новые демократы сегодня. Наше ощущение свободы было содержательным, созидательным, если хотите, чувством, а не разрушительной силой реванша. Это была свобода ответственности, хотелось так много сделать. В 60-е мы сами себя освободили и отвечали за свой выбор, за каждое слово, за дело, ставшее

призванием - отсюда необходимое как долг: быть профессионалом, если за что-то берешься.

И потом... "шестидесятники", "оттепель" - все это условные словесные обозначения. Это время воспитало разных людей, и подвижников и гонителей культуры. И сами подвижники не были революционерами, борцами, нигилистами. Да, мы верили, что политика и власть могут строиться на нравственных принципах гуманизма. Наверное, мы были идеалисты и в политике, и во взгляде на человека. Но оттепель, она ведь в нас произошла, а не там, наверху! Да, мы были плохими пророками, глянули наверх, а там вождь в тех же серых одеждах, только мундир поменял на светский. Но внутренне

Игорь Дедков и Виктор Бочков. Щелыково, 1966 год.

для нас это уже ничего не меняло. Все равно это было время личностей. Личности зазеленели, значит, и общество освежило свою крону.

Вот у того же Игоря Дедкова в "Литгазете" на вопрос, куплены ли мы были властью? есть: да, куплен 1956-м. В слово "куплен" можно вкладывать разный смысл, например, и такой: да, мы поверили 1956-му и не жалеем об этом. Повторюсь, извините за высокие слова: без любви к своей Родине человек бессилён что-нибудь сотворить. Любовь - не есть рабство - это мужество. В слабости "шестидесятников" больше мужества, чем в безверии 70-х или рационализме 90-х. Не помню, кто-то сказал: "Душа России - не буржуазная душа, душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом и уже за одно это можно любить ее бесконечно"...

- *Бестактный вопрос, наверное, извините. А ваша любовь что-то изменила в костромской провинции?*

- Куплены - не куплены властью?..

Хотите сделаю признание: я был членом бюро Костромского горкома комсомола. Представляете, комсомол тех лет. Так вот, на бюро как-то предложили: давайте на ГРЭС для ребят придумаем что-нибудь интересное. И придумали мы клуб по искусству. И вот я хожу туда по заледеневшей Волге пешком читать лекции об изобразительном искусстве, на плече ташу тяжеленный диопроектор (слайдов тогда не было) и молю Бога, как бы лампу не стряхнуть. Вот было время... На первых лекциях 5-6 человек. Потом собиралось и 20, и 30 человек. Это были мужики, строители, которые сами ревностно оберегали свой приход от пьяных. К чему я это рассказываю? Очень рано я почувствовал призвание искусствоведа и популяризатора искусства и не хотел быть начальником.

В 64-м году заведовал художественным отделом музея-заповедника и первая моя творческая работа в Костроме - организация ретроспективной выставки костромских художников 10-х - 40-х годов. Вместе с Женей Кудряшовым мы начали поиски работ, казалось, утраченного навсегда периода, многие авторы были репрессированы. Поиски шли с колоссальными трудностями, но все же 300 живописных и графических работ после 30-летнего перерыва вновь встретились со зрителями.

Но вот кончилась выставка. Куда работы? Как историк местного, провинциального искусства я уже тогда понимал, что нельзя дать этой редкой коллекции распасться, ее нужно оставить в фондах музея, закупив лучшие работы. А директор ни в какую... И вот тогда я впервые понял, как художник беззащитен перед временем, как незыблемость вечных ценностей уязвима. Нет практической власти, авторитета, чтобы сохранить собранное.

Я видел, какой интересный творческий процесс идет у Николая Шувалова, и выпади звено, это будет потеряй для костромской культуры. Тем более, что сам Николай раздаривал свои картины налево и направо. О, это был известный даритель!..

И что же? Судьба предназначила мне директорский пост, может быть, для того, чтобы я стал собирателем и "открывателем" талантов костромской провинции. Сознать, это мне льстило.

Тешу себя тем, что благодаря этому я сохранил лучшее из того, что создали костромские художники, друзья, к которым отношусь с моим глубоким почтением. Хорошее это слово - от "читать...", "читать..."

- *Это тоже судьба - открытие в костромской провинции Ефима Честнякова, Григория Островского?*

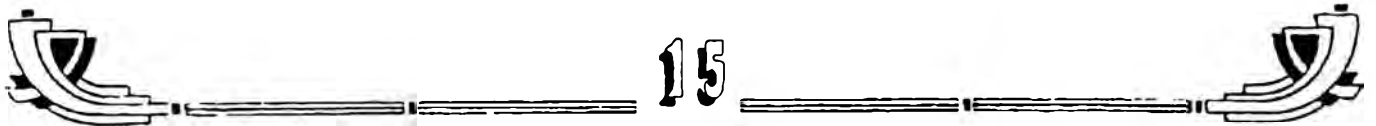
- В каком-то смысле, да. Но подготовленная опять же нашим кругом общения

шестидесятых. Многое исходило из Москвы в эти годы, но многое рождалось и в провинции, Игорь прав. Деление культуры на столичную и сельскую неестественно.

И тут я должен рассказать еще об одном удивительном человеке, моем друге Альберте Кильдышеве, который в моей судьбе значил очень много. Он погиб в 1970 г., упав с лесов при реставрации стенописи Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Когда мы с ним и архитектором Владимиром Шапошниковым отправлялись в экспедицию в Солигаличский район на обмер церкви в Верхнем Березовце (сейчас она в экспозиции Деревянного зодчества музея-заповедника), мы еще не знали, что нам суждено встретить там картины Григория Островского. Случайность. Но она произошла в том месте, о котором мы предполагали. А подсказку дал наш знаменитый соотечественник Сергей Павлович Дягилев, его пример. В начале века у него родилась идея изучения "дворянских гнезд" русской провинции, где он считал в нетронутым почти виде покоится великое наследие культуры. И вот облетел он всю Смоленщину, Пензенский край и вывез зимой оттуда свои находки - картины, буквально закатанными в полушубок, на перекладных. Так явилась миру его знаменитая Таврическая выставка 1906 года.

Вот так, совершенно, казалось бы, случайно, за шкафом в Солигаличском музее нашли и мы известные сейчас портреты из Нероновской усадьбы.

После открытия Григория Островского в нашем искусствоведении появилась новая тема для исследователей - русский провинциальный портрет XVIII и первой половины XIX веков. Солигалич начал звучать в эфире. Этот город должен поставить памятник Григорию Островскому, потому что с него началось упорядочение тех огромных культур-

Честняковская экспедиция в д. Хапово Кологривского района. 1970 год.

ных ценностей, которые были сосредоточены в Солигаличском музее. А ведь что было: на холодной колокольне, представляете, находилось хранилище фондов музея и в таком состоянии, что трудно описать. Да, да, приходилось кричать о варварстве в кабинетах больших начальников, которые не “выделяли” помещений.

С этого начался путь становления провинциальных музеев не только в Солигаличе, но и в других районах. И воспитание отношения к ним как хранилищам национальных ценностей. Это тоже к ответу на вопрос, что мы, интеллигенция, хотели и что могли сделать в провинции.

Меня часто спрашивают: у тебя в руках была коллекция Островского, Ладыженского, Честнякова, а ты не имеешь ни диссертации, ни книг... Вот это тоже к характеристике времени. Да, расстрчивал себя на

собираательство, раздарил идеи тем, кто искал этого дара и умел достичь большего, чем я. Например, если я знал, что через Савелия Ямщикова могу решить проблему физического спасения картин Островского - их скорой реставрации, то это было важнее, чем просто самому опубликоваться, издаться. Не выгода была важна, а то что портрет Анны Сергеевны Лермонтовой будет жить, будет спасен...

Кажется, мы ответили на вопрос, что “шестидесятники” привнесли в культуру костромской провинции?

- *Собираательство - вечный процесс. У вас, Виктор Яковлевич, всегда будет работа, в любое время.*

- Позвольте на прощание еще одно воспоминание-находку, к нашему разговору о вечном и временном.

Раннее утро. Идем в Березовец. Конец октября. Листва

еще желтая-желтая. И тишина. Какая тишина! И морозец. Мы тащим на себе тяжелые измерительные приборы, но это не мешает восторгаться красотой утра. И вдруг слышу звон. Какой-то особенный звон. Не металла, не хрустала... Впереди меня в пяти шагах Альберт.

- Ты слышишь?

И вдруг мы оба почти одновременно поняли. Солнце начало подниматься и примороженные за ночь листики стали со звоном оттаивать и под тяжестью влаги отрываться и падать вниз. И в эту минуту нам обоим так стало радостно от этого никем не услышанного звона... Словно озарение какое-то пришло. Разве это можно забыть?..

Беседовала
Татьяна Гончарова.

Фото В.Игнатьева
из домашнего архива.

СОБИРАТЕЛЬ ИМЕН И СУДЕБ

Все смешалось в доме Магнитских: тут тебе и музей, и архив, и библиотека. На полках лежат старинные книги, в углах - толстые перевязанные папки, на столе - карточки в ящичках. Заведует всем этим "хозяйством" Михаил Павлович Магнитский, бывший морской офицер, историк, краевед. И давненько уже заведует.

- Краеведением я начал заниматься еще до войны, учась в школе, затем в военно-морском училище. А уж после войны, когда учился и работал в пединституте, занялся основательно. Сначала интересовался вообще историей, потом историческими личностями, а уже затем - личностями, имеющими отношение к костромскому краю. В 50-е годы начал первую переписку и вот уже 20 лет веду ее постоянно и систематизированно - с писателями, художниками, военачальниками, учеными...

В картотеке Магнитского только писателей более 600 человек, более 100 - его постоянные адресаты. С Костромой все связано по-разному: Александр Солженицын учился в артиллерийском училище, а Николай Грибачев на командирских курсах, Олег Волков приезжал встречаться с читателями, а Александр Перегудов охотиться в костромских лесах. Тимур Гайдар, знакомый с Магнитским еще по союзу офицеров запаса, отдыхал в Шарьинском районе, кстати, с сыном своим, Егором. Но большинство в наших краях родились или жили - Сергей Марков, Всеволод Иванов, Виктор Розов, Михаил Дудин, Владимир Костров, Яков Аким...

- Вот письмо из Вермонта от Солженицына и его "Иван Денисович" с автографом, вот из Мюнхена от чухломича Александра Зиновьева, здесь его книги, фотографии. А вот Сергей Марков - целая коллекция, с

письмами, книгами, фотографиями, материалами о жизни и творчестве. Не меньшая коллекция хранится у меня и на Всеволода Никаноровича Иванова - с ним я переписывался много лет, он делился со мной творческими планами, просил прислать материалы о Сусанине, хотел писать о нем книгу, но не написал. Роман - хроника "На Нижней Дебре" хотел переделать на пьесу, Розов ему обещал помочь, но тоже не получилось. Всеволод Никанорович был у адмирала Колчака редактором газеты, но многие его рукописи того времени, к сожалению, не сохранились. Александр Перегудов, которому скоро исполнится 100 лет, в 30-е годы приезжал в Кострому на охоту, вместе с Новиковым-Прибоем и Павлом Низовым.

Краевед Магнитский разыскивает забытые места и известных людей, с местами этими связанных. Некоторых из них уже нет в живых, но наш любитель эпистолярного жанра поддерживает отношения с родственниками - дочерьми писателей Николая Вирты и Павла Низового, дочерью академика Шишмарева (когда-то владели Шишмаревы усадьбой Караваево), внуком фабриканта Красильщикова. И многими другими, среди которых - потомки Лермонтовых, Черевиных, Апушкиных. Поэтому в его доме так много ценных книг, редких фотографий, уникальных документов. Книг костромичей и о костромичах у него более 5000, из них десятая часть - подписанные авторами.

- Это книга академика

Александр Зиновьев с дочерью. Мюнхен, 1991 г.

Вот книги и журналы с рассказами Перегудова о костромских охотах, охотиться их сюда приглашал художник Николай Шлеин, он тогда иллюстрировал книги Павла Низового. У меня все его книги, даже на иностранных языках, вышедшие за рубежом. Низовой родился в деревне Новоселки Кинешемского, а ныне Островского района. Я ездил туда, разыскал это место...

Дружинина "Русская деревня на переломе", вышла тиражом всего 2 тысячи экземпляров, ее, может, даже в библиотеках нет. Николай Михайлович написал ее, когда ему было уже 92 года, а в 94 автору дали Ленинскую премию. Умер он в 1986 году, на несколько месяцев пережив свой 100-летний юбилей. Дружинин по рождению не костромич, но в 20-е годы жил в нашем городе, будучи профессо-

Алексей Новиков-Прибой, Федор Гладков, Алексей Чапыгин и Павел Низовой. 1932 г.

ром Костромского университета. А вот книга о Лермонтове Ираклия Андроникова, с автографом. А это - сатира Михаила Дудина, в таком качестве он мало известен. Видите автограф: Михаилу Павловичу Магнитскому - не смеха ради, а раздумий для. Вот и раздумываю. В частности и о том, что многого еще не нашел. Олега Куваева любил читать, но только после его смерти узнал, что автор "Территории" - наш земляк. К сожалению, и с Ильей Миксоном, автором 20 интереснейших книг, учившимся в Костроме в артиллерийском училище, при жизни познакомиться не успел. Сейчас переписываюсь с его женой. Совсем недавно читал экономический журнал и обнаружил, что фамилия автора одной из статей схожа с фамилией известного костромского краеведа. Написал в редакцию журнала письмо и получил ответ, что автор статьи - внук краеведа Перотте. Или еще пример. Выяснил, что Александра Ишимова, автор интереснейшего учебника истории для детей прошлого века, недавно переизданного, - наша землячка. Буду вести поиски ее потомков...

Вести поиски. Это значит, что картотека краеведа не

угаснет и не уменьшится. Откроются новые факты, выяснятся новые связи. И Кострома, так богатая значительными именами и творческими судьбами, станет еще богаче от этого.

- Чем интересуются люди, с которыми я переписываюсь? Тем, что происходит в Костроме, ее бытом и культурой; передают приветствия знакомым; просят сообщить какие-то сведения и мне что-то сообщают. Все они люди, конечно, разные - по мировоззрению, по политическим взглядам. С кем-то я могу быть не согласен, но главное не в этом. А в том, что все они - творческие личности, связанные с Костромой. И с их помощью тоже пишется история нашего края...

Что дальше вырастет из этой, уникальной в своем роде, переписки с людьми, вышедшими из костромской провинции и волею судьбы вошедшими в историю? Может быть, действительно музей, библиотека, архив, но уже не квартирного типа? Время покажет. Но уже сейчас надо отдать должное человеку, взявшему на себя такое нелегкое, но благодарное дело.

**Николай Муренин.
Фото из архива
М.Магнитского**

ИМЕЕМ СООБЩИТЬ

Быстрый экономический рост Ивановской, Горьковской и Ярославской областей в годы пятилеток поставил на очередь вопрос об их разукрупнении. Этим объясняется организация во время Великой Отечественной войны в 1944 г. самостоятельной Костромской области. Это решение было закреплено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1944 г., определившим центр области в городе Костроме. К новой области отошли часть районов Ярославской, Ивановской, Горьковской, Вологодской областей, когда-то выделенные из состава губернии.

* * *

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 января 1945 г. города Буй и Нерехта были выделены из своих районов и отнесены к категории городов областного подчинения. Сразу же после образования области то же самое сделано с Костромой и Шарьей. Среди других важных изменений было следующее - постановлением Совета Министров СССР от 11 мая 1948 г., в связи с 125-летием со дня рождения великого русского драматурга А.Н.Островского, Семеновский район Костромской области был переименован в Островский.

Костромская область в современных границах занимает площадь 60 тыс. кв. км. На западе она граничит с Ярославской, на севере - с Вологодской, на востоке - с Кировской, на юго-востоке - с Нижегородской и на юге - с Ивановской областями РСФСР.

Крайняя северная точка области находится в Павинском районе, южная - в Нерехтском, восточная - в Октябрьском и западная в Буйском. По своей площади территория Костромской области превышает площади Дании, Швейцарии, Голландии, Бельгии и ряда других европейских государств. Выше 60 % территории занимают леса, из них половина - хвойные.

Свидетельства Архива Документы

Лариса КОВАЛЕВА

ОТ УДЕЛА ДО ГУБЕРНИИ

Долгое время, с момента своего основания, Кострома ничем не выделялась из окружающих ее городов, находилась во владении удельных князей Владимиро-Суздальского княжества. Удельные князья, обладавшие правами суверенных государей, лично вникали во все дела, вершили суд на своем дворе или во время объездов своих небольших владений. Княжескую администрацию составляли воеводы, наместники, посадники, волостели, тысяцкие, дворские, казначеи, печатники, конюшие, тиуны и другие, имевшие административную, судебную, хозяйственную и финансовую власть.

Видное место в перечне должностей занимал воевода, долгое время бывший только воинским начальником. Имена воевод сохранились в истории наряду с именами князей. Вот славное имя Ивана Родионовича Квашни. Он руководил костромскими войсками на Куликовом поле во время битвы с Мамаем в 1380 г. (в том бою пало 25 костромских бояр). Умер Иван Родионович в Москве¹ в 1390 г. в иноческом чину, наречен Игнатием и положен в монастыре Спаса, что на Сходне¹.

Среди других - недоброй памяти воевода Иван Шереметев, правивший в 1612 году, когда Козьма Минин и Дмитрий Пожарский собирали свое знаменитое ополчение. "В это самое время, когда все с горячим усердием и ревностно стремились встать в ряды защитников отечества, костромские жители были приведены в смущение своим воеводою Шереметевым, который... советовал не благ совет - не помогать Пожарскому и даже не пускать его в Кострому; но ревностные кост-

ромитяне приидоша на Ивана (Шереметева) с шумом и отказаша ему от воеводства и мало не убиша его"².

К началу XVII века воеводы получили не только военную, но и гражданскую власть. К этому времени они ведали почти всеми службами местного управления. Им поручался набор войска, раздача денежного и хлебного жалованья; они обязаны были ловить воров, разбойников, беглых, принимать меры против пожаров, эпидемий, запрещенных зрелищ; искоренять раскол. Кроме того, воеводы были судьями. Назначались воеводы на очень непродолжительный срок - от одного до трех лет, чтобы не могли злоупотребить своей властью.

С XVII века дошли до нас наиболее ранние сведения о территориальном делении костромских земель. В 1606 г. была создана Галичская, а 1627 г. Костромская чети или четверти. Всего в Русском государстве было образовано 6 четвертей для управления вновь присоединенными к Московскому княжеству областями. Руководились они с помощью Разрядного приказа и находились в ведении земских дьяков.

Затем пришла эпоха преобразований. Петр I сломал устоявшийся быт, сменил властные структуры, изменил границы. Среди петровских реформ была и реформа органов власти и управления. В 1708 г. Россия была поделена на 8 губерний. Территории, составлявшие до этого Костромское и Галичское княжества, а затем чети, оказались раздробленными и разобщенными: города Кострома и Лух вошли в состав Московской губернии, города Галич, Солигалич, Чухлома, Унжа и посады Парфентьев, Судай, Кологрив и Кинешма - Архангелогородской, город Юрьево Поволжский - в состав Казанской губернии. В Костроме в этом году правил стольник и воевода Иван Бурнаков.

¹ Сумароков Н. История о первоначалии и происшествиих города Костромы до учреждения наместничества. Не позднее 1788 - л.34.

² Островский П. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестиво-чтимой в императорском доме Романовых. - Кострома. 1864 - с.52.

Следующая реформа вновь перекроила Российское пространство. По указу от 29 мая 1719г. количество губерний увеличилось до 11. Появилось новое понятие - провинция. Слово, дошедшее до наших дней и обозначающее сейчас, чаще всего, что-то отсталое, малоинтересное, устаревшее. Кострома же, став центром Костромской провинции, вместе с городами Бум, Судиславлем, Кадыем и Любимом осталась в составе Московской губернии. Архангелогородская губерния закрепила за собой Галичскую провинцию и города Галич, Солигалич, Чухлому, Унжу и посады Парфентьев, Судай и Кологрив. Часть земель была отдана Санкт-Петербургской, Нижегородской и Казанской губерниям.

Управлялись провинции воеводами, которые, минуя свое непосредственное начальство - генерал-губернаторов, чаще обращались в столицу - в коллегии и Сенат. Основная функция воеводы была такова: "во всем царского величества интерес и государственную пользу тщательно остерегать",¹ то есть наблюдать за всеми чиновниками провинции, контролировать исполнение указов, исходящих от монарха, следить за исполнением повинностей.

В 1775 г. Екатерина II ввела положение о губерниях, полное название которого звучало так: "Учреждение для управления губернией Всероссийской империи". Этот документ упразднял звание воевод, и состоявшие при них (со времен Петра I) воеводские канцелярии были закрыты. Но до провинции все указы шли медленно, поэтому костромская провинциальная канцелярия существовала до 1778 г. Первый костромской историк, предводитель дворянства, секунд-майор Николай Сумароков сохранил для нас состав ее: последним костромским воеводой был коллежский советник князь Николай Андреевич Вяземский, служивший в этой должности с 1777 г., товарищ его - надворный советник Яков Сарский, прокурор А.Г.Остафьев, городской голова - владелец полотняной фабрики, купец первой гильдии К.И.Углечанинов.²

Всего важнее то, что Кострома призвана была стать центром наместничества, которое объединяясь с Ярославским составило одно генерал-губернаторство.

Возглавлявший его действительный тайный советник Алексей Петрович Мельгунов был хорошо знаком костромичам, не раз бывал здесь, в частности в начале 1778 г. на торжествах по случаю рождения цесаревича Александра.

¹ Полн. свод законов Российской империи. - 1-е изд. - т. IV. - № 3380

² Сумароков Н. Указ.соч.л. 107

³ Скворцов Л. Материалы для истории города Костромы. - Кострома. 1913. - с.221.

⁴ Там же, с.222

Опасаясь неблагоприятного воздействия на тихую провинциальную жизнь в случае открытия в городе «столицы» наместничества, к Мельгунову направилась делегация с просьбой перенести его центр в Галич или Кинешму. "Мудрый и опытный вельможа ласково принял их, убедил в благотворных последствиях открытия наместничества именно в Костроме и указал на явную пользу его для жителей. Сконфуженная делегация разошлась по домам".³

А.П.Мельгунов объехал костромские земли, собрал сведения о населении, состоянии торговли и промышленности, хлебопашестве и т.п., определил границы, назначил уездные города. Плес, Лух, Нерехта, Буй, Галич, Солигалич, Кинешма, Юрьево Поволжский, Кадый, Чухлома и заштатные города Судай, Унжа, Парфентьев и Судиславль образовали Костромскую провинцию. Унженскую составили четыре уезда: Макарьевский, Варнавинский, Ветлужский и Кологривский.

В докладе императрице Екатерине II Мельгунов писал: "Вашему Императорскому

Величеству приему смелость всеподданнейше донести, что я, кончив теперь все распоряжения, какие следовало исполнить к приготвлению учреждаемого Костромского наместничества, с помощью Божиею начну производить открытие сей губернии с 4-го числа сего декабря месяца".⁴

В намеченный день, после пушечных залпов, костромское дворянство, купечество, чиновничество во главе с генерал-губернатором отправились в Собор на божественную литургию, совершенную преосвященным Павлом I, епископом Костромским. Затем был отслужен благодарственный молебен и произведена присяга.

Вскоре состоялись выборы уездных предводителей дворянства, судей, заседателей уездных и нижних земских судов, чуть позже выбрали городского голову, заседателей губернс-

кого магистрата, бургомистров, ратманов и судей словесного суда.

Костромское наместничество недолго объединялось с Ярославским. В 1779 г. оно было присоединено к Нижегородскому, а в 1781 г. - к Владимирскому, где генерал-губернатором был сенатор, генерал-аншеф, граф Роман Илларионович Воронцов, сын Иллариона Григорьевича Воронцова, бывшего костромским воеводой с 1736 по 1738 гг. Граф Воронцов имел земли, расположенные недалеко от Костромы - селения Опалиху и Ребровку и другие владения. Приближенная Екатерины II, президент Российской Академии Наук Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова была дочерью сенатора.

Ни один из генерал-губернаторов постоянно не жил в Костроме, но все довольно часто навещали "столицу" наместничества. В 1790 г. было начато строительство губернаторского дома. Он не принадлежал губернатору лично, это было казенное здание, предоставляемое семье начальника губернии на время пребывания в городе, а позднее, после учреждения губернии, на время службы. В 1834 г. Кострому посетил император Николай Павлович. Губернией тогда управлял действительный статский советник Александр Григорьевич Приклонский (1833-1838 гг.). После отъезда государя он получил предписание министра внутренних дел, где говорилось: "5) Губернаторский дом большой, на хорошем месте, но близок к разрушению... Чтобы сей дом ныне же был сдан в ведомство министерства народного просвещения..., а взамен того нынешний дом гимназии отдать для помещения губернатора, сделав в нем нужные переделки"¹.

Дома эти и сейчас стоят по улице Дзержинского. В первом губернаторском доме расположен главный корпус технологического института, во втором - поликлиника.

Во время приезда генерал-губернатора Кострома оживлялась. Из имений прибывали сюда помещики с семьями, для удобства которых строились новые дома, вследствие чего рос и обустроивался город.

Когда генерал-губернатор отсутствовал, главным начальствующим лицом наместничества выступал наместник. В Костроме с 1778 по 1797 г. их было пятеро. Первый - генерал-майор Алексей Семенович Шишкин, последний - генерал от инфантерии Иван Варфоломеевич Ламб.

Во время царствования Павла I, а именно 29 декабря 1796 г., в Костроме был получен Указ Сената о переименовании Костромского наместничества в губернию. Деление на провинции было отменено и сокращено количество уездов до 11. Города Плес, Лух, Кадый и Буй были обращены в заштатные,

правда, последний в 1802 г. вновь вернул себе звание уездного, увеличив тем самым число уездов до 12. Такой вид губерния сохраняла неизменным вплоть до 1917 г.

Итак, в России появилась новая губерния. Вновь, как и за несколько лет до этого, встал вопрос - где быть ее центру. "К счастью между совещателями, говорившими не в пользу Костромы, произошло разногласие: одни видели губернским городом Кинешму, другие - Юрьевец, третьи - Макарьев на Унже как более всего центральный город в губернии; но перевес остался на стороне защитников Костромы, которые в преимуществу Костроме ставили явление в ней и пребывание чудотворные Фе-

Губернаторский дом.
Фото Д.И. Пряничникова, 1910-е годы.

доровския иконы Богоматери", - писал протоиерей П.Островский.²

Главой губернии, ее "хозяином" стал губернатор, получавший назначение от императора и, чаще всего, кочующий из губернии в губернию.

В рассказе Н.Лескова "Однодум" упоминается один из костромских губернаторов - Сергей Степанович Ланской (1830-1832), впоследствии граф и министр внутренних дел.

"По вступлению в должность губернатора он, по примеру многих деятелей, прежде всего "размел губернию", то есть выгнал со службы великое множество нерадивых и злоупотреблявших своею должностью чиновников...

По изгнании со службы неугодных лиц новый губернатор не спешил замещать их другими, чтобы не попасть на таких же, а может еще и худших. Чтобы избрать людей достойных, он хотел оглядеться, или, как нынче по-русски говорят "ориентироваться".. Губернатор вскоре же предпринял объезд всей губернии, затрепетавшей странным трепетом от одних слухов о его "надменной фигуре"...

Тогда губернаторы ездили "страшно", а встречали их "притрепетно". Течение их совершалось в грандиозной суете, которой работали не только все младшие начальства и власти, но даже и чернь и четвероногие скоты. Города к приезду губернатора воспринимали помазание

¹ Там же. с.243.

² Островский П. Указ.соч.с.118.

мелом, сажею и охрою...; бударям и инвалидам внушали "голова и усы наваксить", из больницы шла усиленная выписка на "оздоровку"... Словом не было никому ни проходу, ни проезду без того, чтобы он не осязал каким-нибудь из своих чувств, что в природе всех вещей происходит нечто чрезвычайное. Благодаря этому тогда без всякого пустозвонства болтливой прессы всяк, стар и млад, знали, что едет тот, кого нет на всю губернию больше...

Трудности... главным образом лежали на городничем..., который первый принимал на себя начальственные взоры и взрывы... Городничий непременно собственноручно откидывал губернаторскую подножку.

...И надо правду сказать, от городничего многое зависело: он мог испортить дело вначале, потому что одною какою-нибудь неловкостью мог разгневать губернатора и заставить его рвать и метать; а мог также одним ловким прыжком, оборотом или иным соответственным вывертом привести его превосходительство в благорасположение".

По истечению срока службы, определяемого свыше, губернатор покидал город для нового назначения. Правда, не всегда с почетом: Константин Никифорович Григорьев (1846-1847) был отозван из Костромы и предан военному суду за превышение власти, выразившееся в необоснованном аресте поляков, обвиненных в поджогах, следствием которых якобы явились сильнейшие пожары в сентябре 1847 г. Для управления губернией назначен был генерал-адъютант Его Величества Александр Аркадьевич, князь Италийский, граф Суворов-Рымникский - внук знаменитого Суворова.

Вся полнота исполнительной власти в губернии принадлежала губернаторскому правлению. Это был коллективный орган, в котором председательствовал начальник губернии.

Финансовые вопросы контролировала казенная палата, возглавляемая вице-губернатором. Здесь проверяли отчетность губернских и уездных казначейств, наблюдали за поступлением налогов, распределяли губернские расходы, проводили ревизии податного населения.

Третьим губернским учреждением был приказ общественного призрения, чиновники его занимались устройством народных школ, сиротскими домами, больницами, аптеками, богадельнями, работными и смиренными домами. В 60-х гг. XIX века эти функции были поделены между губернскими правлениями, попечительными о тюрьмах комитетами, земствами. Сам костромской приказ был упразднен в 1866 г.

Функции губернатора и губернского правления были настолько обширны, что для усиления их деятельности в первую половину XIX века начали создаваться различные

приказы, комиссии и комитеты. Личный состав этих учреждений был приблизительно одинаков: губернский предводитель дворянства, губернский прокурор, председатель казенной палаты и другие должностные лица губернии. Председательствовал губернатор. Например, Иван Васильевич Романус, будучи губернатором с 1857 г. по 1861 г., был председателем в комиссии народного продовольствия, в строительной и дорожной комиссиях, в оспенном, статистическом, рекрутском, о земских повинностях комитетах. Следует, правда, заметить, что в данном случае губернаторы не были полноправными начальниками, распорядителями, хотя и были облечены некоторыми полномочиями. До середины прошлого века административная власть в губернии была четко обозначена и колебима.

Общественная самодеятельность допускалась как редкое исключение, городское самоуправление, представленное думами и управами, существовало подчас только на бумаге. Дворянские выборные органы находились под неусыпным надзором. Так, губернатор присутствовал в дворянских депутатских собраниях, предводители дворянства не могли отлучаться куда-либо без ведома Его Превосходительства.

Было и множество других более мелких и частных вопросов, которые находили разрешение в губернаторской канцелярии.

Наставник Николая Павловича, будущего Николая I, Н.Х.Бунге считал, что император "хотел делать все Сам при посредстве администрации", его преемник - Александр II, напротив, решил дать обществу как можно больше самостоятельности и свободы.¹

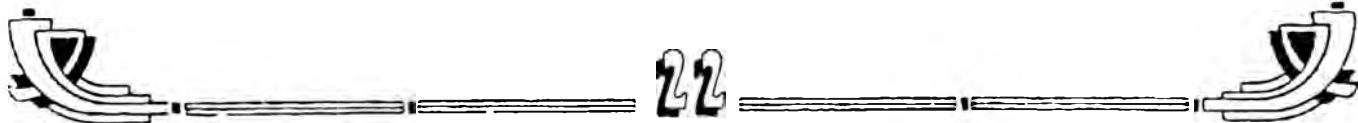
Было введено земское, крестьянское самоуправление, возрождено городское. Часть губернаторских функций переходит к ним. Но до самой своей ликвидации губернская администрация желала держать бразды правления в собственных руках, поэтому начала бюрократические и начала самоуправления не были примирены в местном управлении.

Весной 1917 г. должность губернатора в Костроме была упразднена, одновременно с уничтожением губернского правления. Последний костромской губернатор Иван Владимирович Хозиков 3 марта 1917 г. был арестован вместе с другими должностными лицами. На смену ему пришел губернский комиссар Временного правительства штабс-капитан Лебедев со своим административным аппаратом.

Костромская губерния просуществовала до 1929 г., когда был создан Костромской территориальный округ Ивановской промышленной области.

Удел, четь, наместничество, провинция, уезд, губерния - все это о нашей костромской земле.

¹ Записка, найденная в бумагах Н.Х.Бунге. Источник. Документы русской истории. 1993. №0 - с.30.

КОСТРОМСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Действительный статский советник
Александр Григорьевич Приклонский
(1833 - 1838 г.)

Тайный советник
Владимир Ипполитович Дорогобужинов
(1866 - 1878 г.)

Тайный советник
Виктор Васильевич Калачев
(1884 - 1892 г.)

В должности егермейстера,
действительный статский советник
Иван Михайлович Леонтьев
(1897 - 1902 г.)

«ДВИНУЛСЯ И ПОШЕЛ НАШ КРЕСТЬЯНИН...»

Когда кто-нибудь начинает говорить об отсутствии в России демократических традиций, мне всегда хочется показать этому человеку журналы земских собраний или городских дум, с их дотошным вниманием к каждому высказыванию, с подробным изложением каждой точки зрения, с «особыми мнениями» несогласных с результатом, полученным при голосовании: «Состоялось постановление большинства собрания, объясняющее... Такое постановление представляется мне совершенно излишним...» А если при подписании журнала заявивший особое мнение не находил его записи, то приходилось фиксировать не только это мнение, но и возмущенные тирады «гласного» - так тогда называли лиц, избранных в органы местного самоуправления.

А отчеты управ! Нынешние экономисты читают их, как поэму. Учтено все до маlosti, каждая статья доходов или расходов - не то что до копейки, до полукопейки! И все это - доклады, журналы, постановления, отчеты - публиковалось после каждой годовой сессии, и не только губернским земским собранием, но и всеми без исключения уездными. За шестьдесят с небольшим лет существования земских учреждений на костромской земле этих изданий накопилось горы, многие полки, целые стеллажи, чудом пережившие годы новой власти, для которой земства оказались не только не полезны, но и вредны...

¹ Б.В.Веселовский. История земства за сорок лет. СПб., 1909. т.1. с.VIII. Далее ссылки на это издание в тексте с пометкой «(Б.В.)».

Земская станция в с. Семеновском-Лапотном.
Фото П.М. Жукова. 1912 г.

Б.В.Веселовский, автор монументального труда по истории земства, к которому мы еще не раз сегодня обратимся, писал: «Всякий, кому приходилось иметь дело с земскими материалами (докладами, журналами и т.д.), знает, какого труда стоит разобраться в этом хаосе... но рано или поздно должно быть осуществлено»¹. Лучше поздно, чем никогда, - и вот теперь деятельность земства стала одной из самых популярных тем в научных исследованиях историков, экономистов, политиков, журналистов. По закону маятника безоговорочное отрицание («пятое колесо в телеге российского самодержавия») сменилось столь же безоговорочным восхвалением. Истина, кажется, где-то на пути между крайними точками.

Земства, как выборный орган местного самоуправления были созданы в 1864 году. В Костроме Губернский комитет о земских учреждениях был открыт 10 июля того же года, а первые соб-

рания были созданы в следующем году: костромское уездное - 16 февраля, а губернское - 9 марта.

Много позже, на заседании, посвященном полувековому юбилею костромского уездного земства, выступавшие отмечали три главных, по их мнению, направления в деятельности земства: «экономическое процветание, просвещение, в самом обширном смысле этого слова, и здоровье населения». При этом подчеркивалась необходимость комплексного решения этих задач: «Глубокою иронией были бы заботы о насаждении просвещения там, где непрестанно слышится вопль "есть хочу" и не находит удовлетворения; что мало полезно капитал, где царит беспросветная тьма и невежество; что горькие чувства вызывает забота о просвещении и экономическом процветании края, когда видишь, что о здоровье населения, о мерах к ограждению его от поваль-

ных болезней не думают, не беспокоятся".

Так выглядели задачи земства из 1915 года. Самое любопытное в этом то, что за полвека до этого они мыслились совсем иначе. По положению 1 января 1864 года земства создавались "для заведывания делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам", "которые, составляя потребность преимущественно местных жителей, имеют в то же время и государственное значение" (Б.В., с.236).

Таким образом, главное - хозяйство, а еще важнее - задачи государственного значения, то есть содержание местных органов власти, включая сюда полицию и жандармерию, квартирная, дорожная, этапная повинности... И не стоит упрекать земства первых десятилетий в том, что они не заботились о народном образовании или здравии: как и сегодня, эти расходы были "необязательными" (а, значит, и финансирование их - "остаточным"). На них просто не оставалось и без того скудных средств.

Правда, в дальнейшем положение постепенно менялось: земства учились зарабатывать деньги, а правительство сокращало число "обязательных" расходов, принимая их на государственный бюджет. Так, смета костромского губернского земства в 1868 году составляла 567,4 тыс. руб., а к 1903 году увеличилась до 2704 тыс. руб., расходы на 1 жителя за то же время выросли с 32,5 копейки до 1 руб. 89 коп. Почти в пять раз за 35 лет!

В то же время процент средств, которые удалось направить на "необязательные" статьи, вырос с 33% до 83% (Б.В.). Надо ли после этого говорить, что народное просвещение и здравие оказались тесно связанными с "экономическим процветанием края" и их доля в губернском бюджете значительно пре-

высила те десятые процента, которые отводятся им сегодня?

"Рост необязательных расходов показывает, что именно в этой отрасли хозяйства земство нашло свой путь работы... очень близко стало к народной нужде... земство шло тем самым по пути, какой и требовался всем ходом жизни"¹. Так считал Н.Д.Кондратьев в 1915 г., когда, начинающим ученым, он анализировал опыт работы Кинешемского земства Костромской губернии; не пройдет и десяти лет, как выросшие из этих исследований экономические работы принесут ему мировую славу, а стране - надежду на экономическое процветание. Надежду, которой не суждено было сбыться из-за ареста ученого.

Однако, вернемся в середину прошлого века.

поступали в казну местного земства. Таким образом, чем богаче губерния - тем выше земские доходы. Отсюда было сделано два вывода: первый - надо научиться оценивать это богатство. Для этого была создана разветвленная сеть земской статистики, которая не только собирала сведения для оценочной комиссии, но и позволяла планировать деятельность земства по всем ее направлениям. На ее данных основывались земства, когда планировали "правильную" (то есть оптимальную) сеть народных училищ, лечебниц, народных домов... Статистика становилась органом познания местных нужд, подсказывала пути решения проблем.

Вывод второй подсказывал: надо учиться это богатство преумножать. Чтобы поднять

г. Чухлома. Уездное земство. Фото Н.А. Щебренева. 1912 г.

Откуда же брались земские средства? Если до реформы большая часть налогов забиралась в казну, а оттуда малая доля возвращалась на места через министерства и департаменты (похоже на практику последних десятилетий, не так ли?), то после проведения земской реформы все доходы, полученные от обложения недвижимого имущества (земель, зданий жилого и промышленного назначения), торговли и промышленности,

доходность земледелия, костромское земство решало вопросы об улучшении агротехники, начиная с использования для общественной помощи улучшенных семян (из "хлебных магазинов" - общественных хранилищ зерна на случай недородов), как это было в Ветлужском уезде в 1885 году, - до приглашения губернского и уездных агрономов, которые не просто консультировали крестьян, но и пропагандировали последние

¹ Н.Кондратьев. Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии. Кинешма, 1915. с.231.

достижения агрономической науки.

Земство создавало "опытные" (образцовые) хозяйства - фермы, огороды, поля, чтобы узнать местные особенности, выяснить, какие культуры больше всего подходят к особенностям того или иного уезда. Оно создавало кассы мелкого кредита, способствовало развитию кооперации.

В 1890 г. был создан в Костроме сельскохозяйственный склад губернского земства, чтобы крестьянин мог купить необходимые орудия не у перекупщика - втридорога, а по более низкой цене. Однако поначалу дело не слишком спорилось: весной, когда нужна была молотилка или плуг, у крестьянина не было денег, а перекупщик готов был подождать до осени, до продажи урожая.

С 1892 г. земство смогло организовать отпуск орудий в кредит, и обороты сельскохозяйственного склада медленно, но верно поползли вверх, увеличившись с 9149 руб. в 1892 году до 49319 руб. в 1900.¹

Но костромская земля и в ту пору не позволяла крестьянину прожить только земледелием, традиционно развивались у нас промыслы, занимавшие зимние месяцы, а то и круглый год кормившие костромскую деревню. Костромское губернское земство создает специальный кустарный отдел, который изучает существующие промыслы, помогает их развивать, предлагает новые направления работы, - например, изготовление тех же сельскохозяйственных орудий, необходимых для обработки земли.

Тот же сельскохозяйственный склад снабжает кустаря сырьем, организует скупку готовой продукции. С приездом В.И.Барыкова одна за другой открываются учебные земские мастерские, которые создавались в тех местах, где искони развивался тот или иной промысел, и опираясь на

¹ Костромской листок. 1903. 25 апреля.

традицию, позволяли поднять этот промысел на уровень искусства. Это касалось не только ювелирного промысла в Красном, но и корзиноплетения в Шунге и Самети, где ребяташки 12-13 за два года обучения создавали уникальные выставочные работы, способные украсить самый изысканный интерьер; в Григорьевце, бывшем имении, переданном земству последними владельцами, была открыта столярная мастерская, и опять ребята-подростки работали без скидок, делая на продажу мебель, требующую очень сложной работы.

Таким образом традиционные промыслы получали "второе дыхание", приспосабливались к нуждам не только деревенского, но и городского обихода. В учениках развивалось чувство материала, стиля, умение делать

А.Ковальковский. Деятельность, которую развуд пчеловод Г.Кузьмин, сегодня кажется просто фантастической. Он не только сам консультировал желающих заняться разведением пчел, но и открыл курсы, готовил инструкторов, разрабатывал для них методические рекомендации; создавал в губернии общества пчеловодства, с 1900 года издавал "ежегодники пчеловодства", готовил материалы по истории, создавал сначала передвижную выставку пчеловодства, с которой объездил самые дальние уезды, а потом и музей пчеловодства в Костроме.

Так, несмотря на настороженность крестьян, земцы и преодолевали стену отчуждения, изначально отделявшую деревенских жителей от горожан, пытавшихся учить их тому, что они считали только

На строительстве земской дороги. Фото А.А. Макаревского. 1910-е годы.

"штучный" товар, которое было обязательно прежде.

В каждом деле "двигателем" его был человек-энтузиаст, который делал работу не "за страх", и не за деньги, а, что называется, "за совесть". Энтузиастом земских учебных кустарных мастерских и кооперации был Вс.Барыков, для статистики много сделал Н.Воробьев, для повышения агротехники и развития травосеяния - губернский агроном

своим вековым делом. Прошло почти полвека земской работы, пока Н.Макаров смог написать: "...кредитное товарищество, сельско-хозяйственное общество, потребительская лавка, общественные опыты с удобрением, с новыми культурами - ведь все это есть, ведь новая жизнь входит, заполняет всю хозяйственную жизнь крестьян... Двинулся и пошел наш крестьянин, - вертелось в го-

лове. Было радостно и как-то не верилось”.¹

Самое поучительное в этой работе земства то, что оно практически не обладало никакими средствами принуждения крестьян: все, что сделано, было достигнуто только силами убеждения, доброго примера, поощрения всего нового и лучшего.; На рубеже веков получают большое распространение выставки, на которых определялись лучшие “сельскохозяйственные произведения”, которые поощрялись наградами. До сих пор в фондах музея-заповедника хранятся медали “за лучшую лошадь”, “за достоинство меда” и другие, подобные им, и фотографии этих самых “лучших лошадей”, коров и прочей живности. Сейчас, когда главный стимул предыдущих десятилетий - “партибилет на стол” - перестал действовать, вероятно, придется оглянуться назад и посмотреть, как же работали без него?

Земские выставки устраивались по самым различным поводам, посвящались разным отраслям земской деятельности. Они были одновременно способом поощрения производителей - и рекламой их продукции, и школой новых методов и технологий. Постепенно прорастает идея создания кустарного музея Костромского губернского земства.

В 1903 году в Ярославле готовились к проведению Съезда деятелей по кустарной промышленности Северных губерний, к нему была приурочена выставка кустарных изделий. Костромичи везут “кустарные изделия”, собранные Костромским губернским земством для организации кустарного музея. Изделия очень разнообразны: начиная от лаптей и топоров и

кончая искусно исполненным вышиванием по атласу”.² Тут же упоминается о любопытном приеме, забытом сегодня: “Демонстрируется эмалированный крестик, серебряная цепочка, браслет и серьги во всех стадиях производства, начиная с сырого куска, лишь грубо проштампованного, до окончательно отделанной изящной вещички”. Этот прием станет одним из основных в экспозиции кустарного музея, в которой найдут место и изящные плетеные шкатулки учеников шунгенской мастерской, и расписные ложки юговосточных уездов, и большевские иконы и фрагменты резных иконостасов. Ну, и, по обычаю того времени, все стены были завешены многочисленными диаграммами и картограммами.

Кроме кустарного и пчеловодного, у костромского земства был и естественно исторический музей, создававшийся первоначально как сельскохозяйственный: там были представлены образцы почв, растений, птиц и животных края.

Но создание музеев не приостанавливало выставочной деятельности: отраслевые выставки поощряли устройство уездных, уездные становились ежегодными, сельскохозяйственные дополнялись показом достижений земства в области образования, медицины, дорожного строительства... В некоторых уездах, например, в Кинешемском, строились специальные выставочные городки, предназначенные для ежегодных выставок.

Венцом этой деятельности можно назвать земскую выставку 1913 года, устроенную к юбилейным торжествам 300-летия Дома Романовых. О ней много писали недавно, при подготовке к фестивалю “Вехи”, и все же стоит напомнить, что по инициативе Костромского губернского земства в городке, специально построенном для выставки, было показано все то, чем могла гордиться в тот год Кос-

тромская губерния. Там были представлены не только земские достижения: отдельные павильоны были устроены владельцами крупных частных предприятий и фирм, отдельными ведомствами, учреждениями... И все же это был прежде всего апофеоз деятельности Костромского земства, отдельные павильоны рассказывали о работе статистического, кустарного, пчеловодного отделов, отдельно были показаны достижения в области землеустройства, дорожного строительства, народного просвещения и здоровья.

Так земство зарабатывало деньги. На что же оно их расходовало?

Из “обязательных” расходов к началу нашего столетия осталось немного, высвобождавшиеся средства чаще всего направлялись на строительство дорог - главную из оставшихся “обязательных” расходных статей.

Вот цитата из доклада управы одному из первых земских собраний Костромского уезда: “Везде образовались промоины, сделавшие проезд невозможным, как, например, на горах под селом Андрейковым и д. Иконниковым, а в топких местах земля весной разваливается до такой степени, что лошади вязнут без преувеличения по самую грудь и экипажи приходится вытаскивать народом - это на гатях Дровинской, Володинской и Рельевской”.³ В таких условиях не приходилось и мечтать о приезде врача, о доставке корреспонденции, развитии промышленности и торговли, - о распространении цивилизации вообще, а между тем именно это и было главной задачей земской деятельности. Однако о том, как непросто она решалась, как складывались взаимоотношения земских деятелей с крестьянами при попытках распространения народного образования и заботе о народном здоровье, мы расскажем в следующих номерах нашего журнала.

¹ Костромская жизнь. 1910. 5 октября.

² Костромской листок. 1903. 8, 13 августа.

³ Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства к пятидесятилетию его существования. Кострома, б.г.с.28.

Юрий СМИРНОВ

ТОРГОВОЕ ДЕЛО КУПЦОВ ТРЕТЬЯКОВЫХ

В истории отечественного предпринимательства известны многие костромичи. Это организатор промышленности, банков, железных дорог, ученый Чижов, гений издательского дела Сытин, текстильный магнат и меценат Кокорев и многие другие. Деятельность личностей подобного ранга освещена в солидных монографиях историков, занимающихся проблемами крупного капитала в России. Эти миллионеры прославились за пределами костромского края, где, собственно, и прошла вся их жизнь.

Миллионер Иван Петрович Третьяков родился и умер в костромском городе Судиславле. Основная заслуга его состоит в том, что он вовлек в предпринимательскую деятельность массу простых людей на обширном пространстве от Костромы до Галича. Купец основал крупные винокуренные заводы в Судиславле, Галиче, Костроме, множество мелких заводов и фабрик, товариществ, промыслов, мельниц, объединяющих, как правило, от 2 до 16 человек. Благодаря ему Судиславль пережил свой серебряный век, и, несмотря на малое число жителей, к началу XX века выдвинулся на почетное пятое место в обширной Костромской губернии по значению своей промышленности и торговли. Не только Судиславль - "столица" Третьякова, но и Галич, Кострома украсились построенными купцом зданиями, ставшими достопримечательностями этих старинных русских городов.

¹ Русский провинциальный некрополь. М. 1914 г.

² Ж. "Вестник Европы", 1899 г., февр., кн. 2, стр. 657. "Записки В.М. Жемчужникова".

Иван Петрович Третьяков

И.П. Третьяков родился в 1840 (по некоторым данным в 1838 г.) году в селе Жвалово, из которого хорошо видно колокольню близлежащего Преображенского собора г. Судиславля. Владельцами села в ту пору были дворяне Елагины. В истории отечественной культуры известен писатель Николай Васильевич Елагин, петербургский цензор, строгостей которого боялся сам Н.В. Гоголь. Жвалово было его родовой усадьбой, родители писателя похоронены на местном кладбище. Именно у этого человека в 1845 г. выкупился из крепостного состояния и за 500 рублей серебром приобрел судиславский кожевенный завод отец Ивана Петровича. Его ближайшие родственники также выкупались у Елагиных и стали судиславскими купцами, сохранив за собой недвижимость в родном Жвалове.

До отмены крепостного права в 1861 г. капиталистические отношения искусственно сдерживались государством. Судиславские купцы еще в XVIII веке просили импе-

ратрицу Екатерину II разрешить им приобретать крепостных для работы на фабриках и в домах по примеру ряда костромских купцов. Однако дозволения не получили. К началу XIX века проблема рабочих рук судиславскими купцами была решена, хотя и в нарушение законов империи, - за счет беглых раскольников. Купец Н.А. Папулин, сам старообрядец, превратил Судиславль в один из ведущих, знаменитых центров раскола. Судиславль привлекал староверов из разных уголков страны собранными здесь в громадном количестве почитавшимися ими святынями - иконами Андрея Рублева, митрополита Филиппа, строгановских художников, старопечатными книгами, рукописями, богатым каменным старообрядческим монастырем с подземными ходами. При Папулине город вырос в четыре раза, обзавелся полотняными, кожевенными, табачными фабриками, прославленным грибным промыслом. Торговые капиталы, а вслед за ними и сам город росли столь быстро, что вызвали озабоченность Николая I, учредившего в Судиславле сверх штата подразделение полиции по надзору за деятельностью местных купцов. По разработанному архитектором плану в Судиславле был выстроен по существу новый город в стиле русского классицизма - с торговыми рядами, правильной, пересекающейся под прямым углом, сеткой улиц, каменными особняками. В 1846 г. по повелению государя купец Папулин был тайно арестован, монастырь раскольников разрушен, их святыни конфискованы, а основа богатства Судиславля - беспаспортные беглые старо-

веры должны были покинуть разоренный полицией город. Практически все мужчины вынуждены были искать заработка в других местах, многие уехали навсегда. Население сократилось ровно наполовину.

Ставший к 1861 г. счастливым отцом семейства молодой И.П.Третьяков не искал счастья в чужих краях. Он использовал отцовский капитал на родине. Если до отмены крепостного права в окрестностях Судиславля был один химический завод дворянина Шипова, то к 1882 г. их стало 40. Они обслуживали текстильную промышленность от Костромы до Кинешмы. Третьяков брался за все, что сулило прибыль: небольшие химические и кирпичные заводы, мельницы, фабрики, торговля, транспорт, земля. Дворяне не умели наладить товарное производство в своих владениях и продавали их Третьякову. Иван Петрович приобрел несколько десятков помещичьих имений. Он сдавал их в аренду другим купцам, предлагая сдавать продукцию картофельных плантаций на свои крупные винокуренные заводы в Галиче, Судиславле, Костроме. В достаточно короткий срок И.П.Третьяков вошел в список 50 самых богатых и влиятельных лиц Костромской губернии, подавляющую часть которого составляли аристократы, сохранившие родовые имения. В угоду своим любопытным читателям столичный журналист Посее посетил Судиславль и оставил следующие строки об известном предпринимателе: "В Николаевские времена судиславским Крезом был один известный фанатик-начетчик, теперь же там царит "мельонщик", купец Третьяков, хотя и женатый на раскольнице, но сам православный. Третьяков крупная величина: у него несколько заводов (винокуренные и коже-

Дочери И.П. Третьякова - Анастасия и Елена.

венные), масса земли (до 30 усадеб), 16 домов в одном Судиславле, широкие торговые обороты. Его Судиславский дворец устроен великолепно: богатая обстановка, паркетные полы, зимний сад и т.п. Лошадям и экипажам его могли бы позавидовать видные петербуржцы. Про его финансовую энергию местные жители рассказывают чудеса: он всюду поспевает сам и всюду преуспевает. В противоположность другим судиславцам, человек он светский и несмотря на ограниченное образование, умеет поговорить о литературе, пишет, говорит гладкие стихи, путешествовал по Европе и пытался дать детям настоящее образование".¹

В Костромском областном государственном архиве сохранился послужной список Ивана Петровича Третьякова, который вкратце излагает всю его биографию. Воспитание и образование получил домашнее. Семья его состояла из жены Натальи Дмитриевны, детей: Дмитрия, Виктора, Михаила, Павла, Елизаветы, вышедшей замуж за судиславского купца Н.С.Скалозубова, Ольги, Анастасии, Николая, Федора, Елены. Вероисповедания православного. Награжден орденом Св.Анны 2 степени, Св.Анны и Станислава 3 степени, золотой медалью с надписями "За усердие" для ношения на Станиславской ленте и серсбрянной медалью

¹ Посее. "Книжки недели", 1893 г. "От Бадена Швейцарского до Галича Костромского".

в память. В 1866-1869 г. избирался судиславским городским головой. С 1879 г. попечитель Судиславской уездной земской больницы с правами государственного служащего. С 1885 г. министром финансов утвержден членом учетного комитета Костромского отделения Государственного банка. В 1900 г. избран попечителем Судиславского мужского приходского училища на 3 года. С 1902 г. член санитарной комиссии г. Судиславля, с 1904 г. блюститель Судиславского приходского двухклассного мужского училища, попечитель Завражинского земского начального народного училища, с 1906 г. директор Костромского комитета Попечительства о тюрьмах. В 1908 г. избран в комиссию по празднованию 300-летия династии Романовых в Костроме. В нее были допущены самые именитые жители губернии.

При Третьякове Судиславль оправился от разорения 1846 года, разбогател и пережил новый подъем. Для строительства своей главной резиденции Иван Пет-

рович снес в Судиславле целый квартал старых обветшавших построек в центре города. Этот дворец с многочисленными усадебными постройками, с фигурами спящих львов у подъезда имеет важнейшее градостроительное значение для Судиславля. Найдется немного особняков в городах области, которые могут сравниться с домом Третьякова. Во дворе городской усадьбы был устроен сад, пруд, фонтан, цветник, каретный сарай, конюшня, флигеля. Для удержания тепла под паркетные полы уложен войлок. Печи и каминны украшены дорогими изразцовыми плитками. Для оформления лестниц, крылечек, балкона использован литой чугун, кованое железо. В парадных комнатах размещалась мебель в стиле ампир, в остальных комнатах - гарнитуры из дуба с резными масками львов. Страстный охотник - купец украсил вход в свое жилище огромным чучелом медведя. Рояль фирмы "Беккер" по преданию был рекомендован Третьякову композитором Чайковским.

Через дорогу стоял дом сына Третьякова. Этот дом с

венецианскими окнами, с кафельными печами сохранился. В нем даже есть мебель семьи Третьяковых. Иван Петрович отреставрировал каменный дом с колоннами, построенный Папулиным, возобновил в нем живописные плафоны и по условиям договора поселил в особняке семью старинных судиславских купцов Соколовых (Москвиных), с которыми был в родстве. В этом доме Елизавета Ивановна Москвина (Соколова), дочь богатого столичного купца устроила прекрасную фотолабораторию. Елизавета Ивановна была едва ли не самой первой в России женщиной-фотографом. Все остальные дома по соседству от дворца также построены или отреставрированы Третьяковым. По его инициативе перестроена городская площадь. Деревянные торговые ряды уступили место каменным, построенным по проекту архитектора М.Парийского. Появилось каменное здание городского магистрата с балконом. Купец за свой счет провел реставрацию Преображенского собора.

СУДИСЛАВЛЬ. Базарная площадь.

Базарная площадь в Судиславле. 1910-е годы.

При небольшом населении город выделялся благоустройством и чистотой. Улицы были заощены камнем, чисто выметались, освещались. Для прогулок благородной публики на месте бывших кремлевских стен оборудовали "бульвар" с песчаными дорожками, скамейками. В богатых домах имелся водопровод. Излишняя влага от фундаментов домов отводилась в реку с помощью жгутов, жердей и прутьев, закопанных в землю. Когда эта система в советское время была нарушена, многие фундаменты были разрушены грунтовыми водами, что привело к преждевременной гибели каменных старинных построек. Для простого народа было оборудовано место отдыха на водоеме, где собирались семьями возле самоваров. Куранты соборных часов, паровой гудок деревообрабатывающей фабрики регулярно подавали сигналы о времени. Часы были и на Торговых рядах. В городе действовало общественное собрание, где давались местными и заезжими артистами концерты, ставились спектакли. Об уровне искусства местных артистов говорят следующие факты. Родственная Третьяковым София Макаровна Соколова выступала в те годы на сцене Московской филармонии, а ее брат был приглашен Станиславским во МХАТ в качестве актера. В домах судиславцев знали музыкальные инструменты лучших фирм мира, начиная с дорожных роялей и органов, кончая скрипками, домрами, гитарями. Библиотеки включали в себя не только специальную литературу, но и старопечатные книги, рукописи, в том числе списки "Летописи Судиславля", ныне исчезнувших без следа. В городе имелось несколько хороших гостиниц, ресторанов, фотоателье, волшебный фонарь с туманными картинами. Стены домов украшали картины голландских художников XVII века, панно из

перламутра, фамильные портреты, картины русских и иностранных художников с видами городов, портретами знаменитостей, царских особ. Судиславские купцы успешно торговали разнообразными товарами, включая серебро, бронзу, драгоценные камни в Москве, Петербурге, Казани, Харькове, Курске. Дети судиславцев получали хорошее образование. В 1912 г. судиславцы соединили свой город с Костромой каменным шоссе и открыли впервые в губернии регулярное автомобильное сообщение по нему. Третьяков заботился о строительстве железной дороги для Судиславля. В Петербурге его план был одобрен, разработан проект. Купец думал уже строить в городе здание железнодорожного вокзала. В Судиславле функционировали отделения фирм, телеграф, телефон. Газеты с удивлением писали о том, что Судиславль уверенно "лупит по пути прогресса".

Большие капиталы позволяли Ивану Петровичу заниматься широкой благотворительной деятельностью. В 1876 г. купец основал Судиславскую больницу, что было предметом его гордости. Третьяков пожертвовал для больницы несколько своих домов, землю, деньги. В 1892 г. в Судиславле же купец основал другую больницу - приют для душевнобольных, названный "Третьяковским". Он жертвовал на строительство Ликургского начального училища под Бумем, на помощь погорельцам села Воронья, устройство в Костроме дома трудолюбия, в пользу Костромского детского приюта. Особую заботу проявлял Иван Петрович об экологии. На его заводах действовали простые, дешевые и надежные способы очистки отходов, вод, не допускалось загрязнения окружающей среды. В Корбе в изобилии водилась рыба.

Много денег Третьяков поместил в немецкие банки.

Начало мировой войны им было воспринято как катастрофа. Предприниматель предчувствовал, что все плоды его труда в одночасье погибнут.

Тягостные ожидания закончились тяжелым психическим расстройством. В 1916 г. Иван Петрович скончался в своей любимой усадьбе Климцево возле Судиславля и был погребен на почетном месте возле алтаря Владимирской церкви. Предчувствия предпринимателя скоро сбылись. Уже к 1929 г. от промышленности и торговли Судиславля остались только воспоминания. Заводы и фабрики, церкви были разрушены, склады пустовали, рестораны закрылись, музыкальные инструменты разломаны и сожжены, картины испорчены, рукописи, включая "Летопись Судиславля" уничтожены. Торговля практически умерла. Некогда богатый город Судиславль официально превратился в село.

Дети Третьякова потеряли все богатства, нажитые отцом, включая драгоценности, мебель, но не покинули родины. По рассказам старожилов они жили в Костроме, под Кинешмой.

Могила Ивана Петровича, как и других почетных граждан Судиславля, была осквернена, стерта с лица земли, разрушена сама Владимирская церковь.

Однако даже "обломки" результатов деятельности почетного гражданина города Судиславля (с 1907 г.) Третьякова, дошедшие до нашего времени, внушают уважение. Еще стоят заводы купца в Галиче и Костроме, больница в Судиславле, сохранились его "Третьяковские" дома.

Личность И.П.Третьякова в последнее время привлекла к себе внимание московского института экономики, редакции журнала "Памятники Отечества". Интеллигенция п.Судиславля выступила с предложением назвать больницу в Судиславле его именем.

6 марта 1904 года, 90 лет тому назад, в усадьбе Александровское Кинешемского уезда (ныне Островский район) родился Александр Александрович Григоров. Жизненный и творческий путь этого человека сложен, удивителен и неповторим: учился в кадетском корпусе, работал лесником, экономистом, бухгалтером, 18 лет провел в тюрьмах и лагерях. По-настоящему занявшись любимым делом только в 60 лет, он собрал уникальные сведения по генеалогии костромского дворянства, истории русского флота, жизни и деятельности многих замечательных людей. Бесценный архив краеведа, почетного жителя Костромы, служил, служит и еще долго будет служить благородному делу народного просвещения. Предлагаем вниманию читателей часть рукописи из архива А.А.Григорова — об известном историке, дипломате, писателе, редакторе журнала "Отечественные записки" нашем земляке Павле Свинине. Материал содержит довольно любопытные исторические сведения. Публикуется впервые.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ СВИНЬИН

...Какими сведениями из биографии П.П.Свинина я располагаю? По данным Костромского Государственного архива П.П.Свинин родился в 1787 году в усадьбе Ефремово Галичского уезда в семье отставного лейтенанта флота Петра Никитича Свинина. Матерью его была Екатерина Юрьевна урожденная Лермонтова, родная сестра дедушки нашего великого поэта М.Ю.Лермонтова - Петра Юрьевича Лермонтова. Имения Лермонтовых находились в том же Галичском уезде Костромской губернии, что и имения Свинина. Бабушкой Павла Петровича Свинина была

Анна Ивановна Лермонтова, урожденная Боборыкина, которая, в свою очередь, приходилась внучкой казенному Петром I стольнику Федору Матвеевичу Пушкину, которому Александр Сергеевич Пушкин посвятил в "своей родословной" следующие строки:

*"Упрямства дух нам всем
подгадил,
В свою родню неукротим,
С Петром мой пращур
не поладил
И был за то повешен им".*

Как отец Павла Петровича Свинина, П.Н.Свинин, так и дед поэта, П.Ю.Лермонтов, принимали активное участие в

общественной жизни уезда. И тот и другой были избираемы на должность Галичского уездного предводителя дворянства. Когда дедушка Михаила Юрьевича Лермонтова решил продать свои костромские имения и переселиться в другое место, то продажу последнего имения - Воронино - он поручил своему зятю П.Н.Свинину.

В фундаментальном издании "Личные архивные фонды в Государственных хранилищах СССР, тома 1-2, М.1962-1963 ошибочно указано в описании фонда генерала П.С.Свинина, что писатель П.П.Свинин якобы был его сыном. В действительности, как сказано выше, отцом П.П.Свинина был отставной лейтенант флота Петр Никитич Свинин, а генерал Петр Сергеевич Свинин был дальним родственником Петра Никитича, и тоже имел сына

Павла Петровича, родившегося в том же году, что и сын Петра Никитича. И также в числе владельцев родовой усадьбы Свиных - Ефремово, Галичского уезда, были и лейтенант Петр Никитич и генерал Петр Сергеевич Свиных. Эту ошибку составителей "Личных архивных фондов" легко установить, ознакомившись как следует с архивными материалами Костромского архива. Можно заметить, что в эту ошибку впадали и другие, в том числе Владимир Михайлович Лермонтов (1874-1954), письма и бумаги которого имеются в РО ГБЛ в Москве, в фонде М.Д.Бонч-Бруевича.

П.П.Свиных рано потерял мать, а отец его вторично женился, а затем еще раз овдовев, женился в третий раз. И от трех этих браков были дети. Таким образом, у П.П.Свиных было много единокровных братьев и сестер.

П.П.Свиных получил прекрасное образование, сперва домашнее, а затем он окончил "Благородный пансион" при Московском университете, по окончании которого он поступил на службу в Министерство иностранных дел. И сразу же ему посчастливилось принять участие в экспедиции адмирала Д.Н.Сенявина (1763-1831) в Средиземное море, для военных операций против Турции и Франции (война 1805-1807 гг.). На эскадру Сенявина П.П.Свиных был назначен как переводчик, ибо он знал отлично три европейских языка, и как представитель МИД, представлявший инте-

рессы России при заходе судов нашей эскадры в иностранные порты, когда возникала необходимость в каких-либо официальных переговорах. Во время плавания нашей эскадры из Кронштадта в Средиземное море П.П.Свиныху предоставилась возможность побывать во многих портах Дании, Англии, Португалии, в Гибралтаре, на Мальте, в Испанских портах и в портах Северо-Африканских стран, а также в Италии и Греции. Обладая несомненным художественным талантом, он во время этой экспедиции сделал немало акварельных рисунков, часть которых находится и поныне в ГАКО в фонде 558.

...Пришлось П.П.Свиныху, находившемуся при адмирале Д.Н.Сенявине на флагманском судне эскадры - линкоре "Ярослав" быть свидетелем и побед русского флота. Так, 10 и 11 мая 1807 года он участвовал в сражении у входа в Дарданельский пролив, где была разгромлена турецкая эскадра, а менее чем через месяц он был свидетелем настоящего погрома Турецкого флота в знаменитом сражении при Афоне, где русская эскадра в составе 8 судов, на которых было 740 пушек, сразилась с турецкой эскадрой адмирала Секирбея, состоявшей из 20 судов, в том числе 10 линкоров, на которых было 1196 пушек. Это сражение кончилось полным разгромом врага, и был захвачен в плен турецкий корабль "Сеид-Иль-Бахр" и на нем пленных 774 человека, в их числе и сам командующий эскадрой, адмирал Секир-бей.

П.П.Свиных с присущим ему мастерством живописца, запечатлел на бумаге акварельными красками тот момент, когда турецкий линкор спускает свой национальный турецкий флаг и поднимает русский Андреевский флаг. Интересно отметить, что на эскадре адмирала Сенявина в Средиземноморском походе служило много знакомых и близких земляков, соседей по имени, уроженцев Галичского и других уездов Костромской губернии. Многие из них в то время были еще гардемаринами и за отличия в боях у Дарданелл и Афона и в других сражениях, досрочно были произведены в первый офицерский чин.

...П.П.Свиных, находившийся на борту флагманского корабля адмирала Сенявина, сделался как бы "историком" эскадры, и как я предполагаю, он же являлся автором реляций адмирала Сенявина о ходе военных действий и описаний морских сражений. Поэтому в его тетради и сохранились копии донесений, рапорты адмирала Сенявина и др. По возвращению в Россию через многие страны Европы П.П.Свиных побывал в их столицах и других городах, а прибыв в Петербург, недолго оставался в Министерстве иностранных дел, а вскоре получил новое дипломатическое поручение и был направлен в Российское посольство в США. Там он был назначен младшим дипломатическим сотрудником и переводчиком в Российское консульство в г.Бостоне. Он пробыл в США с 1810 по 1813 год.

...Затем на долю П.П.Свиныха выпало участвовать в одном весьма любопытном деле, о котором очень мало известно у нас.

Как известно, когда началось нашествие французов под водительством их императора Наполеона I на Россию в 1812 году, то в первый период кампании Русская армия вынуждена была отступать перед превосходящими силами

СПЕШИМ УВЕДОМИТЬ

В марте 1994 года ожидается выход в свет книги А.А. Григорова «Из истории костромского дворянства». Издает книгу Костромское отделение Российского фонда культуры при участии и помощи областной администрации. В книге публикуются основные работы краеведа о 13 дворянских родах - Пушкиных, Лермонтовых, Невельских, Бартоломеевых, Рылеевых..., о представителях других родов, а также раздел об истории костромских усадеб.

французов. Русская армия была разделена на две армии - первую и вторую, и командовавшие этими армиями генералы П.И.Багратион и М.Б.Барклай-де-Толли, находились между собой в неприязненных отношениях, и вопрос о назначении единого главнокомандующего русской армией никак не разрешался, так как назначить одного из двух командующих - это значило бы одного из враждовавших поставить под начало другого. А кандидатура фельдмаршала М.И.Голенищева-Кутузова, предлагавшегося большей частью русского общества, не устраивала императора Александра, не питавшего доверия к престарелому фельдмаршалу.

В то время в США проживал в эмиграции один из самых талантливых генералов революционной Франции времен первой революции Жан-Виктор Моро (1763-1813), одержавший в революционных войнах Франции 1793-1800 гг. много побед над врагами. И сам Наполеон считал генерала Моро одним из самых лучших своих соратников. Но Моро, при вступлении Наполеона I на французский престол в качестве императора, резко осудил своего боевого товарища и вскоре, при раскрытии заговора на жизнь Наполеона (заговор Пишегрю - 1804 года), Моро был арестован и обвинен в участии в заговоре Пишегрю. Однако Наполеон решил не мстить своему старому боевому товарищу и решил только навсегда изгнать Моро из Франции. И вот таким образом Моро очутился в США в качестве эмигранта и ярого врага Наполеона. И вот императору Александру I пришло на ум пригласить генерала Моро (о его способностях, как выдающегося военачальника, в России было известно) на место главнокомандующего Российской армией.

Российская миссия в США вступила в прямые переговоры

с самим Моро. Но так как связь между Россией и США в те годы, при отсутствии телеграфа, осуществлялась лишь редкими парусными судами, до пока шли эти переговоры, в войне с Францией уже наступил перелом и вскоре французы были изгнаны из пределов нашего отечества. И война с Францией шла на территории срединной Европы. К тому времени Наполеон несколько оправился от поражения, понесенного в России, сумел мобилизовать новую большую армию и снова вел войну уже не только с Россией, но и со своими бывшими союзниками - Австрией и Пруссией, а также с бывшей сперва в 1812 году нейтральной Швецией. И порою наносил союзникам чувствительные поражения. Весной 1813 года умер главнокомандующий русской армией М.И.Голенищев-Кутузов, которого Александру I пришлось все же, уступая общественному мнению, назначить в августе 1812 года главнокомандующим всей русской армией, и командование было временно поручено М.Б.Барклаю-де-Толли. Багратиона же к тому времени уже не было в живых - он умер от ран, полученных в Бородинском сражении 26 августа 1812 года.

Когда завершились переговоры с Моро, то в путешествии его в Россию для приема должности генерала русской армии, сопровождать Моро, поехавшего в Россию со своей красавицей женой, выпала честь тому же П.П.Свиньину.

На американском корабле весной 1813 года Моро с женой и сопровождающим эту чету П.П.Свиньиным отплыл в Европу. В материалах Свиньинына есть описание этого плавания. Корабль с Моро и Свиньиным, после долгого и опасного плавания по Атлантике, прибыл в Швецию, откуда Моро в сопровождении Свиньинына выехал в Берлин, уже освобожденный от фран-

цузов союзниками. Там Свиньинына "сдал" своих подопечных и поехал из Берлина в Петербург, а Моро с женой поехал в ставку императора Александра I, находившуюся в то время в г.Праге (ныне - ЧССР). По прибытии в Прагу, Моро немедленно попросил Александра I направить его на театр военных действий на любую должность. Он горел нетерпением сразиться поскорее со своим врагом - Наполеоном.

Император Александр удовлетворил желание генерала Моро и немедленно направил его - пока без назначения - на театр военных действий.

Моро прибыл к русской армии как раз в то время, когда началось знаменитое сражение под Дрезденом 14 августа 1813 года.

В этом сражении Наполеон нанес серьезное поражение союзным войскам - австрийцам главным образом, а также русским войскам, которыми командовал генерал Барклай-де-Толли. А прибывший на поле боя генерал Моро был сразу же смертельно ранен - ему оторвало ядром обе ноги и он, хотя и был доставлен в Прагу еще живой, но скончался от ран сразу же после прибытия в Прагу.

В тетрадях Свиньинына есть обо всем этом, есть также портреты как самого генерала Моро, так и его супруги.

А П.П.Свиньинына, расставшись с Моро в Берлине, по прибытии в Петербург снова получил дипломатическое поручение, на этот раз - в Лондон, а вскоре исполнив последнее поручение, он оставляет службу и отдается всецело литературной и издательской работе.

1818 года по 1830 г. П.П. был издателем и редактором журнала "Отечественные записки", в котором он поместил много статей по истории, археологии, этнографии и географии России. Также в этом журнале было помещено много статей его же о разных замечательных людях и самоучках в России.

«Кардон». Фрагмент композиции. Фото Е.В. Честнякова. 1910-е годы.

Андрей АНОХИН

СВЕТОПИСЕЦ ЕФИМ ЧЕСТНЯКОВ

Осенью 1905 года Е.В.Честняков возвращался домой, в кологривскую деревню Шаблово. Пять долгих лет провел он в учебном «отходе», употребив сей срок для изучения искусств и постижения тонкостей наук художественных в Петербурге и Казани. По приезде на родину он имел намерения серьезно трудиться, создавать «могучую универсальную культуру». В дорожных вещах его, среди прочего, имелся небольшой черный кожаный короб-футляр с никелированным запором, в бархатных внутренностях которого покоилась изящная механическая вещица - фотографическая камера «Глифоскоп». В малом футлярном отделении находились стеклянные пластинки с видами петербургских сцен. Пластинки

имелись и отдельно - составляли запас будущим съемкам.

Незадолго до отъезда в столицу Ефим Васильевич напишет: «...вообще желал бы ознакомиться в городе по возможности с делами всякого рода. Искусства - живопись, скульптура, архитектура, машиностроение, языковедение, астрономия, науки оккультные, театры, кинематограф и т.д.». Как видно, фотографию в ряд дел «всякого рода» для ознакомления Ефим Васильевич не записал. Однако отметил кинематограф, целиком обязанный своему рождению именно светописю. Можно полагать, что он как человек имеющий мысль «ознакомиться» с кинематографическим делом, не мог не проявить интереса к

светописю и даже, быть может, влечение к «живой фотографии» началось от знакомства с последней. Видеть действия фотографов он имел возможность еще в мальчишеском возрасте.

Уезд Кологривский, как и соседние с ним, с давности был подвержен «отходу». С весны до осени деревенские мужики-мастеровые уходили ремесленничать в столицы и во всякие губернские города. К зиме, возвращаясь домой, многие привозили «фотографии на бумаге», что составляло городскую привычку хорошего тона. От тех лет мода на снимки пришла и в деревню. Фотографии отходников знало все деревенское общество - их носили, как диковинку, на показ из дома в

дом для всеобщего обозрения. Для домашнего любования снимки вставляли в рамы, непременно под стекло. Рамы постепенно, многими десятилетиями заполнялись новыми снимками и служили своеобразными семейными альбомами. Их можно было видеть во всякой более или менее справной крестьянской семье. Еще к услугам деревенских жителей для "снятия" портретов были путешествующие фотографы. В 80-90-е годы прошлого века они уже не были редкостью в кологривских селениях. Кроме того, по надобности в портретах, жители уезда совершали визиты в Кологрив, в котором в 90-е годы действовало от одного до трех фотографических заведений.

Окончив курс семинарский и обретя учительскую службу, Ефим Васильевич, несомненно, встречался с заведениями светописи: и в Здемирове, и в Костроме, и в Угличе, и в Кинешме. Он, как человек наделенный от природы пытливым умом, наблюдательностью, цепкой памятью, страстью к знаниям во всех жизненных положениях - деревенском, учебном, служебном, не мог не замечать окружающих его фотографических явлений, сколь бы невелики были те по размерам.

В конце 1899 года Честняков приезжает в столицу и, спустя три с небольшим месяца (!), 2 апреля 1900 года в письме к Д.М.Кирпичникову, владельцу завода по переработке древесного порошка в

дер.Вандышки Кинешемского уезда, испрашивает совета относительно покупки фотографического аппарата. Дмитрий Матвеевич, управляющий пересылкой благотворительных средств на содержание Честнякова, 8 апреля отвечал из Кинешмы: "Ввиду Вашего заявления я пошлю Вам 50 руб. и Вы сами решите - стоит ли приобретать фотограф.аппарат. Аппарат не дорог, но не дорого ли обойдутся пластинки и проч. нужное при работе с аппаратом. Для фотографирования нужно умение, навык, приспособление; если Вы рассчитываете, что это у Вас есть, то, конечно, приобрести следует, иначе, мне представляется, пока будет лишняя затрата". Несмотря на бедственное мате-

Крестьянские дети. Фото Е.В. Честнякова. 1910-е годы.

риальное положение, существуя на частных благотворительные пожертвования, средства, вырученные от лотерей, спектаклей, продажи живописных работ самого Честнякова, организованные кишинемской интеллигенцией, аппарат-предмет вожделенный - все-таки был куплен. Фотографический рынок России той поры изобиловал светописными приборами всех марок, цены которым были от двух до нескольких сотен рублей. Выбрать камеру по средствам и желаниям, из имеющегося быть товарного многообразия, - представлялось делом весьма не простым. Честняков, из присланных Кирпичниковым пятидесяти рублей, мог затратить на покупку не более двадцати пяти рублей, оставшаяся сумма была неприкосновенна - составляла содержание его. Камера "Глифоскоп" французской фирмы "Ришар" (16 руб., с принадлежностями - 25 руб.) подходила расчету Честнякова. Шабловский крестьянин стал обладателем заветного светописного прибора!

Аппарат представлял собой стереоскопическую камеру, работающую с диапозитивными пластинками размером 45x107 мм, после обработки на которых получалось два одинаковых позитивных изображения. Камера легко превращалась из съемочной в просмотровое устройство. В нем зритель видел картину, дающую "эффект перспективы и рельефности". Понимая свое временное положение в столице, Честняков, конечно же, не собирался обзаводиться фотографическим архивом и устройством лаборатории, отчего и отдал предпочтение камере диапозитивной, поскольку отпадала надобность в печати фотографий. Отснятые пластинки для обработки можно было снести, за небольшую плату, в любой магазин, торгующий фотографическими принадлежностями. "Глифоскоп" был весьма полезен и для изучения пер-

спективы, знания которой необходимы всякому живописцу. Таковы достоинства аппарата и понятен неслучайный выбор именно этого прибора, купленного не для забавы.

Фотографировать Ефим Васильевич начал тотчас. Весенние сцены его не запечатлели столичных красот: выдающихся сооружений, памятников архитектуры, скульптур в роскошных садах и парках. Честняков снимал свой Петербург. Главные действующие лица его диапозитивов - дети. Изображения в нескольких пластинках представляют детские группы "на воздухе". По мнению искусствоведа В.Игнатьева, дети в простых одеждах принадлежат к какому-либо приюту или обществу, возможно, благотворительному, заботящемуся о бедных. А снимки, он полагает, сделаны вблизи места жительства Честнякова, на Васильевском острове. Все кадры-первенцы разного качества и достоинства - опыты Честнякова по овладению фотографической наукой. Самостоятельны ли были его первые светописные шаги? Весьма возможно, что он приобрел "умение", изучив специальные наставления, приложив к ним знания, почерпнутые из журнала "Научное обозрение", который читал в пору учительства, и где печатались статьи по практическому применению светописы. Нельзя исключить и того, что наставником в сем деле был сотоварищ-тенишевец, фотограф-любитель Де-Бове.

Оставив столицу, Ефим Васильевич, напитанный знаниями художественными, имея некоторый опыт в делах светописных, возвратился в отеческий дом. Семья бедствовала, вела скудное существование. Он - "питерщик"-живописец стал крестьянствовать, работая "...с весны до осени на земле, пока не выпал снег...". Обремененный повседневными мирскими заботами, он-таки выкраивал драгоценное время для искусств, а равно и для светописы,

извлекал из футляра сокровенный светописный прибор. Делал стереоскопические "слепки" с людей: "девонек и парнеков, баушек и дедушек, мужиков и баб", светописал двуглазой коробкой в избах, запечатляя унылую деревенскую жизнь изнутри. "Детям и взрослым" он устраивает сеансы с "туманными картинами" (слайдами), проецируя их на экран через "волшебный фонарь" (Объектив фонаря в латунной оправе сохранился - А.А.). Источником света в нем была обыкновенная керосиновая лампа. Идея - публично демонстрировать изображения на экран - была, вероятно, знакома Ефиму Васильевичу еще с времен педагогической службы: народные чтения с "волшебным фонарем" были уже в 90-е годы прошлого века в начальных народных училищах, в городских и духовных учебных заведениях Костромской губернии. Можно полагать, что мысль о возможном устройстве световых чтений для просвещения крестьян зародилась у Честнякова в то время. Стало быть, совсем не случайно родственник его - Н.С.Скобелев, учитель 2-го начального народного Ефремовского училища Кологривского уезда в письме к нему в Петербург упоминает: "Были чтения с фонарем..." Простейший домашний фонарь был недорог (от 5 руб.). Его Ефим Васильевич мог привезти из Петербурга, мог выписать и по почте. Какие картины видели шабловцы на экране? Во-первых, конечно, собственные диапозитивы Честнякова с деревенским людом и, вероятно, готовые фабричные картины, образовательного свойства. Зимние вечерки с фонарем были и развлечением, и полезным отдыхом, скрашивающим его однообразное крестьянское положение.

Спустя какое-то время, Ефим Васильевич заводит новую стереоскопическую камеру. На этот раз он избрал аппарат немецкой фирмы (ценой от 10 до 15 руб.), рабо-

тающий с пластинками 8,5x17 см. Здесь тоже получалось два изображения, однако размер их был больше, нежели в "Глифоскопе". Камера в виде ящика была значительно удобней при съемке, имея внутри магазин кассет на девять кадров, быстро заменяемых при простейшем манипулировании. Теперь шабловский фотограф-любитель больше проводил времени в темной лаборатории - прибавилась новость - печать фотографий на бумаге. Что же заставило Ефима Васильевича, рачительного, по-крестьянски сметливого человека войти в расход, да еще тем самым добавить себе хлопот лабораторных. Объяснить сей "странный" поступок можно единственным: заботой строителя "универсальной культуры" об окружающих людях. Появление в деревне ученого-шабловца двуглазой

волшебной коробочки, глядя в которую виделись "натуральные" картины и лица, вызвало у жителей всеобщее любопытство. Начались публичные просмотры. Загадочная коробочка с заряженной стеклянной картинкой ходила из рук в руки, и разновозрастные пары глаз обозревали чудотворные изображения. Уверен, что наблюдая за ходом сеансов, кроме чувства радости испытывал Ефим Васильевич и тревогу за судьбу прибора, который мог быть случайно, по неосторожности зрительских действий, обрести неисправность, а то и серьезную поломку. Вероятно, опережая нежелательные события, он решил потратиться на приобретение новой камеры, первенец же "Глифоскоп" бережно сохранял для собственного пользования. Новые фотографии Ефим Васильевич

пришивает нитками к картону и те просматриваются жителями через дешевый ручной стереоскоп, которому даже в руках неумелых не грозило ничто. Процесс ознакомления крестьян с трехмерным изображением, вызванного стереоэффектом, на мой взгляд, - часть большой программы художника-просветителя в составе созданной им универсальной крестьянской культуры, способствующей более полному восприятию жителями деревни окружающего мира.

Редкая российская деревня могла похвалиться своим фотографом, шабловские могли. В известном четверостишии Ефим Васильевич сжато рисует свою деятельность:

*Фим трудился многи годы,
Окруженный хором муз,
И носился по народу
С грузом созданных искусств!*

Крестный ход в Шаблове. Фото Е.В. Честнякова. 1910-е годы.

Окружала "Фима" и музыкальная фотография, а снимки, "груз" светописный - портреты современников - устраивались благодарными людьми в крестьянских рамках-альбомах.

Степень серьезности Ефима Васильевича к светописным делам постоянно росла. Два аппарата, бывшие в собственности, по-видимому, не удовлетворяли его, и он вновь поражает общество - приобретает третью камеру. Аппарат английского производства (не более 15 руб.) ящичного вида с магазином кассет на 12 кадров, размером 9x12 см. Эти последние качества составляли все достоинство прибора. Теперь набор камер деревенского любителя фотографии мог изумить всякого горожанина, знавшего толк в светописных занятиях. Ефим Васильевич, приобретая немалый опыт практического светописания в деревне, очевидно, имел все-таки неудовлетворенность от собственной техники, отчего решился на покупку еще одного прибора, работавшего с пластинками 13x18 см. К сожалению, сей "закатный" аппарат не сохранился. Я думаю, что это была добротная светосильная профессиональная камера (ценой от 35 руб.), ибо с пластинками такого размера в силу дороговизны работали состоятельные фотографы любители или профессионалы. В пользу такого предположения говорит и отсутствие самой камеры: она, по скудности средств, могла быть продана самим владельцем или, возможно, досталась знающему лицу после смерти Честнякова, как лучшая из всех аппаратов.

Две камеры, приобретенные последними, более других служили Ефиму Васильевичу. Посредством их он исполнил самые замечательные кадры своего собрания, где более всего места, как и в живописи, занимают портретные работы. В большинстве снимков представлен групповой портрет. Это и постановки самого автора на фоне грубой холстины

или специально исполненного темперой задника. Детские изображения на портретах самые удачные.

Картинами деревенских событий светопись российская вообще не богата. "Крестный ход в Шаблове" - редкостная фотография, достойная самой высшей оценки. Высших похвал заслуживает и проникновенный литературный труд "Ручеек", вышедший из под пера Честнякова - писателя, в котором он с поразительной точностью описал картины шабловской жизни. Снимок "Крестный ход..." - это блестящая иллюстрация к одной из них: "Наступил жаркий солнечный день, и, когда солнышко поднялось до полудня, через ручеек проходили нарядные люди: мужики и бабы, старики и старушки, девицы, ребята и малые дети - все нарядно одетые. Красные, алые, голубые, белые платочки, фартуки и сарафаны - во всяких нарядах стояли на лужке, у часовни. Одни входили в часовню, другие вставали кругом на лужайке лицом к часовне, и все без шапок. Скоро собралась вся деревня и те, которые пришли в гости на праздник, - все стояли нарядные и молились Богу. Потом вынесли из часовни крест, иконы, хоругви и пошли вокруг полей и вдоль деревни крестным ходом".

Фотографическое наследие Честнякова численно не велико, однако в нем есть некоторые образцы, о которых должно сказать особо. Как известно, Ефим Васильевич в совершенстве знал и владел искусством лепки. Умелые руки его сочиняли "глинянки" - фигурки и разноцветно тонируют их. Поначалу это были персонажи его сказок, а затем привлекательные глиняные актеры давали представление в детском передвижном театре. Апофеозом глиняного сочинения стал огромный размеров город - "Кардон". Город с домами, дворцами, улицами населяли дети и взрослые, а составлялся он из "свыше 800

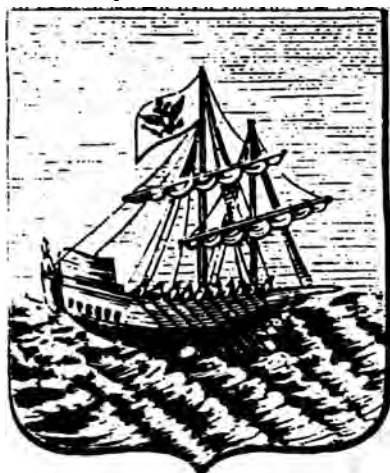
фигур". Когда руки создателя прикоснулись к нему, град оживал. Немногим свидетелям посчастливилось наблюдать действия во многолюдном "Кардоне"... Нынче от него осталось десятка три фигур. В авторской полноте "Кардон" остался только на фотографиях. Ефим Васильевич снял панораму города, составив ее из трех снимков, один из которых представляется здесь.

В годы Первой мировой войны светописные занятия Честнякова прекратились - не стало фотопродуктов. В архиве Ефима Васильевича В.Игнатьев обнаружил неиспользованную коробку с пластинками в фабричной упаковке. По причине отсутствия материалов в советское время Честняков оставил занятия светописью навсегда. Подтверждает это письмо-черновик к писателю И.М.Касаткину, написанное в 20-е годы. Из письма следует, что Иван Михайлович просит прислать фотографии с работ Честняков, который не мог сам исполнить снимки, предполагает - "заполучить в гости фотографа Вас-ва (А.П.Васильев, владелец фотографии в Кологриве - А.А.)", но тут же оговаривается: "Пешком верно он не пойдет - от меня же подвода, редьки с квасом в гостях кушать верно тоже не будет, и мне неловко, что нечем больше попотчевать".

Сегодня в печатных изданиях опубликовано не более половины светописных работ Ефима Васильевича. Большинство хрупкого стеклянного наследия, сохраняемого в музейных покоях, требует серьезной реставрации, авторские снимки нуждаются в восстановлении, специальной обработке. На бледных желтых снимках затухают изображения. Если сегодня всерьез не озаботиться их состоянием, то через два-три десятилетия светопись в стеклах разрушится, а с бумажных экземпляров исчезнут портреты и виды. Давайте поспешим! Надо сберечь труд Величайшего земляка Ефима Васильевича Честнякова.

ГЕРБЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ

Кострома

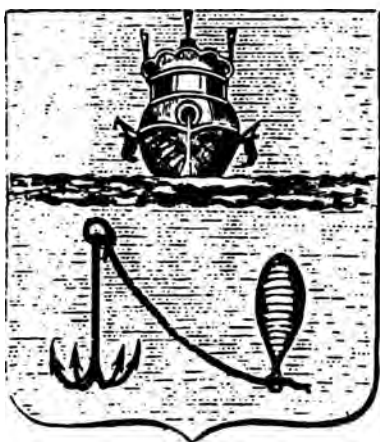
Известная по летописям с начала XIII века, Кострома получила свой герб в 1767 году, после посещения города Екатериной II во время ее путешествия по Волге на галере "Тверь". На гербе и была изображена "...в голубом поле галера под Императорским штандартом на гребле плывущая по реке, натураль-

ными цветами в подошве щита изображенной". Следует заметить, что это был первый городской герб, составленный при Екатерине II Герольдмейстерской конторой, и единственный, внесенный в Полное собрание законов Российской империи.

Об основании Буя в царской летописи Ивана Грозного написано, что в 1536 г. повелением царя был "поставлен Буй городок на Кореге" для защиты корежских жителей от набегов казанских татар. Крепость Буй защищалась возвышенными и крутыми берегами рек Костромы и Вексы, а с юга и востока насыпным валом и глухим рвом.

Раньше во время сплава весной в Бую оставался лес, в это время здесь бывала знаменитая лесная ярмарка. Отсюда герб города Буя - железный якорь с золотою веревкою "буем".

Буй

Первые святые отшельники и проповедники христианства в Галичской стране появились на гористых тогда берегах Галичского озера очень давно, ведь уже в первой половине XII в. Галич был посвящен, имел христианские храмы, а его князья носили христианские имена,

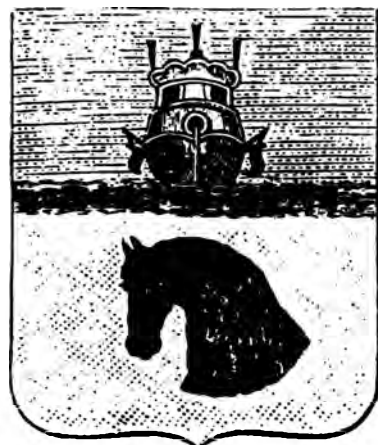
Первые достоверные сведения о Галиче начинаются со времен нашествия на Россию Батыя в 1238 г. А в 1245 г. Галич составляет самостоятельное удельное княжество. Великий князь Василий Темный присоединил его к единой державной России в 1450 году или по некоторым другим источникам - в 1453 г. В 1778 году Галич вошел в состав Костромской провинции (впоследствии губернии). Пожалованный ему герб представляет следующее: в красном поле - воинская арматура с выходящим из нее крестом св. Иоанна Крестителя.

Свое название город получил от места, где находится: он построен около ("коло") возвышенных мест ("трив"), незаливаемых весенней водою. Уездным городом сделан в 1778 г., а раньше на этом месте было село Кичино. На гербе города изображена лошадиная голова с крутою гривой в золотом поле.

Галич

Кологрив

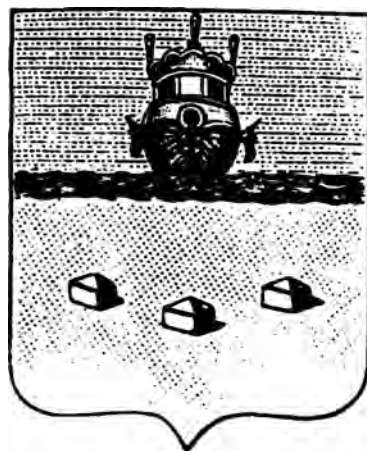
Название город получил от находящейся здесь Макарьево-Унженской обители, основанной по церковному преданию преподобным Макарием в 1439 г. Его обитель была первым человеческим жилищем в этих местах. Из образовавшейся около монастыря слободы и села Коврова и возник в 1778 г. город Макарьев. Герб его изображает два золотых колокола на голубом поле. Кроме славившихся в России макарьевских торговых ярмарок город был широко известен среди многочисленных паломников чудодейственной целебной силой источника, будто бы вырытого собственными руками Преподобного Макария.

Макарьев

Герб Солигалича: "в золотом поле три солонки соли" - указывает на место, обильное соляными ключами. Здесь прежде были многочисленные соляные варницы, которые закрылись в первой половине XIX в. "Воскресенская летопись" основание Солигалича приписывает Галичскому князю Федору Семенову, увидавшему в ночь на Пасху 1332 г. "великий свет" на северо-западе от города, в четверг, на Пасхе, увидел в той же стороне огненный столб и услышал сильный гром. Весною князь на месте этого "небесного явления" основал Воскресенский монастырь. Этот монастырь и положил в Солигаличе начало местной населенности.

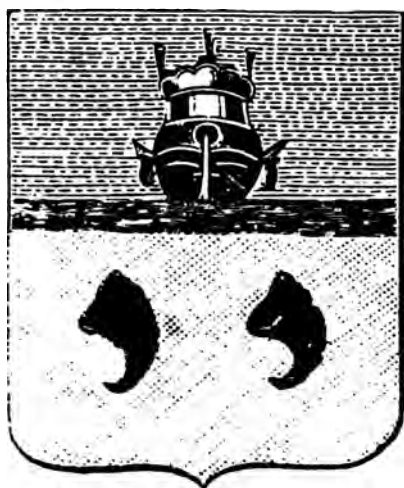
Солигалич

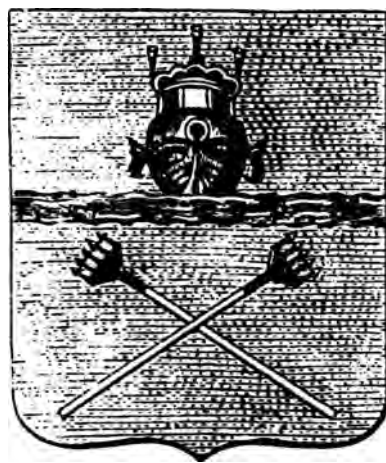
Уездным городом Солигалич стал в 1778 г.

Чухлома

Нерехта

Само название города указывает на то, что коренным населением этих мест был народ финского племени - мера. В первый раз город упоминается в 1214 г. в Переславль-Суздальской летописи. Именно в этом году князь Константин отнял у Ярослава "Нерохть". Некогда богатый город, имевший свои соляные варницы задолго до соляных камских промыслов Строгановых, Нерехта в 1609 году была опустошена, сожжена поляками и литовцами из ополчения Лисовского. До 1778 г., когда стала уездным городом, считалась пригородом Костромы. Герб Нерехты - на золотом поле две черные раковины улиток, символизирующих две речки, протекающие возле города.

Чухлома была известна уже в XII в., как место родины преподобного Авраамия. Первоначальными жителями этой местности были чудские племена, впоследствии слившиеся с новгородскими славянами. В старинных летописях озеро, при котором стоит город, называется "Чюдским" озером. Отсюда, очевидно, произошло название. Озерная рыбная ловля - здесь самый

древний промысел. На это указывает городской герб, изображающий две железные остроги.

Время основания города точно неизвестно. В 1719 г. он причислен к Галичской провинции, а в 1778 году вошел в состав Костромской. С 1797 года сделан уездным городом Костромской губернии.

П.С. Троицкий. Костромской край.
Историко-археологический очерк.
Кострома. 1909 г.

“...УБЪЗЖАЯ В САЛОНИКИ, ОСТАВЛЯЮ “ЖЕМЧУГА”

*Кто знает мрак души людской,
Ее восторги и печали?!
Они эмалью голубой
От нас сокрытые скривали.*
Н. Гумилев.

“Затем его мысль обратилась к дому, к стенам, с которыми связано было так много воспоминаний. Потолки закоптели... мраморная облицовка камина потрескалась... Все это были отпечатки домашней жизни, шрамы человеческого жилища, иероглифы, которые умеют расшифровывать только души, одаренные долгой памятью и привязанностью к старым стенам.

Ведь в каждой семье есть своя особая история, веками ее служат важные факты, которые редко являются историческими.

...Пройдет еще некоторое время, и, наводя порядок в ящиках столов, чья-нибудь рассеянная рука разорвет старые бумаги, исписанные порывевшими чернилами, извещения о рожденьях, браках и кончинах, сохранившиеся до тех пор, а тогда забудутся даже имена и фамилии прадедов и прабабок и родоначальником семьи окажется один-единственный человек”.

Цитата из романа Ф.Эрна “Семья Буссардель”, которую Н.Д.Троицкая-Облеухова выписала в свой дневник.

О том, что в одном из макарьевских домов десятилетия хранились книги с автографами Гумилева, я узнал совершенно случайно. В Мантурове в ожидании автобуса стояли на остановке с А.В.Громовым, разговор зашел о том, что в молодости человеку свойственно довольно беспечно относиться к прошлому. Потом, с годами, интерес этот сильнее, но вот загадки, с которыми сталкивался прежде, разгадать уже зачастую невозможно. Ибо живые свидетели минувшей эпохи уже ушли в мир

иной. А документы? Они тоже ведь подвержены превратностям судьбы, да и не могут поведать многого из того, что стоит за их скупыми строчками.

И в подтверждение Александр Вячеславович рассказал мне об этих самых гумилевских автографах. Старый учитель словесности, он тогда как раз готовил в районной библиотеке вечер, посвященный поэзии Николая Гумилева, и на его письменном столе я только что видел впервые

изданные у нас после утаивания и умалчивания сборники стихов Гумилева и книгу Веры Лукницкой о жизни поэта.

Оказывается, с адресатом и владелицей гумилевских автографов Н.Д.Троицкой, в замужестве Облеуховой, Громов работал в послевоенные годы в Макарьевской средней школе: она преподавала

немецкий язык, он - русский и литературу. Видя интерес молодого коллеги к хорошей книге, часто встречая его в местном книжном магазине, Надежда Дмитриевна не раз приглашала его в гости, но никогда, впрочем, не показывала книг расстрелянного поэта. Их показала Александру Вячеславовичу уже после ее смерти Нина Дмитриевна, сестра Надежды Дмитриевны. О знакомстве своей старшей сестры с Гумилевым она мало что могла рассказать, однако ценность книг понимала и была озабочена незадолго до своей кончины вопросом: куда бы эти книги передать, чтобы попали они в надежные руки. Тут вспомнилось Нине Дмитриевне, как в 50-60-е годы зачитывались они с сестрой увлекательными рассказами о “тагильской” и иных находках Ираклия Андроникова - и книги были отправлены в Москву...

Вот незадолго перед этим и переписал А.В.Громов себе на память текст гумилевских надписей.

Надежда Троицкая

Николай Гумилев

На сборнике "Колчан" 1916 года: "Над Дм.Троицкой на добрую, долгую память. Н.Гумилев. 15.5.17".

А на сборнике "Жемчуга" (Москва, издательство "Скорпион", 1910) рукою автора было написано так:

*"Надежде Дмитриевне Троицкой.
Быстроглазой,
Светлолицой
(хоть, увы, она строга!),
Уезжая в Салоники,
Оставляю "Жемчуга"!"*

Как же свела судьба барышню из захолустного Макарьева и уже знаменитого поэта? Вопрос этот захватил меня, и с благословения А.В.Громова и с его помощью начинаю поиск.

При первой же возможности еду в Макарьево. Хожу по здешним старожилам, пристаю с расспросами. Интересующей меня информации получаю, как сам над собой подтруниваю, в день по чайной ложке, но с каждой неудачной попыткой желание разузнать о "быстроглазой, светлолицой" молодой макарьевской дворянке начала века все сильнее. Ах если бы пораньше, когда еще не был продан местному райпо и перестроен дом Троицких на Ветлужской улице, когда в нем еще доживала свой век девяностолетняя, но до последних дней памятливая и мудрая домработница Елена Романовна Подскарбий, почти всю свою жизнь тесно связанная с семьей Троицких! А сейчас?..

Троюродная сестра Надежды Дмитриевны, В.А.Верховская, адрес которой мне указал Громов, откровенно признается, что она уже, по возрасту своему, в беспамятстве и мало чем может быть полезна. О Гумилеве и интересующих меня книгах - это она говорит уверенно - ей слышать от Надежды Дмитриевны не приходилось. Варвара Аркадьевна показывает старинный фотоальбом семьи Верховских. В нем прекрасно сохранившиеся снимки известных нижегородских и петербургских фотографов второй половины прошлого - начала нашего века. Фамилии этих мастеров даже мне, дилетанту, известны. Красивые, одухотворенные лица - несколько поколений Верховских - смотрят с этих снимков, но надписей на обороте нет, а хозяйка имен этих людей не помнит. Указывает только снимок самой Дины (так в семье все звали Надежду Дмитриевну) и еще один, на котором вся семья Троицких: Дмитрий Александрович, его вторая жена Надежда Петровна и дети Михаил, Нина, Кира и рядом с отцом - старшая, Дина...

И вот медленно, по отдельным черточкам, из рассказов самых разных людей, по документам, хранящимся нынче в макарьевском музее и в семейных архивах, пытаюсь представить образ и судьбу той, кому Николай Гумилев в мае 17-го посвятил свой экспромт. И теперь хочу сказать особое спасибо Варваре Аркадьевне Верховской, которая успела подарить мне эти две фотографии, Надежде Павловне Тимо-

Семья Троицких

феевой и Нине Ивановне Романовой, старым макарьевским педагогам, дружившим с Надеждой Дмитриевной, и, конечно, живущей в г.Дзержинске Надежде Александровне Ювенской за то, что сохранила многие документы и саму память о родном доме, который макарьевцы до сих пор так и называют - "дом Троицких".

А построен дом был около 1860 года инженером путей сообщения, строившим Николаевскую железную дорогу, Петром Михайловичем Верховским, который, выйдя в отставку, обосновался в Макарьеве. О дворянском роде Верховских мог бы получиться отдельный интересный рассказ, тем более что их родословная была в 1897 году издана в Варшаве отдельной книгой одним из сыновей Петра Михайловича.

...В одном из старых писем я прочитал, что когда его дочь Елизавета в 1891 году вышла замуж за мещанина, учителя Макарьевского духовного училища Д.А.Троицкого, якобы Петр Михайлович "рвал на себе волосы". Однако именно Троицкий получил в наследство и усадебный дом на Ветлужской улице в Макарьеве, и типографию Верховского. И вскоре имя этого нового владельца прочно закрепилось за дворянским домом. Надо думать, что не случайно. Троицкий, будучи человеком очень деятельным, в культурной жизни предреволюционного Макарьева оставил заметный след.

Спросите в Макарьеве любого старожила, конечно, коренного - и он вам покажет помещение нынешней аптеки, где находился магазин Троицкого - вначале "музыкальный", но уже в 1912 году, судя по сохранившейся рекламе, в нем были "отделения книжное, аптекарское, хозяйственное, писчебумажное, канцелярское, музыкальное, игрушечное, фотографическое, табачное". А в торговых рядах вам покажут, где располагался открытый Троицким в 1914 году первый в Макарьеве кинематограф "Абри". С легкой руки Дмитрия Александровича, страстного и талантливого актёра-любителя, организовалась в Макарьеве и довольно сильная любительская труппа, которая переиграла едва ли не всего Островского. Кстати, эта театральная традиция поддерживалась здесь очень долго, и когда Н.И. Романова познакомила меня с сохранившимися у нее письмами Нины Дмитриевны Троицкой, которая умерла в 1976 году, то я увидел, что почти наполовину эти письма начала 70-х годов посвящены делам народного театра при Макарьевском доме учителя, в котором самозабвенно играла средняя дочь Д.А. Троицкого...

Кажется, за некоторые издания, отпечатанные в своей типографии, Троицкий был даже

Дина и Нина Троицкие возле своего дома.

выслан в Арзамас и затем находился под надзором полиции. Во всяком случае, сохранилась его полицейская фотография анфас и в профиль. А вообще-то Троицкого и по сей день вспоминают в Макарьеве прежде всего как просветителя. Так что стоит ли удивляться, что старшая его дочь после окончания гимназии поехала за дипломом учительницы на Высшие женские курсы в Петербург. Вот успела их закончить или нет - выяснить не удалось...

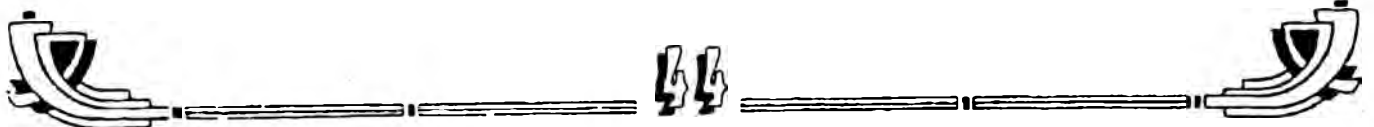
Под первым "военным" стихотворением Гумилева:

Вот голос, томительно звонок...

Зовет меня голос войны...

- стоит дата: 20 июля 1914. В этот день был опубликован "Высочайший манифест". Очевидно вскоре после этого приняла свое решение и Дина Троицкая, движимая патриотическими чувствами. И 13 ноября "г-же Надежде Дмитриевне Троицкой от Петроградского Николаевского военного госпиталя" уже выдано свидетельство о том, что она "успешно сдала экзамен, занималась практически в персвязочной и операционной и дежурила во всех отделениях госпиталя, подготовившись вполне к уходу за ранеными и больными". Сохранилась и фотография: во дворе сидит сестра милосердия, за спиной хорошо прочитывается надпись: "208 Городской лазарет". И дата: "Ноябрь 1917 года".

Вот этот-то снимок и особенно важен для нас. Ведь именно в 208-й городской лазарет на Английской набережной, 48 и был помещен в марте 1917 года Гумилев: по весне у него возобновился процесс в легких. Здесь, в лазарете, они и встретились. Что это были за встречи, о чем разговоры? Увы, тайну эту Надежда Дмитриевна унесла с собой. Но вряд ли было это просто приволакиванием от нечего делать прапорщика 5-го Гусарского полка, знаменитого поэта за хорошенькой медсестрой. Ведь знакомство это продолжалось и после выписки из лазарета. На "Колчане" дата: 15 мая 1917. Значит, книга была вручена Надежде Дмитриевне именно в тот день, когда Гумилев уезжал из Петрограда в надежде попасть на Салоникский фронт. Он добился своего! В штабном приказе №139 от 8 мая говорилось, что состоящий больным в г. Петрограде прапорщик Гумилев по выздоровлении 2 мая поступил в распоряжение начальника Штаба Петроградского военного округа для отправления на пополнение офицерского состава особых пехотных бригад, действующих на Салоникском фронте. Одновременно Гумилев оформлен еще и как специальный военный корреспондент выходящей в Париже газеты "Русская воля". Поэта в то время возмущала анархия, царящая в русской армии, казалось, что на союзном, южном фронте еще есть дисциплина. Сохранились воспоминания другой женщины, провожавшей Гумилева в тот день, - Анны Ахматовой. Они были записаны в

1925 году дотошнейшим биографом Гумилева П.Н.Лукницким: "Он на вокзале был особенно оживлен, взволнован и, очевидно, доволен тем, что покидает надоевшую ему застойную армейскую обстановку, говорил, что, может быть, попадет в Африку..."

О том, как дальше сложилась судьба поэта, мы теперь при желании можем узнать едва ли не во всех подробностях. А вот судьба еще одной из встретившихся на его жизненном пути и отмеченных его вниманием женщин? В ней, на первый взгляд, все очень просто и буднично. Вскоре после революции Надежда Дмитриевна вернулась в родной Макарьев. Всю жизнь преподавала здесь немецкий язык. (Был только один год, когда пришлось ей жить в Костроме, но об этом мы вынуждены будем сказать чуть позже). Учительницей была прекрасной, судя по отзывам ее бывших учеников, которых немало в Макарьеве. Причем, каждый из них отмечает удивительную выдержанность и интеллигентность, которые выделяли Надежду Дмитриевну среди других педагогов. Впрочем, она терпеливо прививала хорошие манеры и своим ученикам, и ее питомцы это запомнили...

Скончалась Надежда Дмитриевна в родном доме в 1964 году. Случилось это летом, когда гости особенно часто приходили в дом Троицких: и приезжавшие со всех концов страны на родину в отпуск ученики Надежды Дмитриевны, и крестьяне, вылечиться которым помогла когда-то Надежда Дмитриевна, спешили отблагодарить ее за это, принося в дом лесные ягоды. А во дворе тогда уже пылали желтым огнем грядки с календулой, которую в большом количестве выращивала Надежда Дмитриевна для приготовления своих чудодейственных отваров и мазей...

И все же я думаю, не жаркое ли пламя той встречи весной 17-го опалило ее судьбу? Гумилев как-то насмешливо сказал: "Женскому сердцу мало говорят слова... Тот, кого любит женщина, всегда герой и, увы, всегда немного кукольный герой, но как приятно чувствовать себя этим героем". А вот характер самой Дины Троицкой, которой в ту пору шел 24-й год, он подметил в своем экспромте такой строкой в скобках: "хоть, увы, она строга!"... Недаром же наиболее близкие ей люди, с которыми мне еще посчастливилось встретиться, припоминали, что когда заводила Надежда Дмитриевна речь о прожитом, иногда как-то очень приглушенно, смутно, но присутствовал какой-то анонимный поэт, встреченный ею на заре туманной юности.

А своей личной жизнью Надежда Дмитриевна распорядилась таким образом. В 20-е годы, выйдя замуж, рвалась уехать за границу ее самая близкая подруга, Саничка Купреянова, но не знала, на кого оставить своего большого отчима. И Надежда Дмитриевна, чтобы не возникло в Макарьеве каких-то кривотолков, оформила брак с этим человеком. Антон Дмитриевич Облеухов был старше ее

почти на тридцать лет. Благодарная Саничка писала в дом Троицких письма: сначала, кажется, из Греции, из тех самых Салоник, в которые так стремился когда-то Гумилев, потом из Нью-Йорка. Присылала и цветные снимки, которые тогда были в диковинку в Макарьеве. И Надежда Дмитриевна, показывая однажды своей подруге фотографию кареглазой молодой девушки, сказала: "Вот моя внучка". - "Как внучка?" - "А если Антон Дмитриевич ей дедушка, значит я - бабушка". Письма из Америки приходили и тогда, когда сестер уже не было в живых, адресованы они были Елене Романовне, которую А.А.Купреянова, в замужестве Жохова, тоже хорошо знала еще с детства.

Антон Дмитриевич умер в 1949 году, и тут-то случилось событие, нарушившее было привычную жизнь. Мужа похоронила Надежда Дмитриевна по церковному обряду, и за это после бурных обсуждений на собраниях в школе ей было указано на дверь. Ей, уважаемому педагогу, незадолго до этого награжденному орденом Трудового Красного Знамени! Вот оставшись без работы, она и преподавала год в Костроме, уговаривали здесь остаться - не согласилась. А потом все же, добившись, по одной версии знавших ее людей, приема у самого Шверника, а по другой, через своего дальнего родственника, тогдашнего министра высшей школы Кафтанова, она была восстановлена на работе. Но гордо заявила, что в школу, изгнавшую ее, никогда не вернется. В Макарьеве, кроме средней школы, было только педучилище, а там иностранный язык изучался лишь факультативно, но Надежду Дмитриевну туда взяли охотно. Из училища она и вышла на пенсию.

...Когда в опустевшем большом доме на Ветлужской улице уже доживала свой век одна Елена Романовна, поспешно, за бесценок распродавались прекрасные книги из богатой библиотеки, собранной несколькими поколениями Верховских и Троицких, старые вещи, мебель, жглись связки писем. А потом дом был продан и перестроен, теперь в нем восемь квартир. Память теперь о прежних обитателях этого дома, об ушедшей из него жизни сохраняется только в душе тех старожилков, которые еще лично помнят семью Троицких. Да, к счастью, в фондах музея уцелели некоторые документы из семейного архива, правда, немногие.

Следов книг с автографами Гумилева, посланных в начале 70-х в Москву, найти пока не удалось. Вдова И.Л.Андроникова, когда я спросил ее об этом, сказала, что ценность этих книг она, конечно же, представляет и если бы встретила, непременно бы отложила, выделила из общей массы. Но в утешение мне она добавила, что после переезда несколько ящиков с книгами еще не распаковано, а архив Ираклия Луарсабовича до сих пор не разобран.

- Если я обнаружу эти автографы - отобью вам телеграмму, - пообещала Вивиана Абелевна.

Что ж, остается только ждать...

ИСТОРИЧЕСКИЕ КУРЬЕЗЫ

В погоне за массовостью

В 1425 году князь Юрий Дмитриевич Галицкий встречал пожаловавшего к нему в Галич московского митрополита Фотия, от которого во многом зависело, быть ли Юрию Великим князем на Руси или оставаться прежним вассалом Москвы. Галич в то время был маленьким городишком, не чета Ярославлю, Владимиру, Москве.

Но показать центр своего княжества таким, как есть, значит заведомо лишиться всяких надежд на великокняжеский престол. И Юрий пускается на хитрость. По его приказу со всех сел, деревень, посадов княжества в Галич сгоняется народ. Так спешно, что крестьянину приходится бросать соху в борозде, а крестьянке - недопеченный каравай в печи. Княжеские холуи сработали оперативно: людям не дали времени даже переодеться, привести себя в порядок.

Но гору при въезде в Галич было согнано множество народу. Здесь и состоялась "торжественная" встреча митрополита. Однако Фотий не умилился

такому знаку внимания, а оскорбился. Потому что народ-то был одет в неподобающую случаю праздничную одежду а в сермягу.

Погнавшись за массовостью, князь Юрий допустил капитальный просчет. Глядя на одежду окруживших его людей, Фотий рассудил так: если смерду для встречи своего верховного духовного пастыря кроме как в дрань не во что одеться, значит народ в княжестве живет бедно и князь, доведший его до нищеты не достоин титула великого князя.

Турки идут

Набатный колокол всполошил нерехтчан. Сбравшимся на площадь горожанам было объявлено, что к городу приближается отряд турок, невесть каким образом занесенный с театра военных действий в мирный Костромской край.

А случилось это во время Русско-Турецкой войны, которая шла с переменным успехом с 1735 по 1739 год. Нерехтчане знали о ней только то, что где-то возле Черного моря, за тридевять земель от их города сражается с нехристями русская армия. Других подробностей до Нерехты не доходило и

потому город чувствовал себя в полнейшей безопасности. И вдруг, как снег на голову известие: турки идут.

Городские власти разослали вестовых по окрестным деревням с приказом вооружаться "кто чем" и спешно идти в Нерехту для отражения приступа неприятеля. Горожане тем временем завалили устья улиц бревнами и дровами и устроились в засаде, готовые за веру, царя и отечество головы свои положить, но врага не пропустить.

После полудня появилась на дороге кавалькада всадников, судя по одежде, русских солдат. Но бдительные нерехтчане раскусили военную хитрость неприятеля: поняли, что это переодетые лазутчики. Их подпустили на выстрел и под угрозой оружия заставили остановиться. На прямой вопрос руководителя обороны "Где турки?" они простоудушно ответили:

- В двух верстах по дороге, через полчаса будут здесь.

- А много их?

- Двести.

- А вы кто?

- Квартирмейстерская команда.

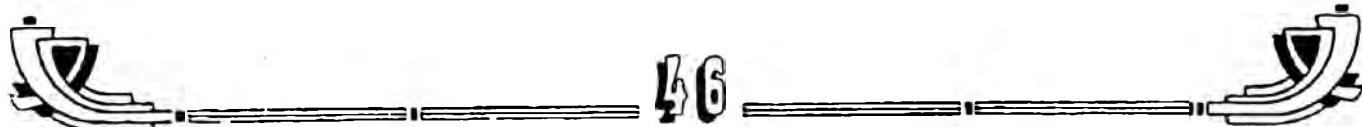
Возмущенные начальством неприятеля, еще не занявшего город, а уже отправившего послан-

цев присмотреть для победителей квартиры, нерехтчане прервали переговоры залпом в сторону врагов. Не ожидавшие такого оборота дела квартирмейстеры повернули коней и удалились.

Через полчаса в зоне видимости сидящих в засаде появились главные силы турецкого войска. Нерехтский городничий навел на них подозрную трубу. В ожидании приказа "к бою" застыла инвалидная команда. Ощетинилась рогатинами и вилами рать ополченцев.

Однако баталия не состоялась. На переговоры с нерехтчанамы прибыл с белым флагом "партионный" - начальник конвоя. Долго ему пришлось доказывать, что ведомые им турки - пленные. Их захватил фельдмаршал Миних в победном бою при Ставучанах за Днестром.

Дело кончилось тем, что городничий согласился пропустить через город колонну прикованных к одному канату турок. Но разрешения на постой не дал. Во время шествия пленных по обе стороны улицы стояли готовые к бою отважные защитники веры, царя и отечества.

Елена САПРЫГИНА

Павел КОРНИЛОВ

СТАТИСТИК И ПОЭТ

Два самых зрелых и творчески активных десятилетия провел Евгений Федорович Дюбюк в Костроме. Здесь он сформировался в крупного ученого-краеведа, из рядового земского статистика вырос до руководителя всей статистической службы губернии. Костромская земля пленила Дюбюка своей природой, историей, людьми. Будучи членом правления местного научного общества, а одно время и его председателем, он не ограничивался руководящей работой, но и сам серьезно занимался исследованиями, опубликовав десятки научных трудов, многие из которых вошли в золотой фонд костромского краеведения.

С раннего детства судьба Евгения Дюбюка складывалась неординарно. Он родился в 1876 году в Вильно, в генеральской семье, вынужденной, по роду службы отца, кочевать по стране. Вильно, Минск, Киев, в этот цветущий город Федор Александрович Дюбюк был назначен директором Владимирского кадетского корпуса. Разумеется, его одиннадцатилетний сын Евгений был определен для учебы туда же. Перед юным кадетом открывалась блестящая военная стезя, но имеющий тягу к поэзии, без-

умно влюбленный в природу юноша, успешно закончив курс, неожиданно для всех поступил в Петербургский лесной институт.

В столице определились научные интересы Дюбюка, здесь он нашел свое призвание - статистику. Он научился видеть в природе не только источник лирического вдохновения, но и научную лабораторию. Сухие колонки цифр для него порой были насыщенной самой действительности. Статистика давала пищу уму и одновременно отдохновение от бурных тревожных лет.

Как и большинство студенческой молодежи конца XIX века Евгений Дюбюк отдал свой долг революционным порывам. Около десятилетия длилась его активная подпольная деятельность. Но разогласия с товарищами по ряду принципиальных вопросов, желание найти себя на творческой стезе, дать простор своим жизненным силам, привело его к окончательному разрыву с партией и переезду в тихий провинциальный город Кострому.

Оставив жену с малолетними детьми в Саратове до тех пор, пока не благоустроится, Дюбюк явился к свое-

му давнему знакомому Николаю Ивановичу Воробьеву, осуществившему его переезд и давшему место работы в возглавляемом им оценочном отделении губернской земской управы. Воробьев же помог найти подходящую квартиру для семьи.

Местоположение квартиры, вернее домика, который снимал Дюбюк, было очень удобным. Дом стоял в начале улицы Никитской (№7) в глубине двора (за нынешней "Лакомкой", ныне не сохранился), стоило выйти на улицу, пройти сто пятьдесят метров и перейти дорогу, как перед ним вырастало каменное двухэтажное здание земства (сейчас лесомеханический колледж). Это было удобно: ведь в доме и малые дети и любящая жена - прекрасная хозяйка, значит - экономия в обедах. Семья Евгения Федоровича приехала в середине августа 1907 года, проведенные же в ее отсутствие полгода ушли на благоустройство, вживание в работу и знакомство с городом. В Костроме Дюбюк сразу попал под обаяние местных достопримечательностей. Вместе с Н.И.Воробьевым и его родными гуляли по городу, любовались архитектурными, историческими памятниками. Большое впечатление произвел на Евгения Федоровича Ипатьевский монастырь. Сразу после его посещения Дюбюк пишет жене: "Дорогая Клава! Вчера мы трио (я, Николай и его жинка) совершили экскурсию за город - за реку Костромку, в Ипатьевский монастырь и монастырские луга. Хо-

В этой робкой поступи
весны
Много прелести.
И таинством полны
Одинаково звезды, синие
хохлатки,
Шерстью все заросшие юные
ягнятки.

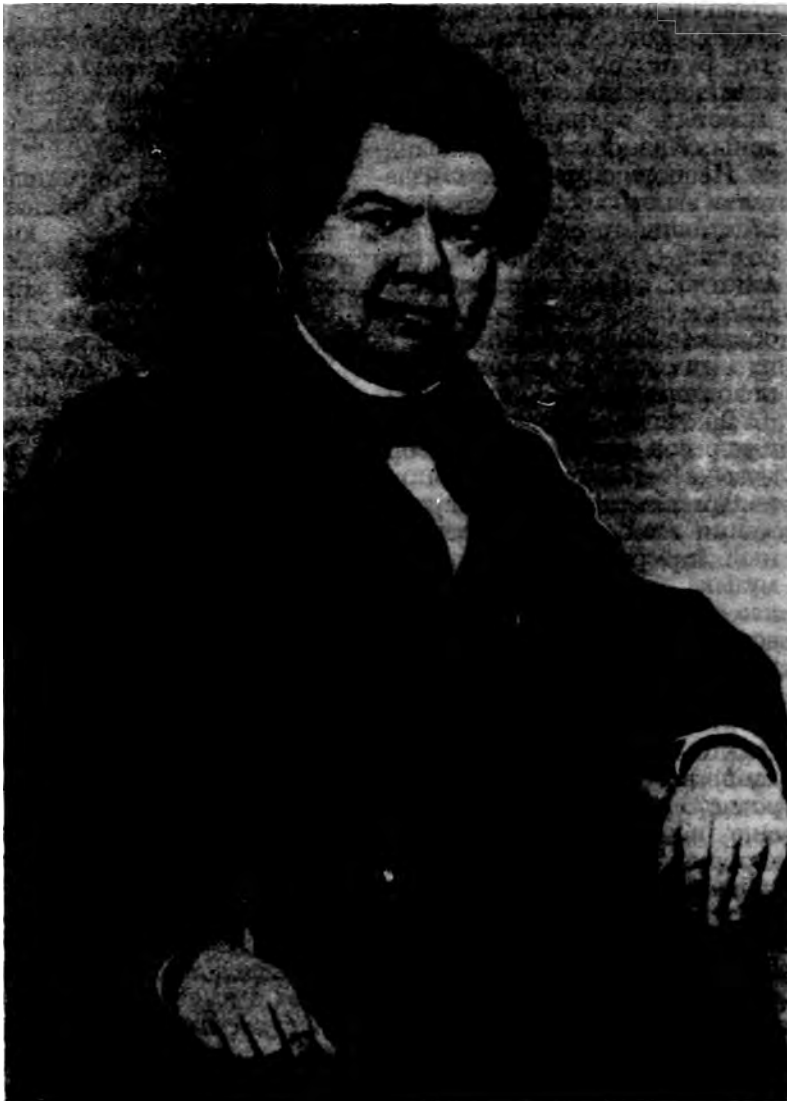
Все полно предчувствий,
предвкушений,
Все таит размах, расцвет,
И как в храме чрез дым
кадений
Льется всюду тихий, тихий
свет.

Завтра будет все иное,
Загорится небо краской

золотую,
Лес обрядится в бархат
цвета зелена,
Завтра - настоящая весна.

А сегодня - предвесенье,
По весне-красе томленья,
О весне-красе явленья
Девичье горячее моленье.

Как ни была важна для Дюбюка поэзия, главным для него всегда оставалось благополучие семьи. Его работа требовала командировок, частых, порой долгих. Евгений Федорович вел дневник, где изливал впечатления, тоску по дому, родным.

Александр Иванович Дюбюк

Дневниковая запись о возвращении из поездки на Ветлугу в 1909 году: "Началась бешеная пляска с присвистом, гоготаньем, подхватываньем коренника... Все ближе и ближе дорогие места... Вот и Никитская. - Застану ли всех здоровыми? Ведь целый месяц прошел. Наконец я дома. Наш двор. Ахютка срывается с цепи. Звонюсь. Ямщик несет вещи. Открывают. Клавочка радостно подхватывается. Петрусь проснулся и визжит. Вот так папка! Сказал через 10 дней придет, а приехал сегодня..."

Жизнь Дюбюков в Костроме протекала по определенному руслу. С полдесятого до четырех работал в бюро. Вечером всей семьей ходили в город гулять. Ни одной новой выставки, спектакля в театре не пропускали. Что касается вечерних занятий Евгения Федоровича, то они не ограничивались любезной его сердцу статистикой. Благодаря своему дружескому окружению, куда входили архивные и библиотечные работники, Дюбюк постепенно увлекся историко-гуманитарными науками, что нашло отражение в дневнике ученого: "Читаю я в последнее время довольно много и почти все в одном направлении - по истории. Эта область с каждым днем захватывает меня все сильнее и сильнее, и все жгуче желание умственного труда в этой области".

В 1912 году образовалось Костромское научное общество по изучению местного края. В работе которого не замедлил принять участие и Евгений Федорович. Он вошел в состав экономической и географической секций КНО и стал активно в них работать. Вскоре был выбран в члены правления, а в 1919 и 1920 г.г. был председателем общества.

Безмятежные, спокойные годы, насыщенные научными изысканиями, поэзией, своеобразным культом семейного очага сменяются напряжен-

ночью предреволюционных,
военных лет:

*Родина бедная, скорбью
повитая,
Кровью невинною всюду
залитая,
Дикою злобой до тла
разоренная,
Мрачным пожаром войны
озаренная,
Силы найдешь ли в себе
обновления?
Сбросишь ли ржавые цепи
терпения?
И на дорогу свободы
прекрасную
Станешь ли, сильная,
светлая, ясная?*

Тяготы войны, революционные потрясения почти совпали с огромной личной драмой Дюбюка. Из письма Евгения Федоровича матери. 1919 г.

“Милая дорогая мамочка! Клабочка, наша любимая Клабочка умерла. Случилось то, чего нельзя было и предполагать. Смерть обычное явление, но такая смерть - исключительная... Человек скорее созерцательного, чем делового склада, всегда далекий от житейских проблем, так успешно разрешавшихся энергичной Клавдией Петровной, Дюбюк вдруг оказался наедине с жизнью. Повседневные тяготы смутных лет гражданской войны, заботы о детях, о простом, элементарном физическом выживании семьи тяжким бременем легли на плечи Евгения Федоровича. Было от чего впасть в отчаяние. Наука, стихи, мечтания и грезы - все осталось там, в уюте и тишине предреволюционных лет.

*Палье листья, деревья
безлистые
Беломолочных туманов
кольцо...
Где вы, надежды и помыслы
чистые?
Милое с верой и скорбью
лицо?*

*Лес отряхнул свой убор
омертвелый*

*Смято и сгибло, что жило -
цвело...*

Работа Дюбюка в различных учебных заведениях Костромы в предреволюционные годы создала ему репутацию опытного педагога. Благодаря этому Евгений Федорович вместе со своим старым другом Н.И.Воробьевым 16 августа 1919 года вошел в состав коллектива профессоров и преподавателей гуманитарного факультета только что созданного Костромского университета. Этот университет был уникальным культурным явлением в истории нашего города.

В смутное время гражданской войны профессора московских и петроградских вузов решили продолжить свою работу в провинции. Они систематически приезжали в Кострому, причем для переездов столичным ученым выхлопотали особый “профессорский” вагон, а некоторые даже успели прочно осесть в городе на все время хозяйственной разрухи, так как питаться в костромском крае по воспоминанию академика Н.С.Дружинина, тогда еще молодого преподавателя Костромского университета, было гораздо легче, чем в столице.

Университет был размещен в здании Дворянского собрания. Для аудитории были отведены просторные высокие комнаты, в которых свободно располагались немногочисленные факультеты. Малочисленность аудитории резко контрастировала с уникальным составом преподавателей. Достаточно сказать, что только на гуманитарном факультете, где вел занятия Дюбюк, работали: известный пушкинист С.М.Бонди, философ Ф.Н.Покровский, будущий академик, историк Н.С.Дружинин.

Высокоинтеллектуальная атмосфера дружеских встреч и разговоров, учебных занятий способствовала росту Дюбюка, как человека и как ученого. Имеется достаточно оснований для утверждения: свое-

му научному взлету в 20-е годы, когда было издано большинство научных работ Дюбюка, он обязан именно творческой атмосфере Костромского университета.

Работа принесла Евгению Федоровичу большое моральное удовлетворение. Студенческая аудитория, охваченная жаждой знаний, стремившаяся к напряженной умственной работе, производила хорошее впечатление.

Годы работы в Костромском университете совпали с годами напряженного научного творчества. Можно только удивляться количеству статей, книг, лекций, учебных занятий, которые успел написать и провести Евгений Федорович. Так в первые месяцы учебных занятий им был подготовлен к печати “Очерк экономической истории костромского края”, опубликованы материалы к истории зверовой охоты в костромском крае. В издательстве Губстатбюро выходит его “Очерк лесного хозяйства в бывших казенных лесах Костромской губернии”. Одновременно Евгений Федорович занимается обработкой материалов по истории вотчинного хозяйства костромского края XVIII - перв.пол. XIX в. В свободное от занятий время он читает курс лекций на экономическом отделении Высшей народной школы.

Раскрывшийся в эти годы педагогический талант ученого, сознание своих сил и возможностей давали надежду на воплощение заветной мечты: открыть лесной факультет при университете. С начала 20-х годов Дюбюк хлопочет о создании факультета. Его идеи поддержаны, но столичные профессора отказываются работать в Костроме: старый знакомый Дюбюка В.П.Переход, взявшийся организовать работу будущего факультета, не пользуется авторитетом в научной среде. Факультет так и не открылся.

В начале 1922 года закрывается и Костромской

университет. Тем не менее Евгений Федорович не прерывает своей связи с педагогическим техникумом, который образован на базе бывшего университета. Он ведет там многочисленные занятия по истории, краеведению, политической экономии,

Евгений Федорович Дюбюк

статистике. Опыт работы, накопленный в стенах университета, оказывается очень полезным. Научно-преподавательская деятельность в вузе, неформальное общение в простой, дружеской обстановке ученых разных специальностей существенно расширили границы творческих возможностей Дюбюка. С 1919 по 1924 год Евгений Федорович возглавил работу по реорганизации архивного дела в Костромской губернии. В мае 1926 года научная деятельность Евгения Федоровича получила широкое признание. Русское географическое общество присудило Дюбюку золотую медаль "За совокупность научных трудов".

Происходят перемены и в служебной карьере. В 1925 году после отъезда друга юности Н.И.Воробьева,

Дюбюк занимает его место и становится заведующим Губстатбюро. За неполные два года, что Евгений Федорович пробыл в этой должности, он сумел сделать очень много для города и губернии в целом. Под его непосредственным руководством проводится перепись населения в губернии, он участвует в разработке проекта Костромского участка крупной железнодорожной магистрали Москва-Казань, проводит экономическую экспертизу железных дорог Костромской губернии с возможностью строительства моста через Волгу. Расчеты, выполненные Дюбюком, в середине двадцатых, легли в основу проектной документации для строительства моста в 1932 году.

Благодаря большой научной, административной, организаторской деятельности, которую ведет Евгений Федорович, его авторитет быстро растет не только в Костроме, но и в столице, Дюбюк становится заметной фигурой в общественно-политической жизни страны. Так он принимает участие в обсуждении территориального раздела Костромской губернии, отстаивая ее губернский статус. Из письма сыну: "Жаль, если уничтожат губернию, Кострома может быть и не Казань, и все же и в ней не мало хорошего, и ее стоило бы сохранить, как губернский центр".

Энергичные меры, предпринятые городской общественностью, в активизации ко-

торой Дюбюк сыграл немалую роль помогли Костроме сохранить статус губернского города. В делах и заботах закончился 1926 год - последний год жизни Дюбюка в Костроме. Определелись дети, разъехались по необъятной стране друзья. Все чаще Евгений Федорович вспоминает о неоднократных предложениях работать в Москве, которые ему делали в ЦСУ во время многочисленных приездов с отчетами по работе и с докладами на научно-практических конференциях.

Сначала Дюбюк и подумать не мог о том, чтобы оставить город, с которым связаны лучшие годы, в котором так много пережито и передумано... Но... жизнь берет свое. Чувствовался запас жизненных сил, Дюбюк знал, что может хорошо делать свое дело не только в масштабах губернии, но даже всей страны.

19 февраля 1927 года скромный флигель в глубине двора по улице Никитской, занесенный огромными сугробами снега, ярко блестел всеми окнами: сослуживцы, соседи, коллеги отмечали отъезд Евгения Федоровича. За столом было много речей и тостов. Николай Иванович Смирнов произнес шуточный тост, в котором была изрядная доля грусти: "И пусть все вместе пьют - один из хрустального бокала, другие из деревянной чашки, и пусть бьется одно сердце и под фланелевой курткой и под шелковой "рубахой" - намек на то выстраданное "светлое будущее", которое не может не наступить для Евгения Федоровича. "Ведь из всех моих современников - костромичей, - продолжит свою мысль Н.И.Смирнов в письме к краеведу Л.Н.Казаринову, - это самая крупная фигура... Подчеркиваю, Евгений Федорович костромич, отдавший Костроме девятнадцать лет, лучших лет своей творческой работы, принадлежал и принадлежит костромскому краю".

Ольга КУКОЛЕВСКАЯ

“СВЕТ ОТ СВЕТА”

Образы костромских святых в памятниках культуры и искусства XVIII - начала XX вв.

“Дивен бог во святых своих” - эти слова христианской мудрости, удивительно простые и неисчерпаемо глубокие, точно определили главное назначение уникальной выставки в Костромском государственном историко-архивном музее-заповеднике.

В течение последнего десятилетия ежегодно 5 февраля, в день поминовения прп.Геннадия Костромского и Любимоградского, в костромских храмах совершается празднование Собора Костромских святых, впервые установленного в апреле 1983 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена.

Более тридцати Угодников Божиих подвизались в монашеском подвиге на костромской земле или были связаны с ней местом рождения.

Последователи первых русских преподобных Феодосия и Антония Печерских, ученики игумена Сергия Радонежского, они принесли в костромской край строгое монашеское общежитие и утвердили здесь христианство. Их знали, любили, почитали, молили о заступничестве, получали исцеления у мест погребения святых. Восемнадцать монастырей, основанных ими на костромской земле, являлись центрами духовной культуры. Иконы с их образами, списки с житием и чудотворениями святых были широко распространены среди костромичей вплоть до начала 20-х годов нашего столетия. Но “сегодня мы должны как бы заново открыть для себя сок-

ровищницу великого духовного подвижничества - неизмеримое земными мерами достоиние, бесценное наследие, завещанное нам минувшими столетиями. Все, что необходимо для нашего очищения, преобразования и спасения, найдем мы в этой сокровищнице...”¹

Воспоминание - одна из задач выставки “Свет от света”. Многочисленные иконы, рукописные житийные списки, фотографии, гравюры и другие памятники культуры помогут восстановить в памяти костромичей страницы духовной жизни Собора Кост-

ромских святых. На выставке представлен список Костромских святых, который условно назван “Святцы костромские”. В нем 35 имен угодников Божиих, в разное время прославившихся и почитаемых на костромской земле. Этот список появился в результате исследования большого числа источников по истории костромского края и Костромской епархии. Он является наиболее полным из всех, опубликованных ранее.

В начале XVII столетия началось широкое почитание по всей Руси преподобного

Икона «Собор Костромских святых». XVIII в.

¹ Епископ Костромской и Галичский Александр. “Северной фиванды часть...” - “Глаголы жизни”, 1992, №16 с.19.

Макария Унженского и Желтоводского. Не случайно его фигура изображена в центре большой иконы «Собор Костромских святых» (XVIII в.). Начиная с Михаила Федоровича, царствующая династия Романовых считала его своим небесным заступником. В конце 1612 года инокиня Марфа с сыном Михаилом

они преподносят монастырю многочисленные дары. В их числе келейную икону Михаила Федоровича. Икона «Казанская Богоматерь» в киоте-складне была украшена драгоценным окладом с камнями и подвесной двусторонней пеленой с образом прп. Макария Унженского и Троицы ветхозаветной на обо-

является самым ранним известным в настоящее время памятником с изображением прп. Макария. Вероятно, в такой иконографии святой был изображен на чудотворной иконе, висевшей над ракой преподобного в Макарьевской церкви Унженского монастыря.² Великая инокиня, работая над пеленой, предназначавшейся для вклада в монастырь, могла повторить извод чудотворного образа.

Особо почитался прп. Макарий Унженский в солигаличских пределах. Многочисленные иконы святого украшали солигаличские храмы не случайно. В 1532 г. в граде Соли Галицкой произошло одно из чудес преподобного, описание которого сохранилось в одном из ранних рукописных житийных списков нач. XVII в.³ Солигаличский иконописец XVIII века чудо избавления прп. Макарием града Соли Галицкой от агарян изобразил на одноименной иконе.

Внимательному посетителю выставки представляется редкая возможность проследить развитие иконографии костромских святых в XVII - нач. XX вв. Особый интерес в этом направлении представляет иконография прп. Макария Унженского. Разрабатываемая в русской иконописи на протяжении трехсот лет, она в настоящее время является наиболее полной среди иконографий русских святых и насчитывает более двадцати изводов.

В разделе выставки, посвященном прп. Паисию Галицкому, представлен уникальный экспонат - митра преподобного Паисия. По преданию, бывавшему в Паисьевом монастыре, она принадлежала самому святому. На одной из фотографий митра показана стоящей на раке преподобного, где могли находиться только вещи Паисия. Этот факт может служить весомым подтверждением легенды. Однако она не бесспорна. Во-первых, митры подобной формы появились на Руси не раньше нач. XVIII

Пелена двусторонняя «Прп. Макарий Унженский. Троица ветхозаветная». 1-я пол. XVII в.

посетили обитель прп. Макария-Унженский монастырь. У гроба святого, заступника всех плененных, они молились за мужа и отца, митрополита Московского Филарета, томящегося в польском плену. Вскоре после воцарения Михаила на российском престоле, митрополит был освобожден и вернулся в Москву. В 1619 г. ин. Марфа и царь Михаил вновь совершают паломничество ко гробу прп. Макария. Благодаря святого за заступничество,

Около трехсот лет святыни хранились в ризнице Макарьевско-Унженского монастыря, а в 1912 году были перевезены в ризницу Ипатьевского монастыря.¹ В настоящее время эта духовно-историческая реликвия находится в экспозициях музея-заповедника. На выставке «Свет от света» представлена пелена. По сохранившемуся преданию пелену вышивала сама ин. Марфа. Уникальность пелены состоит и в том, что она

¹ Баженов И. Вклады царя Михаила Федоровича, сохранившиеся доныне в церквях и монастырях Костромской епархии. - Юбилейный сборник Костромского церковно-исторического общества... Кострома, 1913. С. 87-95.

² Судьба чудотворного образа прп. Макария в настоящее время неизвестна.

³ В настоящее время список хранится в Солигаличском краеведческом музее.

века, а в XV веке имели иную форму. Во-вторых, материал и технология изготовления данной митры так же позволяют отнести ее к более позднему времени конца XVIII - начала XIX вв. И тем не менее, следуя монастырской традиции, мы представляем митру как личный предмет, принадлежавший прп. Паисию Галичскому.

Включая в экспозицию выставки "Свет от света" памятники культуры и искусства разных эпох, стилей, художественных достоинств и духовной значимости, мы стремились показать широту почитания Костромских святых на протяжении многих столетий. Являясь воплощением народной памяти, многие произведения, ставшие уникальными в конце XX века, могут способствовать возрождению утраченных традиций в духовной жизни костромского края.

МОНАСТЫРИ, ОСНОВАННЫЕ КОСТРОМСКИМИ СВЯТЫМИ НА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛЕ

Прп. Авраамий Чухломский

1. Новозаозерский Авраамиев монастырь. Основан в пер.пол. XIV в. Упразднен в 1764 г.

2. Великая Авраамиева пустынь. Основана во вт.пол. XIV в. Упразднена в 1764 г.

3. Верхняя пустынь. Основана во вт.пол. XIV в. Упразднена в 1764 г.

4. Авраамиев Городецкий монастырь. Основан во вт.пол. XIV в. Упразднен в 1920-е гг. Возобновлен в 1991 г.

Прп. Пахомий Нерехтский

5. Троицкий Сыпанов монастырь. Основан в третьей четверти XIV в. Упразднен в 1764 г. Возобновлен в 1993 г.

Прп. Макарий Письменский

6. Макариева пустынь. Основана в пер.пол. XV в. Упразднена в 1721 г.

Прп. Иаков Железоборовский

7. Предтеченский Железоборовский монастырь. Основан в 1392 г. Упразднен в 1920-е гг.

Прп. Макарий Унженский

8. Богоявленский монастырь на р.Лух. Основан во вт.пол. XIV в.

9. Макариев-Решемский монастырь. Основан в кон. XIV в. Дата упразднения неизвестна.

10. Макариев-Унженский монастырь. Основан в 1439 г. Упразднен в 1920-е гг. Возобновлен в 1993 г.

Прп. Варнава Ветлужский

11. Варнавина пустынь. Основана в 1417 г. Упразднена в 1764 г.

Прп. Паисий Галичский.

12. Галичский Успенский Паисиев монастырь. Основан

не позднее конца XIV в. Упразднен в 1920-е гг.

Прп. Никита

13. Богоявленский монастырь в г.Костроме. Основан в пер.пол. XV в. Упразднен в 1918 г. Возобновлен в 1991 г.

Прп. Тихон Луховский

14. Николаевский Луховский монастырь. Основан около 1450 г. Дата упразднения неизвестна.

Прп. Геннадий Костромской и Любимоградский

15. Спасо-Геннадиев монастырь. Основан в 1529 г. Упразднен после 1918 г.

Прп. Адриан, Ферапонт и Феодосий Монзенские

16. Благовещенский монастырь на р.Монзе. Основан в кон. XVI в. Упразднен в 1764 г.

Прп. Александр Вочский.

17. Преображенский Александров монастырь на р.Воче. Дата основания неизвестна.

Прп. Иаков Галичский

18. Николаевский Староторжский монастырь в г.Галиче. Основан в середине XV в.

ИМЕЕМ СООБЩИТЬ

В 1994 г. Русская Православная Церковь отмечает:

250 лет учреждения Костромской епархии (1744 г.);

425 лет обретения мощей преподобного Тихона Луховского Костромского (26. VI. 1569 г.);

550 лет представления преподобного Макария Желтоводского, Унженского (25. VII. 1444 г.).

Митра из Галичского Паисиева монастыря. Конец XVIII - начало XIX вв.

СВЯТЦЫ КОСТРОМСКИЕ

День поминовения (по новому стилю)

Сентябрь

Прп. Никита (+ вт.пол. XV в.) 15

Прп. Григорий Пельшемский (+ 1441 г.) 30

Октябрь

Прп. Авраамий Ростовский (+ 1010) 29

Ноябрь

Блж. Симон Юрьевецкий (+ 1584 г.) 4

Свят. Митрофан Воронежский (1623-1703 гг.) 23

Декабрь

Прп. Ферапонт Монзенский (+ 1591 г.) 12

Январь

Прп. Макарий Письменский (+ нач. XV в.) 10

Прп. Геннадий Костромской и Любимоградский (+ 1565 г.) 23

Февраль

Прп. Кирилл Новоозерский (+ 1532 г.) 4

Март

Прп. Пахомий Нерехтский (+ 1384 г.) 23

Свят. Иона, митрп. Московский (+ 1461 г.) 31

Апрель

Свят. Игнатий Брянчанинов (1807-1867 гг.) 30

Май

Прп. Иаков Железнодорожский (+ 1442 г.) 5

Прп. Адриан Монзенский (+ 1619 г.) 5

Прп. Паисий Галичский (+ 1460 г.) 23

Июнь

Прп. Варнава Ветлужский (+ 1445 г.) 11

Прп. Тихон Луховский (+ 1503 г.) 16

Июль

Прп. Авраамий Чухломский, (Галичский, Городецкий) (+ 1375 г.) 20

Прп. Макарий Унженский и Желтоводский (+ 1444 г.) 25

СВЯТЫЕ, ДНИ ПОМИНОВАНИЯ КОТОРЫХ НЕ УСТАНОВЛЕННЫ

Прп. Феодосий Монзенский (+ п.п. XVII в.)

Прп. Иаков Галичский (+ п.п. XV в.)

Прп. Александр Вочский
Вмчн. Савва (+ 1816 г.)

Монахиня Евпраксия (1746-1823 гг.)

Прп. Иаков Брыльский (+ вт.п. XV в.)

Прп. Стефан Костромской (+ 1542 г.)

Прп. Тит Пустынник

Прп. Нил Столбенский (1492-1555 гг.)

Прп. Анфим Сарский
Вмчн. Вениамин

Илларион Лухский
4 брата, подвизавшиеся в Солигаличском Воскресенском монастыре.

Лариса ВАВИЛОВА

КОСТРОМА В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

Древний город - синтетическое явление культурной, духовной жизни народа. Недаром в старину на Руси говорили: "Что город, то норов", имея в виду неповторимость характера, а также и своеобразие городского пейзажа. Кострома представляет особый историко-художественный интерес среди городов Верхнего Поволжья. Она привлекала своеобразием не только старожилов, но и художников, причем с мировым именем. Костроме посвящено свыше 300 произведений живописи, графики, произведений декоративно-прикладного искусства. Кроме экспонатов из фондов Костромского художественного музея у нас выставлялись произведения Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского, Исторического и других музеев, а также работы из частных коллекций в Москве, Костроме.

О характере ранних изображений Костромы дают представление дробницы XVIII-го века с оклада Чудотворной иконы Федоровской Богоматери. Они знаменуют первое проявление интереса к воспроизведению конкретного образа города. На одной из дробниц изображена Соборная церковь Федора Стратилата, не сохранившаяся до наших дней.

В первой половине XIX века появляются гравюры и акварели с видами городов и местностей. Для всей культуры первой половины XIX века сыграл большую роль период Отечественной войны 1812 года. Возросший интерес к русскому, к познанию своей страны находит прямое выражение в массовом развитии видовой литографии. Частыми становятся поездки художников по России для зарисовки местностей и городов. П.П.Свинын в 1818 году

Неизвестный художник. «Вид Костромского кафедрального Успенского собора с юго-западной стороны». 1855 г.

совершает путешествие по старинным городам России, в том числе и в Кострому. Примерно в это же время созданы виды Костромы Е.М.Корнеевым.

На Руси издавна ценились иконописные панорамы, дававшие обобщенный вид города и его окрестностей. Среди графических работ такого рода уникальна «Панорама Костромы» (не ранее 1854 г.) Таратосва (Гос.музей-заповедник А.Н.Остроьского в Щельково), дающая представление о количестве церквей и колоколен, пожарной каланче, памятнике Ивану Сусанину работы Демут-Малиновского. Привлекают внимание графические листы Григория Чернецова, выполненные во время путешествия по Волге в 1838-1839 г.г. вместе с братом Никоном. Почти через четверть века, в 1862 году Никонор Чернецов вернулся к костромской теме, создав большую картину маслом «Город Кострома». 1862 г. (Харьковский художественный музей).

Облик города был особенно поразителен на террасированном склоне Волги. Город состоит как бы из двух террас, образованных вертикалями церквей. Первая терраса на самом берегу Волги включала Успенскую церковь, церкви Вознесения, Николы Мокрого и Стефана Сурожского. Вторая терраса была окаймлена вертикалями храмов Михаила Архангела, Успенского соборного комплекса, Иоанна Богослова, Бориса и Глеба, Всесвятской, Воскресения на Дебре, колокольной Знаменской церкви. Частично это нашло отображение в картине Н.Чернецова. В какой-то мере на этом крупноформатном пейзаже сказывается влияние романтизма. Город, увиденный глазами жителей (они изображены на первом плане), предстает как сияющий вдоль берега реки мираж. Светлые башни церквей и колоколен под высоким куполом неба с пышными

Г. Шмидт. «Успенский собор в Костроме». 1900-е годы.

облаками выглядят прекрасным созданием природы.

Серию рисунков и акварелей создал во время путешествия по Волге известный маринист А.П.Боголюбов в 1861-1870 годы (Государственный Русский музей). На листах, посвященных костромским архитектурным памятникам, видна свойственная этому художнику документальность и четкость в проработке рисунка.

Исключительно интересны листы из альбомов А.Дюрана и А.Кореонова (Государственный исторический музей). Художник А.Кореонов - автор акварелей с видами городов Костромской губернии в 1850-е годы.

В Костроме в 80-90-е годы прошлого века бывали Е.Д.Поленова, Н.Н.Гриценко, В.Плотников и другие художники. Е.Д.Поленова была дружна с костромичкой П.Д.Антиповой, у которой не раз гостила. На небольшом этюде изображена часть улицы Покровской (ныне улица Энгельса). Н.Н.Гриценко был женат на дочери П.М.Третьякова, совладельца Большой Костромской льняной мануфактуры. Очевидно, поэтому его привлек фабричный район Костромы с его развивающейся промышленной застройкой.

А. Бенуа. «Кострома». 1898 г.

кой, со скученностью и задымленностью. "Вид фабричного района Костромы" (Костромской Государственный историко-архитектурный музей-заповедник). Он же автор и очень поэтичных акварелей "Вид Костромы" и "Вид Ипатьевского монастыря" (Государственный Русский музей, Государственная Третьяковская галерея).

На рубеже веков увидел Кострому известный акварелист Альберт Бенуа, посвятивший нашему городу прелестную работу "Кострома. 24 мая 1898 года" (Костромской художественный музей). На ней изображена праздничная пестрая толпа на спуске от Успенского собора к Волге.

В русском искусстве начала XX века тема города была одной из основных. Любимейшим мотивом многих художников (Б.М.Кустодиева, Г.К.Лукомского, М.Добужинского и др.) становятся памятники древнего зодчества в старинных русских городах, в том числе и Костроме.

Обращаясь к изображению древней архитектуры, художники в конкретном отыскивают вечное. В картине Г.Г.Шмидта "Успенский собор в Костроме", 1900-е годы, (Государственный исторический музей), радость бытия заключена в чистоте цвета, передающего сияние солнца, блеск зелени, трепетность воздуха. В этой картине есть особая торжественность, которую создает величественный ансамбль Успенского собора.

Старинная архитектура чаще всего выступает в неразрывной связи с современной народной жизнью. Излюбленные городские сюжеты - базары, ярмарки, пристани, заполненные толпой, хорошо прослеживаются на картине Р.Р.Фалька "Базар в Костроме", 1909 г. (Чувашский художественный музей). Содержание картины сближает его с произведениями Б.М.Кустодиева, соединяющими в себе любование и иронию. В "Базаре" пейзаж получился очень характерный. Перед нами, действительно, русский провинциальный город с конкретной улицей, торговыми рядами, домами, сидящими торговками на первом плане. Но это провинция не кустодиевская, а фальковская, увиденная глазом сдержанного, строгого художника. Костроме Фальк посвятил, помимо "Базара", еще "Лавку с красным товаром".

Образ Костромы в картине П.И.Петровичева "Сусанинская площадь в Костроме. Ярмарка в провинции", 1914 г. (собственность семьи художника), соединяет в себе импрессионистическую непосредственность восприятия природы с обдуманной построенностью и картинностью.

Художники 20-30-х годов, такие, как Н.П.Шлеин, А.А.Шепелев, М.И.Шопырев, а также Б.Н.Царнах, А.А.Лихачев, Н.А.Соболев и другие стремятся увековечить в своем творчестве то, что осталось от дореволюционной Костромы - торговые ряды, Ипатьевский монастырь, а также пристани, тихие уголки и дворики.

Художники В.Ф.Стожаров, Г.В.Храпак, М.С.Колесов, И.И.Дубов, А.В.Саврасов,

Р. Фальк. «Базар в Костроме». 1909 г.

А.П.Шубин, А.И.Рябиков в 40-60-е годы стараются наряду с памятниками старины не обойти вниманием приметы нового времени, так заметно ощутимые со второй половины 1950-х и особенно в 1960-х годах. В современном искусстве Кострома осознается как древний русский город с "лица необщим выраженьем" в творчестве таких художников, как Г.Г.Егошин, А.П.Белых, С.С.Румянцев, В.А.Кутилин, А.Г.Забаргин.

Пейзажи ленинградского художника Я.И.Крестовского из серии "Кострома" - с явным романтическим уклоном. Подчиняясь декоративному назначению серии (для холла гостиницы "Волга"), художник при работе над ней выдержал единый формат холстов.

Костромские художники В.И.Рассыпнов, А.Н.Абдалкин, А.П.Мухин, А.И.Еремин фиксируют гибнущие памятники как каменной, так и неповторимой деревянной архитектуры. Множество интересных решений находит тема Костромы в искусстве последних лет. Можно сказать, что тема города избирается молодыми талантливыми художниками Е.Комаровой, Н.Булдаковой, М.Салмовым для выражения углубленной духовной жизни. Из произведений декоративно-прикладного искусства - прекрасны гобелены современных художников Е.В.Радченко и его ученицы Е.В.Семеновы. А также посуда начала XX в., выполненная на заводе братьев Кузнецовых в Дулеве к 300-летию дома Романовых, с видами Костромы - Троицкого собора и памятника Ивану Сусанину, преимущественно в виде картинок деколи.

Замечательно, что Кострома вдохновляла и продолжает вдохновлять многих наших мастеров, запечатляющих в своих работах облик древнего волжского города.

Татьяна ИНОЗЕМЦЕВА

«ВЕРНЕТСЯ СОЛНЦЕ ПО ВЕСНЕ...»

Листве, опавшей под снежком,
Совсем не холодно.
Гуляю по снегу пешком -
Мой прииск. Золото!

С листвою тоску похороню -
Не оживет она.
А если что и сохранию -
Смолчу. Заметено!

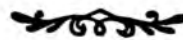
Покой зимы не для двоих.
Кто здесь обманется?
Пусть тайна приисков моих
Моей останется.

Казалось - не переживу.
Конец. Могила.
Лег снег на нежную траву,
И все убил он.

Казалось - не переболеть,
Так трудно было.
Мир обесцветился, но смерть
Не наступила.

Мой век безрадостен и сер
Среди бездушных.
Зима долга сверх всяких мер.
Скушно!

Узор морозный на окне...
О, я-то знаю! -
Вернется солнце по весне -
Я не растаю.

Предзимье. Предыстория. Пора
Прощаний и предчувствия потери.
Все меньше мы и безнадежней верим
Во что не слишком верилось вчера.

Еще не снег - уже не листопад.
Еще не одиночество, но все же
У осени такой прощальный взгляд -
Мороз по коже.

Бабья участь. Злые судьбы.
Деревенский проклят рай.
День дожить бы, стиснув зубы -
Не замай!

И слова, и руки грубы,
Чуть жива - из под ружья...
Всем не милы и не любы
Алкоголики-мужья.

Через силу жизнь дается,
И надсажена душа.
Не поется, не смеется -
Ша!

Что ни день - все счастье мимо.
Страшно! Впору волком выть.
Но потребность быть любимой
Больше, чем потребность жить.

*О как самозабвенно люди ропщут,
Что у природы, не спросясь, берем,
Что ничего взамен не отдаем,
Но мимо лесовоз провозит рошу -
И мы ее в упор не узнаем!*

*Всему свой срок. Зализываю раны.
За что волчицей лютою дралась?
Причинно-следственная вдруг распалась связь,
И стало поздно то, что было рано.*

*Чего я в этом дне не понимаю?
И в искренности для чего божусь?
Я внутреннее зренье напрягаю,
Потерянному смыслу помогаю,
Не добытою истиной горжусь...*

Для новых битв, однако, не гожусь.

*Мне писать этих писем не надо. Прости,
Что иллюзии глупые строю,
Одичалую душу пытаюсь спасти
Неотправленную тоскою.*

*Не найдут адресата ни ночью, ни днем
Те слова, что сказать не трушу.
И пишу, и сжигаю письмо за письмом -
Так сжигают душу.*

*Мы с тобою - два крыла.
Без меня и ты - подранок.
Мимо нас судьба прошла
Опьяняющим обманом.*

*Отмечталось. Отошло.
Вышло - проза и работа.
Одинокое крыло
Не годится для полета.*

*Как безнадежная тайна лесная
Яблоней дикой росла.
Опьянена твоим взглядом случайным,
Сердцем тебя позвала.*

*Не подошел, не вкусил. Я же знаю -
Думал, что душу сведет.
Дикая яблоня, дикая яблоня,
Горек твой мед!*

*Я от любви своей слаще не стану,
Из лесу вслед не сбегу,
Только цвести навсегда перестану -
Просто уже не смогу.*

*Утру и пот, и слезы -
Все! Больше не могу...
Но глядь - стоят березы
В ромашковом лугу.*

*И синева над полем,
И тишь из края в край.
Ну чем тебе не доля?
Еще тебе не рай!*

*Святое украшеньё,
Взгляни и не греши,
Простое утешенье -
Отрада для души.*

*Вздохну - откуда силы,
И снова в жизнь, как в бой.
Я часть твоя, Россия,
С подранковой судьбой.*

*И ни к чему вопросы,
Я век у вас в долгу -
Российские березы
В ромашковом лугу.*

Виктор ЛАПШИН

«ЗАБВЕНИЕ ПРОЗНЕИ, ЧЕМ СМУТА»

Я

*Живу... Но сам ли я живу?
Собой ли мысли назову:
Они мне не покорны,
Туманны или вздорны.*

*Самим собой ли я рожден:
Лишь ласки да соитья стон -
Мои, быть может, но не
Свет в материнском лоне.*

*И я ль дрожу за плоть свою,
Ее и холю, и таю
От гибели и хвори:
Я с ней всегда в раздоре.*

*Так неужели я - не я,
Хоть бедная душа - моя...
Добро, но я-то кто же?
О милосердный Боже!*

ВЫСОТА

*Я тоже стою над обрывом
И в даль вековую гляжу,
Где вихрь по лугам и по нивам
Змеит за межою между.*

*И травы кипят, и колосья.
И стая воронья - взлет.*

*Угрюмая мука предгрозя
Мне вольно дышать не дает.*

*Уж лучше бы кинуться с кручи, -
Не думать, не знать ничего,
Чем видеть стремительной тучи
Неистовство и торжество!..*

*Но слово срывается жгуче:
"А ну - кто кого!"*

КРУЧИНА

*- Ну что ты возомнил?
С чего ты взбеленился?
- Я мать похоронил...
Сын у меня родился...*

*- Кручиниться тебе ль?
Твои мы знаем силы!
- Гляжу на колыбель -
Как будто из могилы.*

*Отрады нет ни дня:
Туманным детским взором
Мать смотрит на меня
С мольбою и укором...*

ТРЕВОГА

*Куда теперь идти? Загадан, да не торен -
Не освящен былым подвижничеством путь;
Указан - не сужден, широк, а не просторен, -
Он гожд лишь для того, кто алчен*

и проворен...

*Мне будет недосуг под кустиком вздремнуть,
Мне будет недосуг без истовой тревоги,
Из прихоти свернуть с властительной дороги,
Чтобы на бережке под мирный говор струй
Подумать о себе, о звездах и о Боге:
Окрикнет и вернет деляга-рукосуй...*

*Не даст мне он, подлец, заночевать в деревне,
Что мглой еще славна и тишиною древней,
Где до сих пор еще кого-нибудь да ждут,
И где заморский чай про гостя берегут
Или душистые живительные травки...*

*Не шутка посидеть до полночи на лавке,
С хозяином о том, о сем потолковать:
Мол, много толку в нас, но некуда девать;
Мол, если печься мы горазды лишь о брюхе, -
Беды не избежать, не миновать разрухи;
Мол, не мешало бы нам кой-кого турнуть;
Мол, что и говорить - распахнут вольно*

путь;

*К былому ужасу и дреме нет возврата;
Прав разум, но душа пред ним не виновата;
И что затеять нам, чтоб никогда в пути
Не вопрошал никто: "Куда теперь идти?"*

ДРЕМА

Ты ночи хочешь иль покоя?
Не знаю, что это такое,
Но вроде тихо и темно.
Авось задремлешь без помехи,
Долой обиды и утехи,
Прочь все, что свято и грешно.

Не спи, не спи! Во мгле немотной
Исчезнет путь бесповоротный,
Неведом и неуследим,
И край покажется родимый
Чужим, и, забытjem водимый,
Расстанешься навеки с ним.

Забвение грозней, чем Смута!
Беги из сонного закута
И стань собою, разогнись!
С чем будешь: с харей или с ликом?
... Чу, без боязни "Гоп со смыком"
Поет какой-то организм...

ГАЛИЧСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

СВАДЕБНАЯ

Вьюн на воде, вьюн на воде возвивается,
Николай у ворот убивается, убивается,
Просит свое, просит суженое,
Просит ряженое, посуленное, сговореное.
Ему вывели, ему вывели
Коня в седле, коня в седле.
- Это не мое, это не мое,
Это подвода ее.

Вьюн на воле, вьюн на воде возвивается,
Николай у ворот убивается, убивается,
Просит свое, просит суженое,
Просит ряженое, посуленное, сговореное.
Ему вынесли, ему вынесли
Коробья живота, коробья живота.
- Это не мое, это не мое,
Это сдары ее, это сдары ее.

Вьюн на воде, вьюн на воде возвивается,
Николай у ворот убивается, убивается,
Просит свое, просит суженое,
Просит ряженое, посуленное, сговореное.
Ему вывели, ему вывели Анну-душу.
- Это мое, это мое, это суженое,
Это ряженое, посуленное, сговореное!

СОЛДАТСКАЯ

Кто бы, кто бы нам, ребяташки,
Компанию взвеселил?
Эй-эй, любо да люли,
Нам компанию взвеселил!
Взвеселил бы нам компанию
Разудалый молодец.
Эй-эй, любо да люли,
Разудалый молодец!

Разудалый парень бравый,
Шестьдесят четвертый год.
Эй-эй, любо да люли,
Шестьдесят четвертый год!
Шестьдесят четвертый год,
Он назначен был в поход,
Эй-эй, любо да люли,
Он назначен был в поход!
Во поход, во поход,
Во турецкую войну.
Эй-эй, любо да люли,
Во турецкую войну!
Во турецкую войну,
Ко злодею королю.
Эй-эй, любо да люли,
Ко злодею королю!
У злодея короля
Чужая воля, не своя.
Эй-эй, любо да люли,
Чужая воля, не своя!
Чужая воля, не своя,
Англичанкина была.
Эй-эй, любо да люли,
Англичанкина была!

ПЛЯСОВАЯ

Ванька не был, Ванька был, был, был!
Когда я была молоденькая,
А теперя я состарелася,
Никому я не пондравилася!
Я посею маку, маку, маку
Через речку, реку, реку, реку.
Как на речке, на мельнице
Выйди, сударь, выйди, барыня моя!
Наша барыня телегу продала,
На телегу балалайку завела.
Балалаечка наигрывает,
Красна девица наплясывает.
Поросеночек яичко снес,
На печи мужик ребеночка принес.
Он принес, так и водится,
Согрешил, так Богу молится.

Записано Виктором Лапшиным
у Аяны Михайловны Большаковой
в д. Сальково Галичского района в 1972 году.

Евгений РАЗУМОВ

« И ЖИЗНЬ ПРОИДЕТ
ВО ИМЯ ЭТИХ СТРОК... »

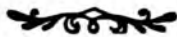

По воздуху губернии паря
на крыльях лошадиных, узнаю
родные палестины октября,
где снегопад засыпал тень твою.

Еще наступит оттепель не раз
под этими деревьями - увы:
оттаявшие тени - не для глаз, -
для головокруженья головы.

Неразлично ты минуешь сквер,
над коим, пролетая, буду я
молиться, и уедешь, например,
в Лапландию, в чухонские края.

И ляжет снег в определенный срок,
засыпав все, забвение суля.
И жизнь пройдет - во имя этих строк, -
холодная, как зимняя земля.

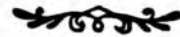
Проснутся детские глаза,
от сигареты заслезятся,
и дом проступит твой из-за
муниципального палаццо.

Над домом - голубятни две,
шпиль оцинкованный светелки
и чьи-то души в синеве,
смирненные, как богомолки.

И дяди Лешина душа,
должно быть, после "Солнцедара",
летает, мысленно кроша
огурчик возле стеклотары.

Портрет Хрущева в "Огоньке".
Стакан граненый на портрете.
Наколка "Нина" на руке.
Копилка-кошка на буфете.

Поет Лоретти Робертин-
о в радиоле "Серенада".
И синих трусиков сатин
трусит в эдем крапивой ада.

Питер Брейгель висит на стене.
Лед в шестнадцатом веке прозрачен.
За окном машет варезской мне
алконавт дядя Паша Темпачин.

Мимо льда прудяного везут
сено на нидерландской телеге.
Дядя Паша бывает разут,
все от альфы пропив до омеги.

Но сегодня он - кум королю.
Кабана закоптили в тракторе.
Машет варезской. Вдега в петлю
лисья тушка. Пудовая гиря

дядю Пашу уже не гнетет -
"вота пенсия... тута, в кармане..."
Зря спешит. В магазине учет.
На коньках тут и там - поселяне.

От заснеженных скал холодок
вдоль спины. Дядей Пашею пропит
на Россию взирающий Бог.
А замерзшие ноги торопят.

Скинуть обувь и зля глотнуть.
Смазать пику, чтоб не заржавела.
Дядей Пашею избранный путь
вдаль уводит тщедушное тело.

Ну и что... Мне бы зля глоток...
Да чумы чтобы не было боле.
А над дядею Пашею - Бог.
Во своей поднебесной юдоли.

Мальчик сидит на веранде с гербарием
либо с коллекцией бабочек пойманных,
экспроприруемых пролетарием
лет через десять при троцких и гольдманах.

Гольфы и шорты и галстук по-аглички,
кресло плетеное, муха жужжащая.
Снимет фотограф в Когдатобывалецке
мальчику это его настоящее.

В будущем времени, глядя из Кембриджа,
в мальчике прошлом утопит сознание
некто Эн Эн, упорхнувши колибрише
от немоты своего осязания.

В памяти вынырнув где-то под Вырою,
кресло очистив от пыли и копоти,
мальчик сквозь пальцы, натертые лирою,
время увидит, что прежде могло быть и...

и не свершилось в российском периметре,
и не досталось ему вместе с бабочкой,
чья адмиральская лента повытерта -
пусть не копытом, - кухаркиной тапочкой.

В раме тусклого багета -
нидерландская зима,
где канал, где люди, где-то
чуть поодаль - их дома.

И дымок над черепицей
постоялого двора
пахнет прелой чечевицей
и копченостью ребра.

Кто-то загнutoю туплей
пробует скользить по льду,
кто-то ловит в лунке круглой
рыбин постных на еду.

И уходит перспектива
вдоль кирпичных башен вглубь
Нидерландов - до залива...
Понапрасну бровь не сунь -

не увидишь. У Европы
на часах не твой ли век?..
Занесло ж тебя в сугробы
азий, божий человек!..

Опустите четыре копейки в нутро
алебастровой кошки, сидящей у ног, -
и, шлагбаум подняв, костромское метро
вас поглотит, как я поглощаю пирог.

Эскалатор взревет, повинувшись руке
тракториста Бугрова, дежурного по
этой станции "Центр". Совершите пике
в костромского метро костромское депо.

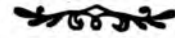
Будет Бекишев жечь в семафоре фитиль,
а потом - керосин заливать в паровоз,
чтобы шел паровоз под рекою Итиль
и людей на Паново с Пантусовым вез.

Машиниста Кусочкина китель надев,
машинистом Кусочкиным так и не став,
станет дворник Кусочкин, охочий до дев,
вывозить паровоз - за составом состав.

Помашите Бугрову огуей рукой,
плотник Бекишев тож вам ответит
в ответ.

И десница его вам махнет за рекой,
под рекой ли Итиль или из-за комет.

...Так и служим по мере потенции сил
при железной дороге родных катакомб.
А иначе бы кто до Панова возил
ваших дам, господа, каб не мы вчетвером б?..

Картошку окучишь и тлю соберешь,
и вымоешь руки в лохани железной,
и в город вернешься, что тем и хорош,
что в нем не растет этот овощ полезный.

А значит, останется часика два
на Музу фригидную с ревностью адской,
когда сквозь пары карбофоса слова
к тебе прилетают, как жук колорадский.

И это потом назовется судьбой,
и будешь ты дрыхнуть под мраморной
крошкой
за городом где-то, где кто-то другой
корпееет сегодня над личной картошкой.

Он будет с лопатой не раз проходить,
читая фамилию, - вот она - слава! -
козелинский Гамлет, и будет родить
картошку не датская эта держава.

А. Кобякова

Последняя Казнь

Роман

Печатается в сокращении

Часть вторая и последняя

Накануне Васильева дня, Лузиха была у Барышниковых и просидела до позднего вечера; Дарья Алексеевна пригласила ее отужинать. За ужином Никитишна шутила: что, дескать, завтра Васильев день, а сегодешней ночью девицы загадывают о суженом, ряженном, мостят мостик, едят пересол, глядятся в зеркало, полют снег и проч. Девушки значительно переглянулись; хитрая Никитишна подметила этот взгляд. Когда убрали со стола, Дарья Алексеевна сказала госте:

- Эх, Наталья Никитишна! Охота тебе теперь домой тащиться, ведь сама говоришь, что племянница у тебя ночует, ну, и ночуй здесь; глянь-ка, на улице слякоть какая, дождь идет, такие лужи развело, вот те и Васильевской мороз!

- Спасибо, Дарья Алексеевна; я и сама подумываю, что без фонаря сегодня опасно идти, - как раз леща скушаешь, уж разве милость ваша будет, Потала пошлите меня грешную проводить, - отвечала Лузиха.

- Чем провожать, так лучше у нас ночуй, коли можно, дружок!

- Можно-то можно, у меня не малые ребята дома плачут. Груня подождет, да и спать ляжет; я сказала, куда пошла.

- Ну, так и толковать нечего, молись Спасу, да и ложись спать, - проговорила Дарья Алексеевна, выходя из избы.

Иван Ильич также пошел в свою заднюю горницу, Настя тоже ушла в светлицу, только Дуняша что-то пересеменивала, как будто всех выжидая. Лузиха, помолясь Богу, забралась на полати и тихонько смотрела оттуда, как Дуня взяла скатерть, отрезала два ломтя хлеба, взяла две ложки, солонку с солью и все это, завернув в скатерть, спрятала под накинутую на плечи шубейку и вышла вон.

- Девицы сегодня загадывать хотят; суженого ужинать звать; да где ж они соберут на стол, где? Либо в бане, либо в старой избе, где нет образа, - думала Никитишна по уходе Дуни.

Вскоре возвратилась Дарья Алексеевна и улеглась на свою постель, против печки, и через полчаса весь дом погрузился в крепкий сон. Однако Лузиха не

Часть первая - «ГД» № 2, 1993 г.

Сохраняется орфография оригинала.

спала; любопытство ее мучило: где будут загадывать девицы? Вот так бы пошел и нагугал их. Через несколько времени она услышала, что кто-то осторожно сошел из светлицы и дверь на крыльцо скрипнула, потом все стихло.

- Ох, как страшно, няня! Я вот так и дрожу со страху, - говорила Настя, переступая порог старой избы и обратясь к шедшей позади её Фетинье.

- Чего бояться, голубка моя; ведь я с тобою, ты не одна, мое золото! - отвечала Фетинья, тщательно запирая дверь изнутри и ставя на лавку фонарь, который она принесла, прикрывши полою. Фонарь осветил внутренность старой избы, массивную растрескавшуюся печь и старый стол, накрытый скатертью, где лежали два ломтика хлеба и две ложки и стояли солонка и пустой подсвечник. Фетинья вынула из фонаря огарок, вставила его в подсвечник и, придвинув к столу маленькую скамейку, сказала:

- Ну, садись, мое дитяtko; да где ж зеркало? Разве ты его не принесла?

- Вот оно здесь, няня, - дрожащею рукою положив на стол маленькое зеркало, сказала Настя. Фетинья отыскала на шестке разбитый горшок, опрокинула его на стол и приставила к нему зеркало.

- Ну теперь совсем, Настенька; садись мое золото. - Настя с трепетом опустилась на скамейку.

- Крестик-та, крест сними, в кресте ничего не увидишь; да я тебя очерчу.

- Ах нет, няня, я не сниму креста, мне страшно без него.

- Надобно снять голубка моя, да в черевичек под пятку положить.

- Как! Крест под пятку положить? Что ты, няня, в уме ли ты, что говоришь? - отвечала девушка с ужасом: ни за что такого греха не хочу делать.

- Настенька, да ведь все так делают.

- Что же прежде ты мне этого не сказала? Лучше не буду гадать, - вставая, решительно сказала Настя.

- Полно, моя ластушка; ну, как хочешь! По крайней мере, давай крест, я к себе его в карман положу, - говорила Фетинья, но потом, будто что-то вспомнив, хитро качнула головой и прибавила: - Ну, ничего, и в кресте можно, только я тебя очерчу. Она взяла огарок лучины и, что-то тихонько нашептывая,

обвела им три раза круг на полу, кругом сидящей на скамейке Насте.

- Ну, что ты в зеркале-то видишь, Настенька? - спросила старуха.

- Вижу дверь, няня.

- Ну ладно; говори же за мной: суженьй, ряженьй, приходи ко мне ужинать.

Настя три раза повторила за Фетиньей эти призывные слова.

- Ну, теперь, моя голубушка, гляди же в зеркало пристально, глазенок не спускай и что увидишь, не бойся и не кричи, а старайся разглядеть; тебе бояться нечего, ты не одна, я с тобой.

Настя пристально устремила и свои взоры и свои мысли на зеркало; Фетинья села на конец лавки к дверям, позади девушки и по временам взглядывая в темный угол за печью, улыбалась, кивала головою и делала какие-то знаки.

Настя дрожала, тщательно куталась в шубейку и не спускала глаз с зеркала. Прошло с четверть часа - и так как девушка глядела не мигая, то глаза ее ослепели, на ресницах дрожали слезы; сперва она ясно видела дверь и Фетинью, потом свеча нагорела и все это слилось в темный густой туман, - она уж ничего не различала.

Вдруг, как будто, что-то зашевелилось за печкой; Настя вздрогнула, но не оглянулась; потом что-то зашевелилось за самой спиной Насте, и она увидела в зеркале, позади себя, какую-то темную высокую мужскую фигуру; сердце её замерло, но скрепясь, все еще она помнила, что ей надобно разглядеть и принялась смотреть пристальнее прежнего. И вот она увидела, что курчавая голова как будто склоняется над её плечом, и она почувствовала на своей щеке прерывистое горячее дыхание живого человека. Настя не вытерпела, со страхом взглянула себе через плечо, увидела Григория, вскрикнула, дыхание занялось и она упала бы со скамьи, если б Гриша не поддержал её.

- Голубушка, Настенька, красавица моя! Что ты? Господь над тобой! Чего бояться живого человека? Это Григорий Степаньч, - говорила испуганная Фетинья, суеясь вокруг Насте. Испуганная девушка едва дышала; бледная, поддерживаемая Григорием, она сидела, закрыв глаза, между тем, как Фетинья терла ей виски принесенным снегом.

Настя открыла глаза и, взглянув на Гришу, отодвинулась от него. Все еще дрожа всем телом и смутно припоминая, что с ней сделалось, она робко оглядывала избу.

- Что же ты боишься меня? Я живой человек, не опасайся, Настасья Ивановна. Неужели уж я так противен, что и слова со мной промолвить не изволишь? - говорил Гриша, почтительно стоя перед девушкой и взглядывая то на нее, то на свою шапку, которую мямл в руках.

- Няня, как же он попал сюда? - все еще не глядя на молодца, спросила Настя у Фетиньи.

- Эх, моя голубушка! А все случаем, - шел, шел, да и зашел сюда, где девица гадала. Знать он настоящий суженой-то и есть, - отвечала Фетинья.

- Виноват перед тобой я, Настасья Ивановна, и виноват в своей вине. Долго ждал я такого случая, чтоб перемолвить с тобой одно слово, сделать запрос;

узнал, что ты сегодня одна здесь будешь, вот и зашел сюда. Ну, брани меня, прогони меня долой со своих ясных очей, - говорил Гриша, потупив голову.

- Что же за запрос такой? - спросила Настя, приходя в себя.

- Помнишь ли, как я тебя с Дарьей Алексеевной перевозил через Кострому-реку, вот с этого-то дня лишился я сна, покою, хлеба и соли; хожу, словно тень таскаюсь, и все одна дума грызет ретивое, тоска несносная; шатаюсь около вашего дому по вечерам, где бы тебя увидеть в окно. Люблю я тебя Настасья Ивановна, больше матери родной, больше свету белого, больше душевного спасения; виноват я, казни меня, сруби мою буйную головушку, да и плеч прихвати, - говорил Гриша дрожащим голосом, не смея поднять глаз на Настю.

Девушка молчала, только крупные слезы катились из глаз её.

- Так вот и хотелось мне спросить тебя: коли ты не любишь меня, коли я противен тебе, я не стану тебе досаждать и на глаза тебе показываться; уйду туда, куда ворон костей не заносит; пусть буйные ветры на чужой стороне развеют мою тоску-кручину, не увижу я, по крайней мере, как тебя с другим к венцу повезут.

- Григорий Степаньч, на это есть воля родительская, - отвечала Настя, едва слышно.

- Всякий то же скажет, кто не любит, кому все равно, кто ни поп, тот батька; ну, а я не скажу этого, Настасья Ивановна, духу не хватит.

- Скажи же мне еще одно слово, последнее, - спросил Гриша, решительно и смело посмотрев на Настю, - противен я тебе?

Настя молчала.

- Любишь ты меня, как я тебя? Скажи правду, или убей меня.

Настя молчала, потупив глазки, а потом обратилась к Фетинье.

- Няня! Ты худо сделала, что не сказала мне, что он здесь будет.

Фетинья или не слышала, или притворилась, что не слышит.

- О, я теперь вижу, что мне нечего надеяться и нечего жить на свете! Пусть Волга матушка скроет и зальет тоску мою! - сказал Гриша с горестью и пошел к дверям. - Да и что, чего желал я? Я забыл, что я сын рыбака, что не купец какой-нибудь. - Он оглянулся. - Прости же, прости, Настасья Ивановна, что я тебя потревожил, не зачти в обиду слова мои!..

Настя вскочила, вся сила страсти, скрываемой так долго, охватила в этот миг её душу; она все забыла вокруг себя и самое себя; бледная, трепещущая протянула обе руки и сказала, едва слышно: не уходи!.. Рыдания заглушили её голос.

Григорий вернулся. Бросил шапку на стол, обнял девушку, горячо и сильно прижал ее к сердцу, не смея поцеловать её, долго держал так, и потом бережно посадил ее на скамейку. Настя всхлипывала. Фетинья бросилась к ним.

- Ну, уж не взыщи, Григорий Степаньч! Языком, что хочешь болтай, а рукам воли не давай. Вот как обвенчают, так целуйтесь и обнимайтесь, сколько душе захочется, а теперь... воля твоя! - говорила Фетинья, отталкивая Гришу от девушки.

- Будь спокойная, Фетинья Прохоровна, я не обидчик какой, ужли я захочу обидеть Настасью Ивановну; да я жизнь свою готов положить за нее, - отвечал молодец.

- Господи! Что со мною делается? Что ты делаешь со мною, Григорий Степаныч? - прошептала Настя, закрыв лицо руками.

- Ничего худого я не делаю и никогда не сделаю, не опасайся ты ничего; мне хотелось только, чтобы ты знала, что я тебя люблю больше всего на свете, - вот и все. Теперь и я знаю, что не противен тебе. Ах, Настасья Ивановна, зачем я небогат? Зачем не могу завтра же заслать к тебе сваху? И придется же мне горькому видеть, как с другим повезут тебя к венцу. Ведь не захочет же твой батюшка выдать тебя за такого бобыля, как я!

- В монастырь скрою я свое горе, а замуж за другого не пойду, - проговорила Настя, всхлипнув. Григорий преодолел свою застенчивость и покрывал горячими поцелуями щеки, глаза, руки и шею красавицы.

- Ахти беда! Ахти беда! Накликала я окальная беду на свою седую голову! - говорила Фетинья, таща прочь Гришу за рукав: - Григорий Степаныч, побойся Бога! Настенька, бессовестная, постыдись, до венца, целоваться с молодцом!

Но влюбленная чета не слушала наставлений и отчаянных воплей старой няни. Долго длилась душевная, нежная беседа, прерываемая порою поцелуями.

Между тем Лузихе не спалось. - Так и есть! - думала она, - девицы ушли загадывать в пустую избу, и вот уж часа полтора будет, как их нет, не испугались ли чего? Чего доброго, не приключилось ли с ними чего-нибудь? Сем-ка пойду, погляжу. - И она тихонько слезла с полатей, ощутливо вышла на крыльцо и, увидев слабый свет в старой избе, сквозь щели закрытых ставней, не производя никакого шума, по мокрому снегу, тихонько подошла к самому окну и с любопытством смотрела сквозь щели ставня. Она не верила глазам своим и сначала то, что увидела, приняла за дьявольское наваждение, набожно крестилась и шептала молитвы, какие только приходили ей в голову; хотела бежать, но ноги как будто приросли к месту. Потом, видя, что видение не исчезает, она опомнилась, и ужас превратился в любопытство. Лузиха видела все, что происходило в старой избе.

Молодая чета, наговорившись, нацеловавшись и передавши друг другу все, что волновало и томило их любящие сердца, наконец вспомнила, что надобно и расстаться. Григорий, понуждаемый Фетиньей, встал со скамьи; Настя также встала; шубейка её спустилась с одного плеча, шелковый платочек, слабо повязанный на голове, спал на самый затылок и выказывал её прекрасные темнорусые волосы, гладко зачесанные за уши, в которых блестели серги с изумрудами. Щечки красавицы горели ярким румянцем; она то робко потупляла глаза, то нежно поднимала их на Гришу. Гриша правой рукою обнял ее, а в левой держал ручку Насти и молча любовался красотой. Огарок все еще горел на столе, хотя Фетинья уже собрала и скатерть и все принадлежности гаданья. Высокая фигура Гриши кидала огром-

ную тень на дверь, и Никитишна в этой тени не могла заметить Фетиньи, но она хорошо рассмотрела в лицо и Настью, и её друга.

- А! Вот где раки-то зимуют! Кто бы подумал, Настасья Ивановна! Да ведь всегда в тихом омуте черти-то и водятся! - шептала она, протирая глаза и боясь проронить малейшее движение влюбленных.

- Прости же, моя ненаглядная, и надолго ли мы прощаемся? Настенька! Ужели это свидание было первое и последнее? - спрашивал Гриша нежно у своей подруги.

- Не знаю, как сказать тебе, - со вздохом отвечала девушка, - не знаю, если будет можно...

- Пора, пора! Не введи меня в беду, золотой Григорий Степаныч, ведь двери на крыльцо не закрыты, чего доброго! Проснется Дарья Алексеевна, выйдет в сени, увидит не закрытые двери, побежит в светлицу, да как не найдет там Настеньки, то и ей, и мне, и Дуне достанется, - говорила Фетинья, чуть не плача.

- Тошно мне с тобой расстаться, словно с душою, и когда можно поговорить нам опять, прикажи Фетинье, я буду у ней навещаться, - говорил Гриша, - прости же! - и обняв еще раз Настью, он пошел к дверям.

Никитишна, не желая быть замеченною и видя, что Григорий выходит из избы, почти бегом вбежала на крыльцо, тихонько притворила за собою дверь и ощутливо вошла в избу и забралась на полати, все еще прислушиваясь к малейшему шуму. Вот она услышала, что кто-то тихонько вошел в сени, тихонько запер за собою дверь, и осторожно, едва слышными шагами, пошел в светлицу. Это была Настя.

- Этакое дела! Ну, кому бы я поверила, если б не видела своим глазом? Вот те и дочь богатого отца! Вот те и внучка степенной и строгой бабушки! Хорошо! Теперь вы все в моих руках; да Бог с вами, я худа вам не желаю, пристрою девку, пойду завтра к Живчикову. И уж теперь верно не захочешь отказать, Иван Ильич, рад радехонек будешь расстаться с дочкой, коли не захочешь, чтоб про нее по всей Костроме в набилки били! - думала Лузиха. И долго, долго не могла заснуть, удивляясь увиденному.

На другой день утром, только что проснулась Дарья Алексеевна, Никитишна простилась с нею и поспешила к Луке Герасимовичу.

Настя не могла заснуть всю ночь с переполненной душой; она ворочалась с боку на бок, мечтая о Грише; ей хотелось избытком чувства поделиться с подругою, но жалела прервать спокойный сон Дуняши. На рассвете, лишь только последняя успела открыть в просонках глаза, Настя бросилась на её грудь и, обливая подругу слезами, краснея, рассказала о ночном свидании с Григорием. Удивленная Дуняша покачивала головою, не прерывая рассказа; она слушала с любопытством и видела, что её упреки и наставления теперь уже ни к чему не поведут. Когда Настя кончила, Дуняша, желая внутренне свою подругу, бранила на чем свет стоит старую Фетинью, которую и Настя не смела защищать.

К завтраку обе девушки сошли вниз, но Настя ни к чему не притронулась; зато Дуня кушала с большим аппетитом.

Между тем Наталья Никитишна на всех парусах летела к Живчикову; её желтая наметка развевалась по ветру. Едва переводя дух от скорой ходьбы, Лузиха, казалось, забыла усталость, спеша жениха застать дома. Вот она достигла его хором, отворила ворота и перекрестясь на медный крест, врезанный в перекладину над воротами, вступила на двор. Шумя шелковым сарафаном, она поспешно перешла теплые широкие сени и отворила стеклянчатую дверь в горницу, по которой прохаживался хозяин в черном бархатном камзоле и кармазиновых узких, доходящих до колена, штанах, усаженных шелковыми пуговками. Он самодовольно поглядывался в небольшие, висящие на простенках, зеркала и ожидал благовеста к обедне. Перед кивотом горели несколько свечей и освещали серебряные и золоченые ризы на образах. В одном углу стояла софа с кожаную подушкой, набитою перьями, которые уже начинали выглядывать из разъехавшихся швов; в другом кровать со взбитыми пуховиками, под ситцевым разводным пологом. Образа и постель достались Луке Герасимовичу после первой супруги, как законная часть.

Живчиков несколько не удивился раннему посещению Лузихи; он ласково с ней раскланялся, когда та, положив три поклона перед образами, отвесила низкий поклон хозяину.

- С праздником поздравляю, батюшка, Лука Герасимыч, ну, как живешь-поживаешь, все ли в добром здорьви? Ну вот я по тебе и встосковалась и пришла, а ты и забыл про меня, бедную сироту, - говорила Лузиха.

- Слава Богу! Слава Богу! А я только про тебя сейчас думал. Ну, и хорошо сделала, что сама пожаловала. Садись-ка, садись, гостя будешь; вот сюда на софу, - говорил Живчиков, самодовольно поглаживая бороду и вертясь фертом перед свахой.

- Уж не обессудь, Лука Герасимыч, смерть устала, боялась, что твою милость не застану и бежала во все лопатки, - говорила Никитишна, опускаясь на софу, при чем перья из подушки полетели в разные стороны. - Ну, что, мой батюшка, что надумал о том дельце, что мы с тобой в последний раз толковали?

Живчиков придвинул кожаный стул с превысочайшей спинкой, и поместился на самом краешке.

- Что мне думать! Давно надумано, Никитишна, помолясь Богу да и в дорогу; а уж легкий день выбрать твое дело, - сказал он.

- А все к Барышниковой небось тянет?

- Да что я слепой что ли, чтоб Настасью Ивановну на другую променял, не считай меня дураком, сваха!

- Не гневайся, милостивец, ведь мало ли, что бывает; утро вечера мудренее; вчера думаем так, а сегодня инак!

- О чем другом, а не об этом, Никитишна; напрямик тебе скажу, что коли Барышников за меня не выдст, так и век не женюсь.

- Ну, нечего делать, благословляй Лука Герасимыч! Что, сегодня у нас четверг? В будущую субботу шаракну к ним, да уж все сделано, а на своем поставлю; два раза отказывали, а коли в третий откажут, так и быть, греха укушу, к колдуну схожу, а постараюсь твое желание исполнить. Вот как для тебя стараюсь, Лука Герасимыч.

- Не будешь в накладе, Никитишна, я сказал, и сдержу свое слово, только в приданом не забывайся; что мне приданое - тьфу! Разве мне не во что нарядить жену? Слава Богу, найдется во что!

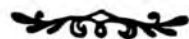
- Ты пожалуй и росписи не прикажешь требовать?

- Без росписи нельзя; роспись нужна для сродников; а там, что ни напишут, я всем буду доволен.

В это время ударили в собор к обедне; жених и сваха перекрестились.

- Ну, прощенья просим, Лука Герасимыч, - говорила Лузиха, приподнимаясь с софы, при чем перья из подушки опять полетели, - я побываю к твоей милости в воскресенье.

- Хорошо; буду ждать, Никитишна; постарайся пожалуйста, - говорил Живчиков, провожая сваху в сени и отвечая ласково на её низкие поклоны.

В субботу, на той же неделе, когда еще Настя спала, Дуняша, по обыкновению, схватив ведра, бежала на пруд за водою, снег хрустел под её быстрой походкой; а мороз еще более румянил и без того свежие щечки взятушки. В самых воротах ей встретилась Лузиха, под желтой наметкой и в гранитуровом тулупчике, выпущенном сибирской белкой.

- А, не даром катит сегодня, для субботы в воскресенье наряде Никитишна, уж верно со сватаньем! - подумала Дуняша. Старуха, поцеловавшись с девушкой, с недовольным видом остановилась. Когда Дуняша, зачерпнув ведра, возвращалась домой, то увидела, что Лузиха, воротясь, обходила пруд с левой стороны и опять направлялась к ним. Тут Дуняше стало все ясно, как дважды-два-четыре.

- Уж верно от Живчикова? Постой же я помешаю тебе, Наталья Никитишна, - говорила сама себе девушка, глядя из избы в окно, как Лузиха входила на двор. Дуняша, не дав ей войти на крыльцо, со всех ног выбежала ей навстречу.

- Что это, тетушка Никитишна, ты воротилась? Ведь к нам давеча ушла, али забыла что? - спрашивала Дуня, лукаво улыбаясь.

- Видно сам лукавый поджигает эту девчонку мне мешать сегодня, - подумала Никитишна, взглянув неприязненно на Дуняшу; потом, стараясь скрыть свою досаду, промолвила: - Ахти, опять забыла! Продает один человек штофный спорок с шубейки, просил показать Дарье Алексеевне - и с этим словом Никитишна опять побегала со двора.

- О, о! Как пугает тебя девичья встреча! Не обманешь же ты меня, старая сорока, не будет тебе сегодня пути в твоём деле; помучу же тебя, - думала Дуня, и полагая наверное, что Лузиха опять воротится, пошла и села на крутой лесенке, ведущей в светлицу, намереваясь броситься навстречу, только сваха войдет в сени. Дуняша не обманулась; Лузиха, постояв за воротами минут пять, вошла в сени, и только что Дуняша хотела к ней бежать, как из горницы вышел Иван Ильич.

- Доброго здоровья, батюшка, Иван Ильич! - говорила Лузиха с низкими поклонами. А я к твоей милости, словечко перемолвить...

- Добро пожаловать, Наталья Никитишна! Да кажется, здесь не место разговаривать, войдем-ка в горницу. Хозяин и сваха вошли; и лишь только дверь затворилась за ними, Дуняша сошла с лестницы, подошла к двери горницы на цыпочках и стала слушать.

- Садись-ка, садись, Никитишна, что хорошенького скажешь? - спросил Иван Ильич.

- У тебя, Иван Ильич, есть товар, а у меня купец; Лука Герасимович приказал твоей милости кланяться, и твоей единой дочери, Настасье Ивановны, просить в замужество, - проговорила сваха.

- Благодарствую за честь и милость, и доброе слово Луку Герасимыча, только вишь товарищ-то мой еще молодец, расстаться жаль; не выгуча, в чужие люди отпустить не годится, - отвечал Барышников.

- Иван Ильич! Ты уж в третий раз изволишь говорить, что молода, да молода Настасья Ивановна; ведь ей нынче девятнадцать годочек пошел, батюшка ты мой; девичья краса, что утренняя роса: поколь цветочек аленок, потоль и всякому миленок, старых невест в Костроме не оберешься, да никому не нужны, особливо такому жениху, как Лука Герасимыч. Живых-то он, можно сказать, всему городу краса, и вежеством, манерством и богатством взял.

- Ну, уж хоть не всему городу краса этот жених! Ты Никитишна не прильгай; воздержись маленько, лучше будет; а все же Луку Герасимыча я почитаю хорошим человеком, неглупым и степенным женихом, а красоту разбирать в нашем брате нечего; впрочем все же подумать надобно, это такое дело, не салог, с ноги не сбросишь, - проговорил Иван Ильич.

- Вестимо дело, подумать надобно.

- Хорошо, Наталья Никитишна, побывай ты завтра ко мне, а я переговорю, с кем нужно, и посоветуюсь.

Лузиха распрощалась с хозяином и пошла к двери. Застылав её шаги, Дуняша бросилась от двери и, как резвый котенок, взбежала на лестницу.

После обеда Иван Ильич пригласил в свою заднюю горницу Дарью Алексеевну и заговорил:

- Матушка! К Насте опять сватается Живчиков. Как ты давеча у обедни была, без тебя ко мне Лузиха приходила.

- Так что ж, слава Богу, дружок! - отвечала теща.

- Что ж ты на это скажешь?

- Что сказать, дружок! Живчиков жених хороший, коли думно нынче Настю замуж отдавать, так нечего зевать.

- Не хотелось бы мне ее за вдовца выдать.

- И вдовец, да молодец, ведь от первого супружества детей не осталось, так что? Все равно, что холостой.

- И ты советуешь, матушка?

- Советовала бы, дружок! Разумеется, надобно поспросить, какого человек поведения, не водится ли за ним каких художеств?

- Про Живчикова худого ни один человек в городе не скажет, кроме того, что он моей Насте в отцы годится, а не в мужья.

- Вот тебе раз! Пустяки, дружок, говоришь; да со старым-то мужем и житье-то масляница! Небось, не убежит от молодой жены к другой, как делают, не здесь сказано, молодые-то мужья!

- А жаль мне еще нынешний год с Настей расстаться, - сказал Иван Ильич с чувством.

- Пустые речи говоришь, дружок, дело известное: девка не домашний товар, сколько ни держи, а выдать надобно, не посолишь ее впрок, - проговорила с уверенностью Дарья Алексеевна. - Помолись, дружок, да и решишь.

Когда Дарья Алексеевна оставила зятя, Иван Ильич заперся в горнице и долго молился, потом написал на двух бумажках какие-то каракульки, одна значила да, другая нет, и бросил их в свою шапку, положив ее под образа, принялся опять усердно молиться. Потом Иван Ильич, зажмурясь, стал выпимать жеребы, сперва попалось да, потом нет, потом опять да. Иван Ильич бросил бумажки в пелуху и сел к столу в раздумьи, подперев голову руками.

Долго бы думал и передумывал Барышников, но вот кто-то постучался у дверей, он отпер, - то была Настя. Мгновенно озарились мысли Ивана Ильича.

- Сам Бог посылает ко мне в эту минуту ту, о которой я так заботливо сокрушаюсь, - подумал нежный отец и сказал, пригласив прежде дочь сесть подле себя:

- Милое дитяtko, будь со мной откровенна, говори все, что есть на душе, не скрывай ничего; к тебе сватается Лука Герасимыч Живчиков; он уж в третий раз меня этим беспокоит. Ты его видела на своих именинах, скажи перед Богом, нравен ли он тебе?

- Родимый батюшка, за что ты на меня прогневался? О, не губи меня, не дай умереть прежде времени! - завопила девушка, и заливаясь слезами, бросилась к ногам отца.

- Друг мой, Настя! Плакать тебе не о чем, силой я тебя не принуждаю; коли не люб тебе Живчиков, я откажу, только после, чтобы не жалеть, боюсь я и на слезы-то ваши глядеть; ведь всякая девица, как выдадут, плачет.

- Не люб, не люб мне Живчиков, да так противен, словно нож в сердце, - говорила Настя.

- Однако, друг мой, он человек непоследний, хороший торговец; а денег, говорят, хоть лопатой гребь.

- Что нам до его богатства, родимый батюшка? И я по твоей милости не нищая.

- И школен Лука Герасимыч, нечего сказать.

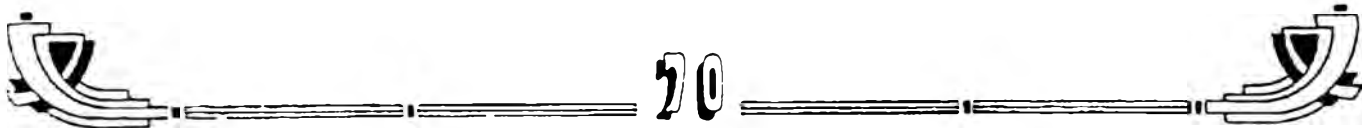
- О, уж и не говори, не могу вспомнить без смеха, как он дрягал своими маленькими ножками, когда в мои именины вертели его как муху! И Настя засмеялась сквозь слезы.

- Дурочка ты моя! Вот видишь сама, что я не хочу выдавать тебя силою, Бог с тобой, не хочу, чтобы ты плакалась на меня, коли не почастливится; а правду-то сказать, все еще жаль с тобой расстаться, - сказал Иван Ильич и ласково поцеловал Настю в голову.

Утеревши слезки, успокоенная и приласканная девушка оставила отца.

На другой день, это было в воскресенье, только что Иван Ильич проснулся после обеденного сна. Наталья Никитишна к нему в горницу.

- Здорово, хозяин-батюшка; ну, что понадумал о том дельце? - садясь на лавку, спросила сваха, после обычного здравствования.

- Ничего не надумал, Никитишна; спасибо за честь; сожалею, что ты напрасно трудилась. Не думаю нынче выдавать дочь, - отвечал Барышников.

- Напрасно, напрасно, Иван Ильич, теперь самая красная пора выдать Настасью Ивановну, не то молодая, не то старая, да и жених-то мой сущий клад, - проговорила Лузиха.

- Пусть все это так, я жениха не хулю, но я не решился в этот мясоед играть свадьбы; это уж мое дело.

- Напрасно, напрасно! Нечего бы медлить: в мир, что в мор, девушки вешний цвет, поколь до греха! - говорила скороговоркою Лузиха, сверкая глазами и как будто с трудом сдерживая внутреннее волнение. Между тем, как на лице её показались бледные и багровые пятна.

- Что, Никитишна?

- Да так, Иван Ильич, долго ли до худой славы! Ведь на чужой роток не накинешь платок, пословица говорится; нынче, батюшка, редкая девица провернется, чтоб чего-нибудь не сказали.

- Стало быть и про моих девиц говорят худое? - вскочив с места, вскричал запальчиво Иван Ильич.

- Мало ли что про кого говорят, всего не переслушаешь. Хм!.. Есть такие люди.

- Хотел бы я узнать, кто это говорит?

- Я всякого выставить не могу.

- Некого, знать видно, выставить, Наталья Никитишна? Это зло все от вас старых сорок выходит; вы по домам хлобыщете, да из дому в дом разный сор переносите, к одному слову пятьдесят прискажете. Не думал я, право, от тебя такие речи слышать. И так прошу ко мне в дом больше не жаловать; коли ты добрая соседка, так ты должна сказать, кто и что говорит, а не обидками, клязвы творить, - проговорил Барышников в сильном гневе.

- Не гневись, Иван Ильич, приятно хорошие вести пересказывать, а не худые; а что я сказала, так не от себя выдумала; худого я вашему дому никогда не желала, хотела похлопотать, чтоб девушку пристроить, а коли не хочешь, так на то твоя родительская воля. Пусть от других что-нибудь услышишь, а не от меня. Прощенья просим, - сказала Лузиха, низко кланяясь. Глаза её сверкали, губы тряслись, пятна на лице выступили еще виднее; Барышников, обиженный и рассерженный, ничего этого не заметил; он не ответил на её поклон и даже не взглянул.

- Вот каковы нынче добрые-то люди! Где пьют-едят, тут и пакостят: стелня проклятая, старая ворона не на добро каркает, - проговорил он, по уходе схики.

В сенях Лузихе попались девушки.

- Ну что, тетюшка Никитишна, нахмурилась? Не удалось тебе Настю сосватать? Знай наших! Как ты не ворочилась назад, а девичья встреча все-таки заколодила, - говорила Дуня, смеясь.

- Не смейся, Авдотья Ивановна, молодо-зелено смеяться над старухой; все при вас девичья воля останется, сидите в девках, трясите век косою, да шушукайтесь и цапуйтесь с молодцами, - проговорила Лузиха злобно.

Настя побледнела, но Дуня вспыхнула.

- Что ты изменилась, Настасья Ивановна? Не бойся, батюшка отказал хорошему жениху, достанешься любимому пастуху. - Девушки переглянулись;

Никитишна отвесила им по низкому поклону и пошла с крыльца.

- Настя, она верно знает твои проказы? - прошептала Дуня.

- Не знаю, Дуниша; как ей знать, где ей знать? А сердце щемит. Не погубила бы она нас! Да как ей знать? - говорила в раздумьи Настя.

- Кто ее знает? Ведь она ночевала у нас на Васильев день.

- Они все крепко спали: и в избе, и в горнице. Как я-проходила по сеням, никого не заметила, - сказала Настя.

- А может, она и так наобум говорит, со зла, что батюшка отказал, так хочет нас уязвить чем-нибудь.

- Может быть, а сердце все щемит что-то.

Между тем Лузиха, задыхаясь, бежала к Живчикову. Покуда были видны хоромы Барышниковых, она оглядывалась и шептала угрозы.

- Меня выпнать! Меня, Наталью Никитишну, у которой полгорода крестят! Без которой редкая свадьба обойдется; меня выпнать! Хорошо, богатый человек, Иван Ильич; да ведь ты еще не считал и в моих сундуках, я не бездомная нищая? Погляжу, как ты попляшешь с своей дочкой, которой больно гордился, я докажу дружбу... я... Но вот дом Ивана Ильича скрылся из виду, и она пошла ровнее и тише. Лузиха вошла в комнату Живчикова. Лука Герасимович похаживал по своей спальне и порою лакомился мочеными яблоками и брусничкой, которые на оловянных тарелках стояли на столе.

- Что нового? Что нового, Никитишна? Усаживая задыхающуюся сваху на знаменитую софу, из которой полетели перья, спрашивал нетерпеливо хозяин.

- Что нового, Лука Герасимыч?... Шиш показали! - переведа дух, отвечала Никитишна.

- Как... шиш, Никитишна? - почти простонал обиженный жених.

- Да, отказали и ничего не сказали, приказали за честь кланяться, да не велели чваниться... Приказка, милостивец, подать хоть кваску напиться, в горле пересохло. Вот из чужого дела, да привимай похмелье.

Живчиков машинально подошел к поставцу, налил стакан вишенки и подал свахе. Лузиха за один дух вытянула и, закусывая моченым яблоком, сказала:

- Ох, Лука Герасимыч! Говорить-то язык не ворочается, без ножниц обстригли; отказ, чистый отказ, в третий раз.

- Что же сказал Иван Ильич?

- Что, вестимо что, одна песня: молодая да и все. Ведь не скажут же прямо, что не хочу, дескать, за такого-то жениха выдать.

- Ну, Иван Ильич гордый человек, нечего сказать, я нынче не ожидал этого от него; да мне, кажется, ты, Никитишна, не умела дела склеить, не постаралась, либо приданого много заломила.

- Что ты, батюшка мой! О приданом еще и речи не было, так-таки на первом слове и озадачил.

- Что ж нам делать теперь, Никитишна? - сказал отчаянно жених.

- Что! Плюнуть, да и все; разве город-то клином, что ли, сошелся? Слава Богу, есть невесты и покраще Барышниковой.

- Ну уж нет, Никитишна, я что сказал, то и сделаю: коли не на Барышниковой, так и ни на ком не женюсь.

- Как изволишь, твоя на то воля.

- Да ведь ты обещалась и к колдуну сходить? Авось дело и поправится.

- Мало ли что в азарте молвится, а как раздумаешь, так из чего это смертный-то грех себе на душу брать? Грех большой - неотмолимый, да и что привязался ты? Хоть бы девица то была, а то...

- А то что?

- Да худые слухи ходят, Лука Герасимыч! Я ничего не знаю, за что купила, за то и продаю.

- Как! Об Настасье Ивановне Барышниковой худые слухи ходят? Ну, Никитишна, не завирайся! Неужто моя вишневка так крепка, что твой ум и память прихлопнула? - проговорил Живчиков в сильном волнении.

- Так ты меня, милостивец, пьяной считаешь? Ну пусть ин так будет, богатые люди всегда угостят, а после обидят. А что я тебе о Барышниковой сказала, так через неделю может на базаре станут толковать.

- Да, если вас старых сорок десять соберется 'со своими змеиными языками, так и на солнце пыль пустят, а не то что на девичью честь, - проговорил Живчиков.

- Уж везде-то мы виноваты! Да знаешь ли, мой батюшка, пословицу: нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. А Настенька, что же такое? Ведь не ангел же небесный! Все на земле живем, все хлеб жуем. Эх! И не такие сени-то подламываются!

- Не клевети напрасно на девицу! Сама ты не умела дело смазать, да со зла и взводишь небылицы; хоть бы батюшка с матушкой с того света пришли и говорили мне что-нибудь такое нехорошее про Настасью Ивановну, я и тут не поверил бы. Во-первых, знаю, что она дочь хорошего отца, и Дарья Алексеевна худу свою внучку не научит; сидит она у них за стеклами, словно пташка в клетке; да кто смел про неё худое говорить? А ты с такими речами, Наталья Никитишна, в мой дом прощу не жаловать, я найду другую сваху и подарю ей, что тебе посулил, авось дело смажет. Не хочу я, чтоб ты помнила, как ко мне дверь отворяется, - проговорил, в сильном негодовании, Лука Герасимович. Он покраснел как рак, и его маленькие глазки быстро перебежали с предмета на предмет.

- Прощенья просим, Лука Герасимыч! Желая всякого благополучия, нога моя не будет здесь, только не пришлось бы тебе вспомнить моих слов, - говорила хрипло Никитишна, низко откланиваясь хозяину. Губы её тряслись и злобно улыбались, глаза сверкали зловещим блеском.

- Сплетница проклятая! - проговорил Лука Герасимович взволнованным голосом, и, чтоб охладить жар негодования, принял за моченые яблоки.

Лузиха также, задыхаясь, бежала теперь домой, как бежала давеча к Живчикову; шептала угрозы, и также часто оглядывалась на дом Луки Герасимовича, как и на дом Барышникова, доколе он не скрылся из виду.

На другой день крещения Иван Ильич был именинник; званых гостей никого не было. Именинник, увидев в соборе у обедни Григория, милостиво пригласил его к себе отобедать. У Гриши сердце так и замерло от радости; хотя и знал он, что за столом, может быть, он увидит Настю, но боялся изменить себе, отказаться же не смел.

Когда хозяин и приказчик пришли от обедни, у Дарьи Алексеевны, в передней избе, уж накрыт был стол. Дуняша разрезала сладкий пирог, а у дверей скромно сидела Ирина Михайловна, пришедшая поздравить именинника.

Когда Иван Ильич, помолясь Богу, повесил свою шапку, домашние начали поздравлять его, и он поцеловался с тещей и Дуняшей. Фетинья, что-то копавшаяся у печки, также отвесила ему низкий поклон.

- С ангелом поздравляю батюшка, Иван Ильич, с новым годом, с новым счастьем! Дай тебе Господи много лет здравствовать! - проговорила мать Григория, смиренно кланяясь чуть не до земли.

- Спасибо, Михайловна; ну, как поживаешь без старика? - сказал ласково Барышников.

- Вестимо, батюшка, уж надобно жить как-нибудь, известно, дело сиротское, Божьей да твоей отцовской милостью живу помаленьку, - отвечала Ирина Михайловна.

- Надобно жить побольше, Михайловна! Старика твоего Бог призвал после многих трудов и немощей. Всем нам умереть придется. А тебе Господь дал сына, кормильца под старость; ну, что, почитает ли тебя Гришуха-то?

- Еще бы не почитать! Ведь я у него одна матка-то, умру так и той не будет. Эх, Иван Ильич, ведь парнишка-то еще больно молод, глуп; служит ли он тебе мой кормилец, как следует?

- Покуша я твоим парнишком доволен, а что молод, так ум не в летах; есть у нас у многих борода выросла, а ума не вынесла; вон у меня Илья из рук вон. Что я с ним не делал: и лаской и грозой - нет от рук отбился, так рукой и махнул. А ты только проси Бога, чтоб не избаловался твой сын, а коли все такой будет, как теперь, так не бойся, твою старую голову прокормит.

- Благодарствуем, батюшка, на добром слове. Ну, Гриша, кланяйся хозяину, - сказала Ирина Михайловна, обратясь к безмолвно стоявшему у дверей сыну.

Гриша, молча, булькнул в ноги Ивану Ильичу.

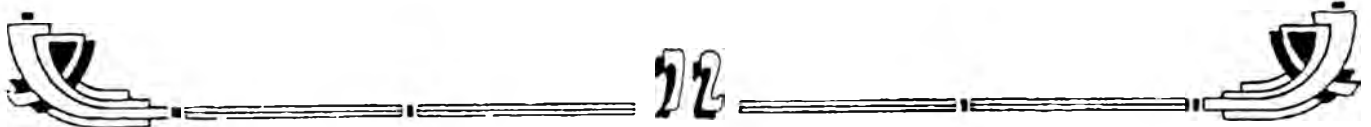
- Не кланяйся, дружок, сам заслужил доброе слово, - сказал Иван Ильич.

- Ну, прощенья просим, батюшка, пойдем, Гриша, - сказала старушка.

- Что ты, Михайловна! Нет, отобедайте у именинника; чужих у нас никого нет, мы все свои, своей семьей, - сказал именинник, - Григорий тоже останется.

- Уж уволь, батюшка, Иван Ильич, где нам бедным людям с твоей милостью за одним столом сидеть.

- Вот тебе на! И богатые и бедные все равно в рот ложку носим, небось не в ухо! Есть о чем толко-

вать, оставайтесь! - промолвил хозяин полуласково, полу-повелительно. Отговариваться более не посмела Ирина Михайловна, и, в ожидании обеда, присела на край лавки.

Вошла Настя, наряженная и прекрасная, но бледная и грустная; увидев Григория, она остановилась. Никто не заметил этого движения, и она, опомнясь и покраснев, подошла к отцу, поздравила чуть слышно и поцеловала его; потом застенчиво раскланялась с Гришей и его матерью.

За стол сели; Иван Ильич впереди, по обе его стороны девушки, возле Насти - Ирина Михайловна. Гришу посадили против Дуныши, а Дарья Алексеевна поместилась на кончике приставной скамьи, потому что ей нужно было часто вставать, чтоб подавать кушачье на стол. Фетинья вынимала его только из печки.

Дарья Алексеевна поставила на стол сдобную кулебяку с осетриной. Иван Ильич взял рюмку, поставил на тарелку и из стоящей на столе фляжки налил в нее душистой вишневки.

- Ну-ка, матушка, поздравь с ангелом! - сказал он, протянув руку с рюмкою через стол к Дарье Алексеевне.

- Что ты, дружок! Слово не знаешь, что хмельного с руды в рот не беру? Вишь, чем вздумал подчивать, - сказала старушка.

- Ну, так ты, Михайловна! - сказал он, перенося рюмку к Ирине Михайловне.

- Что греха таить, батюшка, Иван Ильич, и в красные-то дни не пила, а теперь уж не расчистить стать, дело вдовье, - сказала Ирина Михайловна.

- Вишь какие спесивые! Ну, честь предложена, а от убытку Бог избавил. А вас уж и подчивать нечего, Гриша-то еще молод, а вам стрекозам знаю, что давно медку хочется. Ну, так желаю всем доброго здравия! - воскликнул Иван Ильич и выгнул рюмочку.

- На здоровье, на здоровье! - сказали все в один голос.

- Я вас медком поподчую, и Иван Ильич, раскупорив бутылку пенистого меда, в которой плавали раздувшиеся изюмины, налил в стаканчик и таким же порядком подал на тарелке: сперва Дарье Алексеевне, потом Ирине Михайловне, потом девушкам и наконец Грише. Григорий, по обыкновению, поздравил именинника и стал пить; крепкий мед бросился в нос, слезы навернулись на глазах и он закашлялся, краснея, как маков цвет; от робости, стыда и кашля он закрылся ручником и насилу прокашлялся. Дуня смеялась, зато Настя сидела, как на углях.

- Ничего, ничего! Это значит, что вина еще в рот не брал, коли и с медом не умеешь справиться, - сказал хозяин весело.

Иван Ильич сам разрезал кулебяку и перед каждым, собственноручно, с поклоном, положил по аппетитному куску. Потом разломил свой кусок, перекрестился и, поклонясь на все три стороны, произнес торжественно:

- Кушайте!

Все присутствующие ответили на его поклон и, набожно перекрестясь, принялись утолять свой голод. Старушки ели очень тихо: Дарья Алексеевна от того, что были зубы плохи, а Ирина Михайловна от несмелости; Настя совсем не ела и сидела потупясь; зато

Дуныша без всякой церемонии убирала за обе щеки. Гриша ломал крошечные кусочки и очень церемонно клал в рот; но, несмотря на такую предосторожность, опять поперхнулся и закашлялся.

- Не косточка ли попала! - воскликнула Дарья Алексеевна.

- Что ты, дитятко, сегодня все закашливаешься? - шептала Ирина Михайловна.

- Поперхнуло; верно кто-нибудь торопится. Поколоти его в горб! - кричал Иван Ильич.

- Захлебни кваском, - говорила Дарья Алексеевна, подавая кружку с квасом.

- Проглоти корочку хлеба, шептала Ирина Михайловна, суя в рот сыну кусочек.

- Я говорю, что колотите его в горб! - кричал Иван Ильич. Дуныша хохотала; Настя то краснела, то бледнела и готова была заплакать.

- Я говорю вам колотите по горбу! Что вы, оглохли что ли?

И бедного сконфуженного Гришу принялись колотить в спину: с одной стороны Дарья Алексеевна, с другой Ирина Михайловна. Стоящая у печки Фетинья и безмолвно смотревшая на эту сцену, подбежала и преусердно принялась помогать им. Гриша кашлял, слезы катились из глаз его; а три старухи не переставали барабанить по его спине.

- Колотите! - воскликнул Иван Ильич и хотел сам к ним присоединиться; как, наконец, Григорий, сконфуженный, не могши сказать слова, или перевести дух, закрывшись ручником, вскочив из-за стола, выбежал в сени. Скамья, на которой он сидел вместе с Дарьей Алексеевной, потеряла равновесие, огуственный конец поднялся и почтенная Дарья Алексеевна перетянула. На бегу Григорий сшиб с ног Фетинью; от сильного толчка повойник её свалился и седые косы повисли.

- Уронили! Ох ноженьку ушибла, - говорила Дарья Алексеевна, сидя на полу и поглаживая ногу.

- Этакой ветер проклятый.

- Окосматил! - ворчала Фетинья, тоже сидя на полу и отыскивая свой повойник, который прицелился к волосам завязками, висел на спине.

Дуныша хохотала; Иван Ильич улыбался; Настя готова была провалиться, Ирина Михайловна бросилась поднимать Дарью Алексеевну, и покуда три старухи барахтались на полу, покуда встали, сели, Фетинья привела в порядок свой туалет, покуда все успокоились, перестали охать и смеяться, Гриша той порой прокашлялся за дверью, утерся, успокоился и вошел в избу.

- Не подавился?

- Прокашлялся?

- Прошло?

Вскричали три голоса.

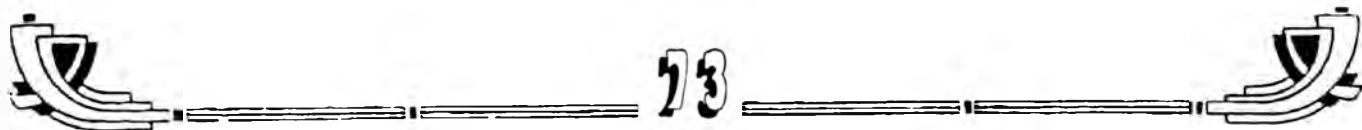
- Ничего, прошло, - отвечал Григорий и по приглашению хозяина сел на свое место.

В эту минуту дверь распахнулась и на пороге блеснула желтая наметка Лузихи.

- Входят ли грешные в рай? - сказала Никитишна, помолясь и низко кланяясь. - С ангелом поздравляю, дорогой именинник! - промолвила она, обращаясь к Ивану Ильичу.

- Благодарствую, Никитишна, - молвил хозяин.

- Ну, садись за именинный стол, гостя будешь.

- Благодарствую, батюшка, уж и боялась заглянуть к твоей милости, вишь меж нами намедни чёрная кошка проскочила, да все по наваждению лукавого, да нет, тянет, по старой памяти. Идти, мол, поздравить именинника, во что ни сочтёт. А вас с именинником, Дарья Алексеевна! Настасья Ивановна! Авдотья Ивановна! - промолвила Никитишна, обращаясь к хозяикам.

- Благодарствуем, отвечали три голоса.

- Ну, полно, что толковать, сегодня для меня не-такое-то дело, чтоб зло вспоминать, - говорил весело Иван Ильич. - Ведь всех речей не переслушаешь: собака и на Владыку лает.

Девушки маленько покосились на Лузиху; но Дарья Алексеевна, ничего не зная, что произошло между ею и зятем, радушно расцеловалась с гостьей и предложила место возле себя.

- Уж право совестно! Будто я за обед так-таки нарочно и пришла, - говорила Лузиха, скинув свой тулупчик и усаживаясь возле Дарьи Алексеевны.

- Полно, полно, принимайся-ко за кулебяку, поколь не зачерствела, - сказал хозяин, подавая Лузихе рюмку вишневки.

- Ну, вот, роковой к обуху, а счастливый к обеду, - говорила она, выпив рюмку и разламывая кусок кулебяки.

- А, Григорий Степаныч, Ирина Михайловна, доброго здоровья! Что, залетели вороны в высокие хоромы? - промолвила она, обращаясь к Безродным.

Гриша вспыхнул от досады, а Ирина Михайловна отвечала смиренно:

- По милости батюшки Ивана Ильича и мы попали за его трапезу; дай Господи ему много лет здравствовать! Не погнушался нами, скудными людьми и им Бог не погнушается.

- Хм!.. хм!.. - промышала Никитишна, обвела всех присутствующих злобым и насмешливым взглядом, который заметила только Дуняша, пристально следившая за всеми её движениями. Лузиха усердно принялась за кулебяку.

Обед кончился. Девушки ушли в светлицу. Все стали собираться домой, благодаря за угощение хлебосольного хозяина, но Дарья Алексеевна уняла Лузиху.

- Ведь у тебя остался дома кто-нибудь, так что торопиться, побудь у нас, всхрапни после обеда, дружок.

- Груняша пришла, давеча, просто коровой реветь. Изволишь видеть, пьяница-то уж руку на ее наложил, окровенил; слышь, не дала овчиного тулупа в заклад в кабак нести; а тулуп-то я справила на свои родимые денежки, - говорила Лузиха.

- Ах, Ильюшка! Ах, враг проклятый! - воскликнула в негодовании Дарья Алексеевна.

- Вот тут-то и устой, где кисель густой! А ведь Груню-то я вспоила, вскормила, ветру дунуть не дала, а теперь терпи от злодея, - прослезясь, говорила Никитишна.

- Эх, Наталья Никитишна! Ведь горе-то все по людям ходит, а не по лесу, - заметила Ирина Михайловна.

- Так уж не обессудь, Дарья Алексеевна, я у вас отдохну, - сказала Никитишна и полезла на полати.

Григорий с матерью простились с Дарьей Алексеевной и хотели идти, первый в лавку, а другая

домой, как в сенях встретил их Иван Ильич и пригласил в горницу.

Безродные последовали за хозяином и, переступив порог, стали у дверей. Барышников сел на лавку.

- Ну, что скажешь, Григорий, на этой неделе надобно в Нижний за товаром; в лавке пусто, одни мыши бегают, - сказал хозяин, обратясь к Грише.

- Дело известно твоей милости, что товар нынче, слава Богу, весь сошел, даже стыдно сидеть в пустой лавке, - почтительно отвечал Гриша.

- Итак, Михайловна, собирай завтра сына в дорогу, - промолвил Иван Ильич, обращаясь к Ирине Михайловне. Мать Григория молча поклонилась.

- Ну, а чтоб тебе было веселее у меня служить, Гриша, так я тебя женю; ты уж в таких годах, в которые я давно женат был. И живите, да живите с Богом, будешь умен, да не будешь ленив, так жену прокормишь, - сказал ласково Иван Ильич. У Гриши ёкнуло сердце.

- Кланяйся, Гриша, Ивану Ильичу за его превеликие милости, - сказала Ирина Михайловна, Гриша машинально поклонился.

- Я для тебя и невесту нашел; ты сегодня с нами обедал и верно видел Дуняшу, мою взятушку, девка брат стоит тебя, послушная, проворная и домовная, лицом недурная, да ты сам видел, я нарочно и пригласил тебя, чтобы вы друг на дружку поглядели. Ну, о приданом толковать нечего, награжу так, как мне Бог по сердцу положит, - говорил Иван Ильич, потупясь в пол.

- Кланяйся, Гриша, кланяйся в ножки нашему благодетелю, сказала Ирина Михайловна, заплакав от радости, и бухнулась в ноги Ивану Ильичу.

- Что ты, Михайловна, что за поклоны, - сказал хозяин, поднимая старушку с полу.

- Не только кланяться, мы, батюшка, должны твои ножки мыть да воду пить, - проговорила Ирина Михайловна, всхлипывая.

Но Григорий, опершись на косяк, стоял, как истукан; горница в его глазах ходила кругом; вместо одного Ивана Ильича, он видел трех и то сквозь какое-то туманное облако; сердце сильно колотилось, дыхание в груди спиралось.

- Что ты болваном-то стоишь? Гриша, кланяйся, голубчик, - проговорила мать. Но Гриша не кланялся, он слышал, но не понимал, что говорили, а только смутно сознавал, что его положение страшно и безвыходно.

- Батюшка, Иван Ильич, да может быть парень-то не пришел по нраву Авдотье Ивановне? - сказала старушка.

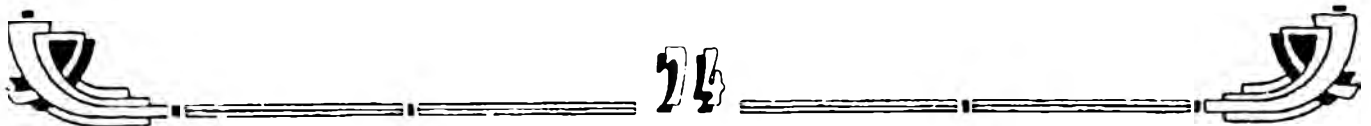
- Вот тебе раз! Да какова еще ей рожна? Коли я выбрал, так значит худова не выберу; её дело девичье - слушаться, - сказал Барышников и, взглянув на Гришу, открыл рот от удивления. В это время и мать взглянула на него.

- Что с тобою?

- Что с тобою, - спросили в один голос и мать и хозяин.

Гриша, молча, склонил голову, лицо его было словно у мертвеца; он упал бы, если бы стоял не возле стены.

- Знать ты угорел, мой голубчик? - спросила заботливо старушка.

- Угорел, угорел! Выведи его в сени, - говорил хозяин. Гриша пошатнулся, шапка выпала из рук; мать подняла шапку и под руку вывела сына из горницы. Он машинально следовал за старушкой, сошел с крыльца и присел на нижней ступеньке. Ирина Михайловна потеряла ему виски снегом.

- Ну, что произошло? Спросила она.

- Прошло, - отвечал машинально Гриша. Он встал и побрел с матерью домой. Холодный ветерок освежил его пылающую голову, и он спокойнее стал обдумывать свое положение. Любя страстно Настю, он не мог согласиться на выгодное, при других обстоятельствах, предложение Ивана Ильича. Отказаться, он знал наверное, что потеряет место; да никто и в городе после этого его не возьмет; скажут, что дескать, верно сам худ, что не мог ужиться у такого хозяина, как Барышников; приняться за отцовское ремесло, от рыбаков насмешек не оберешься; дескать хотел быть лавошником, а сделался лямошником, а старуха-мать на руках, ее надобно кормить. «Нельзя, нельзя мне в Костроме остаться», - думал бедный Григорий, - не могу же я камень на сердце положить, да глядеть равнодушно, как Настю с другим венчать повезут. Нет! Тогда я брошусь в Волгу. Поеду я завтра в Нижний, закуплю рыбы для Ивана Ильича и пришло с верным человеком, а сам там останусь; нижегородские купцы знали меня, когда я жил в Астрахани; неужто никто из них не возьмет меня к себе? Пусть ветры буйные развеют мою тоску-кручину по чужой стороне. Однако мне надобно видеть Настасью, проститься с ней в последний раз и навсегда". И он, дойдя почти до самого своего дома, вдруг сказал матери:

- Матушка! Ключи от лавки я у себя в кармане забыл, надобно отдать их хозяину.

- Ты поди, дитятко, домой и пролежись хорошенько, а сама отнесу ключи к Ивану Ильичу, - сказала Ирина Михайловна.

- Где тебе? Скоро ли ты добредешь? У меня теперь не болит голова и я отнесу сам. Сказавши это, Григорий побежал назад к хозяйскому дому, повторяя про себя:

«Мне надобно её увидеть, надобно увидеть». В самых воротах он столкнулся с Фетиньей, которая шла со двора.

- Дома Иван Ильич? - спросил он.

- Отдыхает.

- А Дарья Алексеевна?

- Тоже отдыхает.

- А девицы?

- Кто их знает! Оне в своей светлице. Да что на тебе лица нет, Григорий Степаньч? - спросила Фетинья.

- Куда идешь? Воротись! Вот тебе ключи; когда проснется хозяин отдай их ему; да еще прошу тебя, Фетинья Прохоровна, сослужи ты мне службу в последний раз, скажи Настасье Ивановне, что я желал бы с ней перемолвить. Можно ли теперь войти мне в старую избу?

- Как не можно, можно! Хозяева храпом храпят, парни еще из лавки не бывали; Потал рад, на печь забрался, никто не увидит. Пойдем-ка туда, а то здесь со мною глухою старухою калякать не ладно.

Григорий и Фетинья вошли в избу.

- Поди и скажи Настасье Ивановне, что я ее здесь дожидаюсь, и как совсем смеркнется, то пусть она пришла бы сюда, не замедлила, а коли заупрямится, так я в Волгу брошусь, так и скажи, - прокричал Гриша над самым ухом Фетиньи.

- Так, так! - прошептала Фетинья, вытаращив в испуге свой единственный глаз.

- Иди сейчас и скажи Настасье Ивановне все мои слова! И Григорий почти насильно вытолкнул Фетинью из избы.

Старуха в испуге побежала в светлицу и пересказала все, что слышала от Гриши. Девушки не на шутку перетрусили, и рассуждая между собою, и теряясь в догадках. Настя приказала Фетинье приготовить фонарь и стала нетерпеливо дожидаться покуда совершенно смеркнется.

- Ты с Фетиньей пойдешь? - спрашивала Дуняша.

- Куда ее; еще крик там заведет и пожалуй на дворе ульшат, - отвечала Настя решительно.

Этот ответ доказывает, что в решительную минуту любящая девушка почти всегда делается героиней.

Стемнело.

Настя с трепещущим сердцем накинула шубейку на плечи, зашла вниз к Фетинье, взяла у неё зажженный фонарь, спрятала под шубейку, и забывшая опасность, пустилась бегом в пустую избу. На пороге встретил ее Григорий и заключил в свои объятия.

- Гриша, что с тобой? - сказала тихо девушка и, едва переводя дух, опустилась на скамью.

Гриша взял у неё фонарь и поставил на стол.

- Здоров ли ты, мой ненаглядный? От чего ты так бледен? - спросила она опять, глядя с беспокойством на своего любезного, когда свет фонаря осветил его измученное лицо.

- Настинька! Жизнь моя! Прости на веки! Злая доля позавидовала нашему счастью; не дала нам свыкнуться, а уж и велит расстаться, - отвечал молодец, утирая слезы.

- Что же случилось? - в испуге спрашивала Настя.

Григорий, сев подле неё, рассказал подробно о предложении Ивана Ильича.

- Итак, я завтра еду и никогда не возвращусь; прости моя голубка, какому злодею ты достанешься? - заключил он, всхлипывая и прижимая к груди трепещущую девушку. Но Настя сказала решительно:

- Ты опять приедешь, Гриша!

- Чтоб видеть, как тебя станут с другим венчать.

- С другим венчать меня не станут, потому что я не пойду.

- А батюшка прикажет?

- Прежде я сама так думала, а теперь пусть прежде распорют мою белую грудь, да вынут мое ретивое, тогда уж пусть и делают со мною, что хотят, когда я дышать перестану, - отвечала девушка.

- Боюсь я воротиться, что я скажу Ивану Ильичу? Что я не хочу жениться на Авдотье Ивановне? Он обидится этим. Ведь он мне все же добра желает.

- А ты и забыл, что Дуняша не пойдет за тебя, вот и вся недолга! Ведь ты не виноват же, что она не пойдет, - сказала Настя, утирая глаза своему любезному и приветливо улыбаясь.

- Почему знать, моя лапушка, может быть Авдотья Ивановна не захочет поперечить своему второму отцу.

- Да и не захочет же уложить и меня в гроб. Не бойся этого, друг мой, и приезжай из Нижнего, а после подумаем: утро вечера мудренее, - проговорила восторженно девушка, все более и более увлекаемая своим чувством.

Григорий, утешенный, обрадованный, обнадеженный, вздохнул глубоко, и горе, как гора, скатилось с сердца; он нежно целовал дрожащие руки своей утешительницы.

В это время Иван Ильич, долго думая о том и о другом и ворочаясь с боку на бок, соскучил; вставши, он засветил свечку, потому что уже совсем смерклось, пошел в избу. Первая проснулась Лузиха, за ней и Дарья Алексеевна стала зевать и потягиваться.

- Заспались, старушки Божьи! Ведь уж вечер на дворе, - сказал Иван Ильич.

- И вправду заспались. Батюшки светя! Меня Аграфена-то заждалась, - говорила Лузиха, сходя с полатей, - пора и ко дворам.

- Сиди у нас вечер, - говорил Иван Ильич.

- Остаешься, дружок, - прибавила Дарья Алексеевна.

- Нет, мои милостивцы, времячко домой идти, боюсь злодей-то Ильюшка бабу пристраслил, что дескать живой косточки не оставлю, так и боюсь, не ворвался бы к ней без меня, да не ухвоил бабенку.

- Господи помилуй! Какой Илья парень смиренница был, что только с ним сталося! - произнес Барышников со вздохом. Наталья Никитишна надела свой тулупчик и, покрывшись желтою наметкою, простилась с хозяйками. Сойдя с крыльца, она взглянула в ту сторону, где находилась старая изба. Узкая полоса свету, сквозь щель закрытого ставня, тускло отражалась на снегу. Лузиха поняла в чем дело; она боялась подойти к избе, чтоб скрип снегу не изменил ей и той порой беседующие не разбежались. Постояв с минуту, Лузиха воротилась в избу. Хозяйка сидела по-прежнему.

- Что это у вас в старой избе за чудеса делаются? Свет такой из окна в щелку видно! Неужто нечистая сила шутит? Святки уж прошли, - сказала Лузиха изумленным хозяевам.

- Наше место свя! - проговорила Дарья Алексеевна крестясь.

- Полно, не показалось ли? - молвил Иван Ильич.

- Какое показалось! Коли не верите, так взгляните сами, с крыльца все видно.

Иван Ильич и Дарья Алексеевна, в сопровождении Никитишны, вышли на крыльцо.

В самом деле, полоска свету, пробиваясь сквозь щель ставня, стлалась по снегу.

Зять и теща в недоумении переглянулись между собою.

- Что такое? Что-нибудь да не просто, с нами Бог, - сказала робко Дарья Алексеевна.

- А вот посмотрим, матушка, кликни-ка из низу Потапа. Теща позвала Потапа.

- Вот теперь пойдем и поглядим, что, там такое? Матушка, иди вперед, с молитвой, - сказал Иван Ильич.

- Что ты дружок! Мое ли дело передом идти, Господь с вами! - проговорила старушка, дрожа от страха. Пусть Потап идет.

- Нет, Потап пойдет сзади; иди ты, Никитишна, вперед; ведь ты первая чудо увидела, - сказал хозяин, обратясь к Лузихе.

- Что ты, Иван Ильич! Твое хозяйское дело, тебе честь и место, мое дело женское.

- Нет, нет Никитишна! Иди ты вперед.

- Иди вперед, дружок, Наталья Никитишна, - повторила Дарья Алексеевна.

- Нет, нет, Иван Ильич!

- Нет, нет, Никитишна! - говорил Иван Ильич, толкая Лузиху вперед.

Никитишна нисколько ничего не боялась, она знала в чем дело и внутренне смеялась.

Все двинулись к необитаемой избе. Потап шагнул вперед, удивляясь хозяйским затеям, и когда увидел свет в щель ставня, то дрогнул и тихонько сотворил молитву; он обратился бы вспять не разузнавши дела, если б смел это сделать. Толпою окружили они волшебное окно; снег хрустел под их ногами; но молодая чета в необитаемом убежище, забыв весь мир, нежно беседовала о своей любви, о своей будущности, строя планы, один одного несбыточнее, и осыпали друг друга поцелуями.

Дозор остановился.

- Ну, погляди же в щелку, Наталья Никитишна, - говорил Иван Ильич.

- Сам погляди, Иван Ильич! Мое дело женское, что-то боюсь.

- Погляди, дружок, Никитишна, - шептала Дарья Алексеевна, держась за Потапа.

- Сама погляди, Дарья Алексеевна.

- Что ты, дружок! С роду таких чудес не видала; да я с ума сойду, просто ослепну.

- Ты, ты погляди, Никитишна. - говорил Иван Ильич, толкая Лузиху вперед.

Лузиха поглядела в щелку и засмеялась злобно: сцена превзошла её ожидания. Гриша сидел возле Насти, обнявши ее; головка девушки лежала на его плече.

- Что ты видишь? - спросил с любопытством Барышников.

- Что видишь, дружок? - повторила робко Дарья Алексеевна.

Потап дрожал, как осиновый лист и убежал бы, если бы не держалась за него старая хозяйка.

- Да ничего страшного нет, что-то не могу разглядеть, - отвечала Лузиха. - У тебя глазки-то посвежее, погляди-ка сам, Иван Ильич!

Ободренный Иван Ильич сменил Никитишну у щели. Долго глядел он и не верил глазам своим, читал тихонько воскресную молитву, но видение не пропадало. И вот оскорбленный отец опомнился.

- Злодей! - закричал он, как раненый зверь. - Потап, за мной! - И бросился в избу. Потап, дрожа всем телом, последовал за хозяином. Лузиха, злобно улыбаясь, пошла за ними из любопытства. Дарья Алексеевна боялась одна остаться на дворе, все еще приписывая эту суматоху и бешенство зятя чему-то сверхестественному; она схватилась за полу Никитишной тулупчика и хотела ее удерживать, но так как Лузиха была сильнее и хотела непременно быть в избе, то Дарья Алексеевна и была почти насильно увлечена.

Настя услышала голос отца и страшно вздрогнула, но не успела поднять головы, как дверь, которую она забыла запереть изнутри, быстро распахнулась и перед испуганной четой, как грозная тень, стоял разгневанный отец; из-за него выглядывали: глупое лицо и широкие плечи Потапа, из-за Потапа неприязненно сверкали глаза Никитишны, а за ней тряслись низенькие кокошки Дарьи Алексеевны.

Не успела Настя ахнуть, а Григорий вскочить с места.

- Злодей! Варвар! Что ты со мною делаешь? - рыкнул не своим голосом Иван Ильич и сильною рукою схватил Григория за ворот. Гриша помертвел, Настя бросилась между ними.

- Батюшка, прости, он не виноват, - вскричала она, - я одна, я одна виновата перед тобою!

- Прочь, змея подколодная, - вскричал Иван Ильич и сильно оттолкнул ее.

- Потап, поди сюда, вяжи! Крути вора!

Но Потап, самое доброе существо от природы, никак не хотел помогать хозяину в таком озорном деле, а только, выставив свою круглую рожу, молча глядел на происходящее. Теперь только Дарья Алексеевна догадалась в чем дело.

- Бейте его! Убейте, избейте! Живой кости не оставляйте! Руки, ноги обломайте! Кричала она, и бросаясь неистово на Григория, начала кулаками барабанить по его спине, только гораздо больше, чем давеча за обедом.

Гриша не вытерпел; он рванулся, что было силы и, оставив в руках Ивана Ильича ворот своей астраханской рубахи, отбросив Дарью Алексеевну в сторону, словно кошку, выбежал из избы; но боясь погони, он не побежал на улицу, а заметив отворенный коровник бросился туда и спрятался. На дороге он сшиб с ног Фетинью, которую послала Дуняша, по уходе Настя стоявшая у окна, как будто на часах, и увидевшая, как отец со старухами пошел к старой избе и после все вошли туда.

Иван Ильич, выпустив из рук Григория, обратился к Насте; он схватил ее за длинную шелковистую косу и тронул о пол, вскричав: - Убью как гадину!

- Батюшка, прости! простонала Настя и лишилась чувств...

- Какой я твой батюшка! У меня нет дочери, будь ты прокл... - он не договорил и оттолкнул Настю ногою, бросился на лавку, закрыл лицо руками и зарыдал.

- Того и стоит, бесстыдница этакая, позорница; позор всему роду-племени, опозорила мою седую голову. Что теперь, станут говорить? Чему дескать, Дарья Алексеевна внучку-та выучила, да я тебя живую не оставлю, - кричала бабушка и, бросаясь на бесчувственную внучку, колотила по чему попа-ло.

В это время вбежала запыхавшись Фетинья.

- Что это? Настеньку-то мою, голубушку-то мою! Не дам же, не дам над нею наругаться, - кричала она, загородив Настю собою, так что удары Дарьи Алексеевны падали на Фетинью.

- Вот тебе, вот тебе старая потатчица, - приговаривала хозяйка, дубася кривую, свою верную служанку.

- Бей меня сколько душе угодно, поколь руки не отобьешь, матушка Дарья Алексеевна, а уж Настеньку не дам, воля твоя.

- Потап, Потап! Зачем мы злодея-то упустили? - говорил Иван Ильич, колотя кулаком по столу. Но Потап, будто не его дело, переступал с ноги на ногу, почесывал затылок и молча ухмылялся.

- Чем же молодец-то виноват? Ведь без зари красно солнышко не взойдет, а без прилуки молодец к красной девушке не зайдет, - заметила хладнокровно Лузиха, словами песни.

Дуняша, ожидавшая с нетерпением Фетинью, наконец сама решила явиться на сцену. Бедная девушка вскрикнула, увидев в каком положении Настя; она растолкала Потапа и Никитишну, и тоже не очень учтиво толкнула грозную бабушку, потом обратясь к Потапу, сказала настойчиво:

- Потап! Возьми на руки Настеньку и снеси в светлицу. Они её здесь убьют. - Потап, видя, что под этим предлогом он скорее всего может отсюда удалиться и что его заставляют не бить, а спасти от убийства, был очень рад, и схватив Настю, как перышко, понес ее в светлицу. Фетинья последовала за ними; а Дарья Алексеевна за Фетиньей, толкая ее и тузя в спину.

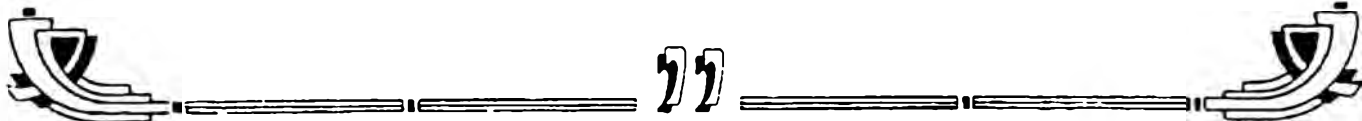
- Какой страм наделали, да еще работника позвали, как будто на показ! - шептала Дуня.

- Ну, что Иван Ильич, не веришь теперь своим глазам? Моим речам ты не верил, да меня же и обидел, - говорила Лузиха, встав перед огорченным отцом, когда все ушли из избы.

- Я виноват перед тобою, Никитишна! Прости! За гордость меня Бог наказал, - прошептал Барышников.

Окончание ловите в следующем номере.

ЗЕЛЕНАЯ

Перед вами костромские загадки, записанные в разное время сотрудниками областного Дома народного творчества, частично взятые из рукописей местного фольклориста К.М.Кудряцева. В 1959 г., в существующем тогда Костромском книжном издательстве, вышел оригинальный сборник "Народные загадки", составленный на основе этого материала. Приглашаем вас вместе с детьми скоротать приятный семейный вечер за разгадкой загадок, придуманных нашими предками.

О ЛЮДЯХ

1. Брат с братом через дорожку живут, друг друга не видят.
2. Не часы, а тикают.
3. Две дочери, две матери да бабушка со внучкой. Сколько всех?
4. Хорошо видит, а слепой.
5. Если бы не было его, не сказал бы ничего.
6. Не колода и не пень, а лежит целый день.
Не жнет и не косит, а обедать просит.
7. На красной перекладинке белые курочки сидят.
8. Пять братьев, годами равные, именами разные.
9. Один говорит, двое глядят, двое слушают. Что это?
10. Кругло, горбато, около - мохнато, придет беда - потечет вода.
11. Носить легко, а считать трудно.
12. В темном подвале лежит мокрый теленок, все время ворочается, а встать не может.
13. Между двух светил
Я в середине один.
14. Жили теща с зятем да муж с женой. Мать с дочерью да бабушка со внучкой. Да дочь с отцом. Сколько всего?

О ВЕЩАХ

1. А ну-ка, ребята, кто угадает:
На десятиртых братьев двух шуб хватает.
2. Под гору - коняшка, а в гору - деляшка.
3. Идет в воду красный, а выходит черный.
4. Без рук, без топоренка - построена избенка.
5. Утка в море, хвост на заборе.
6. Носик стальной, а хвостик льняной.
7. Сам не видит, а другому указывает: нем и глух, а счет ведет.
8. Скручена, связана, на кол посажена, а по улице пляшет.
9. У туши уши, а головы нет.
10. Снизу клин, сверху блин, течет вода, а ему не беда.
11. Сидит Пахом на коне верхом, книги читает, а грамоты не знает.
12. Крутая гора, что ни шаг, то нора.
13. Что с земли легко подыметь, но далеко не закинешь?
14. Кланяется, кланяется,
Придет домой - растянется.
15. Без чего хлеб не испечется?
16. Сам худ, а голова с пуд.
17. Среди воды огонь пылает,
Вода его не заливает.
18. Расколи лед - возьмешь серебро.
Разрежь серебро - возьмешь золото.
19. Тонкая девчонка,
Белая юбочка,
Красный нос.
Чем длиннее ночи,
Тем она короче
От горячих слез.
20. Быстро грызет, мелко жует, сама не глотает?
21. Что с полу за хвост не поднимешь?
22. То толстеет, то худеет, на весь дом голосит.

КРАСНОСЛОВИЕ

23. Всем, кто придет,
И всем, кто уйдет,
Она ручку подает.
24. Висит немая, бранит лентя.
25. Горит, тает, все тайны скрывает.
26. Ходит поем с края в край, режет
черный каравай.
27. Семьсот ворот, да один вход.
28. Чем больше из нее берешь, тем
больше она становится.
29. Стоит столбом, горит огнем, ни
жару, ни пару, ни угольев.
30. Я - услужливый пузан,

- Всех охотно угощаю,
То молчу, как истукан,
А то песни распеваю.
31. Стучит, гремит, вертится, никого
не боится, ходит весь век, а не человек.
32. Дом из жести, а жильцы в нем -
вести.
33. Всех кормлю с охотой я, а сама
безротая.
34. Быют Ермилку что есть сил по затыл-
ку, а он не плачет, только ножку прячет.
35. Тит на работу вышел -
Каждый услышал.

ШУТОЧНЫЕ

1. Каким гребнем головы не расче-
шешь?
2. Что стоит между стеной и дверью?
3. Что можно увидеть с закрытыми гла-
зами?
4. Что было вчера и будет завтра?
5. У кого усы длиннее ног?
6. Сын моего отца, а мне не брат.
7. Шесть ног, две головы, а хвост один.
Что это такое?
8. Может ли дождь идти два дня подряд?
9. Может ли петух назвать себя птицей?
10. Когда черной кошке легче всего
пробраться в дом?
11. Ворона летит, а собака на хвосте
сидит. Может ли это быть?
12. Под каким деревом сидит заяц в
лесу во время дождя?
13. Когда часовой бывает цветком?
14. Когда в пустом кармане что-нибудь
да бывает?
15. Кто на все руки мастер?

16. Лежит - ниже курицы,
Встанет - выше лошади.
17. Где вода столбом стоит?
18. Что острее меча?
19. Что всего на свете мягче?
20. Чего нет быстрее?
21. Где свету конец?
22. Когда дурак умен бывает?
23. Какой в реке камень?
24. У семерых братьев по одной сест-
ре. Много ли всех сестер?
25. Как сорвать ветку, чтобы не вспуг-
нуть птицу?
26. За чем во рту язык?
27. Живет толчея, вьется, как змея;
Виться-то вьется, да больно дерется.
Гора на горе, дыра на дыре.
Всем нет покоя. Что это такое?
28. У кого есть шапка без головы,
нога без сапога?
29. Что будет с вороной, когда она
поживет три года?

ОТГАДКИ

О ЛЮДЯХ 1. Глаза. 2. Сердце. 3. Трое: дочь, мать и бабушка. 4. Неграмотный. 5. Язык. 6. Лентяй. 7. Зубы. 8. Пальцы руки. 9. Язык, глаза, уши. 10. Глаз. 11. Волосы. 12. Язык. 13. Нос. 14. Четверо.

О ВЕЩАХ 1. Варежки. 2. Санки. 3. Голоveshka. 4. Гнездо. 5. Ковш. 6. Иголка и нитка. 7. Верстовой столб. 8. Метла. 9. Ушат. 10. Зонт. 11. Очки. 12. Лестница. 13. Пух. 14. Топор. 15. Без корки. 16. Молоток. 17. Самовар. 18. Яйцо. 19. Свеча. 20. Пила. 21. Клубок ниток. 22. Гармонь. 23. Дверь. 23. Стенная газета. 25. Сургуч. 26. Плуг. 27. Невод. 28. Яма. 29. Свеча. 30. Самовар. 31. Часы. 32. Почтовый ящик. 33. Ложка. 34. Гвоздь. 35. Молоток.

ШУТОЧНЫЕ 1. Гребнем петуха. 2. "И". 3. Сон. 4. Сегодня. 5. У таракана. 6. Я сам. 7. Всадник. 8. Нет, их разделяет ночь. 9. Нет. Он не говорит. 10. Когда дверь открыта. 11. Может: собака сидит на своем хвосте. 12. Под мокрым. 13. Когда он стоит не за будкой. 14. Когда в нем дыра. 15. Перчаточник. 16. Дуга. 17. В колоде. 18. Взор человеческий. 19. Рука. 20. Мысли. 21. В темной комнате. 22. Когда молчит. 23. Мокрый. 24. Одея. 25. Надо подождать, когда птица улетит. 26. За зубами. 27. Плохая дорога. 28. У гриба. 29. Начнет жить четвертый.

НАПОСЛЕДОК

Погода

За 50 лет существования Костромской области самое жаркое лето было в 1972 г., средняя температура за три летних месяца составила + 20,5 градуса. Самая холодная зима была в 1955-56 г., средняя температура за три зимних месяца составила - 17,9 градуса.

Максимальное количество осадков выпало в 1983 г. - 793 мм.

ная, полезная площадь ее 122,6 кв.м. В квартире проживает многодетная семья.

Самые длинные улицы выстроены в Костроме - шесть Давыдовских проездов, длина каждого из них 450 м.

Самое высокое здание построено в Костроме - Универбыгт на проспекте Мира, а самый большой кинотеатр тоже в Костроме - "Россия" (803 места, площадь экрана 195 кв.м).

Спорт

Самый старый рекорд принадлежит костромичу Рудольфу Богомолу, пробежавшему в 1965 году 110 м. с барьерами за 15,0 сек. У женщин рекордом-долгожителем является результат, полученный костромичкой Галиной Денисовой в 1973 г. на чемпионате Европы в беге на 400 м - 54,38 сек.

Названия

Самое желанное место в области - деревня Рай Вохомского района, самое красивое - деревня Красавица Кологривского района, самое священное - деревня Ерусалим Вохомского района, самое говорливое - деревня Балаболиха Шарьинского района, самое богатое - деревня Займа Парфеньевского района (деревни Ваучер в области пока еще нет).

Самое звучное название на карте области - деревня Ианнополь Антроповского района.

Рыбалка

Самые большие рыбы, пойманные в бассейне Волги: сом - 56 кг, щука - 16 кг, жерех - 8 кг, лещ - 3,5 кг.

Строительство

Самая большая квартира находится в г.Костроме на ул.Свердлова. Квартира шестикомнат-

Архив

Самыми древними документами, хранящимися в областном государственном архиве, являются 8 рукописей церковно-духовного содержания, датируемых XV веком: псалтырь, 2 минеи, служебник и другие.

Всем, посетившим
"ТУБЕРНСКИЙ ДОМ", -
сердечное спасибо

ГУБЕРНСКИЙ

2/94 ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ДОМ

Время Общество Знание

Уроки родиноведения. Культура старой Костромы.
Костромские минеральные воды.
Большое переселение малых деревень.
Родословная одной семьи.

Свидетельства Архивы Документы

Кострома начала века. Из мемуаров Л. Колгушкина.
Чудо-поезд губернатора Шиловского.
По следам грибоедовского прототипа.
Дементьевский архив. Летопись странника.

Литература Искусство Культура

Александра Кобякова. Последняя казнь.
Анатолий Беляев. Сколки.
Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей.
Народное краснословие: детские игры, потешки, дразнилки.

Редактор Николай Муренин.
Художник Василий Чистов.
Фото из коллекций Андрея Анохина,
Георгия Белякова, Александра Шикалова.

Адрес редакции: 156601, г. Кострома, пл. Советская, 2, тел. 57-29-33.
Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 1.12.93 г. Подписано к печати 14.1.94 г. Печать офсетная. Объем 10 п.л.
Тираж 4000 экз. Цена договорная.

Макет и верстка выполнены Издательской фирмой "Костромские ведомости",
г. Кострома, ул. Советская, 3

Отпечатано в областной типографии им. Горького управления по делам печати
и массовой информации администрации Костромской области,
г. Кострома, ул. П. Щербины, 2.

